Санкт-Петербургский государственный университет

На правах рукописи

Полякова Анна Александровна

Опыты реконструкции творческих замыслов А. А. Бестужева-Марлинского 1820–1830-х гг.

Специальность 10.01.01. Русская литература

Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН,
главный научный сотрудник
ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН
профессор кафедры истории
русской литературы СПбГУ
Мария Наумовна Виролайнен

Санкт-Петербург – 2020

Оглавление

Введение **3**

Глава 1. Творческая история «Поездки в Ревель» **12**

§ 1. Жанровый и идейный контекст 12
§ 2. Две редакции «Поездки в Ревель»; импульсы к переработке произведения; итоги работы в жанре травелога 20

Глава 2. Неосуществленный замысел «московских записок» **41**

§ 1. Первая московская поездка Бестужева и его отношения с московскими литераторами в 1823–1825 гг. 42
§ 2. «План» П. А. Вяземского; причины отказа от его осуществления 51

Глава 3. Замысел «якутского» альманаха (1829) и творческие поиски А. А. Бестужева 1827–1829 гг. **64**

§ 1 Финансовая история «якутского» альманаха (1829) 65
§ 2. Эстетическая позиция Бестужева второй половины 1820-х гг. 77

Глава 4. Незавершенный роман «Вадимов» (1833–1834) **104**

§ 1. Творческая история романа. История публикаций 104
§ 2. Историософские взгляды Бестужева: между Н. М. Карамзиным и Н. А. Полевым 109
§ 3. Полемика вокруг «Петра Ивановича Выжигина»; 122
споры об историческом романе начала 1830-х гг. 122
§ 4. Реконструкция сюжета романа «Вадимов» 141
§ 5. После «Вадимова»: рассказ «Он был убит» (1834–1835) 147

Заключение **152**

Список использованной литературы **158**

ПРИЛОЖЕНИЕ **176**

Издательская история «Русских повестей и рассказов» (1832–1834) **176**

§ 1. Чиновник и издатель: к биографии А. М. Андреева 177
§ 2. Сотрудничество А. А. Бестужева с периодическими изданиями Н. А. Греча и Ф. В. Булгарина; подступы к изданию собрания сочинений 181
§3. Выход первых пяти частей «Русских повестей и рассказов»; разрыв отношений с Н. И. Гречем; сотрудничество с «Библиотекой для чтения» Ф. А. Смирдина; работа К. А. Полевого по изданию новых частей собрания сочинений 198

Введение

Видный писатель и критик 1820–1830-х гг., один из самых талантливых прозаиков в среде декабристов, А. А. Бестужев-Марлинский всегда был в поле зрения литературоведения. Тематический охват исследований, посвященных его творчеству, достаточно широк и разнообразен. Так, уже в начале XX в. появилась работа И. И. Замотина, который описал европейские истоки прозы Бестужева[1]. Проблемы мировоззрения писателя и связи его творчества с критикой и философскими течениями того времени рассматривались в трудах В. Г. Базанова[2], Н. И. Мордовченко[3], А. П. Шарупича[4], Е. М. Пульхритудовой[5], Ф. З. Кануновой[6]. Описание жизни и творчества Бестужева давалось в исследовании Н. А. Котляревского[7], а позднее – в ряде вступительных статей к разным изданиям сочинений писателя (Н. Л. Степанов[8], Н. Н. Маслин[9], А. В. И. Гусев[10], В. И. Кулешов[11]). Можно выделить группу работ, поднимающих вопросы этнографизма в произведениях Бестужева-Марлинского, в частности – влияние на его творчество поездок в Прибалтику (С. Г. Исаков[12]) и жизни на

---

[1]*Замотин И. И.* Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе: В 2 т. СПб, 1913. Т. 2. С. 171–282.

[2]*Базанов В. Г.* Очерки декабристской литературы: Публицистика, проза, критика. М., 1953. С. 249–525.

[3]*Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959. С. 314–375.

[4]*Шарупич А. П.* Декабрист Александр Бестужев: Вопросы мировоззрения и творчества. Минск, 1962.

[5]*Пульхритудова Е. М.* Литературная теория декабристского романтизма в 30-е годы XIX в. // Проблемы романтизма: Сб. ст. М., 1967. [Вып.] 1. С. 232–292.

[6]*Канунова Ф. З.* Эстетика русской романтической повести: (А. А. Бестужев-Марлинский и писатели-беллетристы 20–30-х гг. XIX века). Томск, 1973.

[7] *Котляревский Н. А.* Декабристы. СПб., 2009. С. 91–316.

[8]*Степанов Н. Л.* Александр Марлинский (А. А. Бестужев) // Марлинский А. (Бестужев А. А.) Избранные повести. Л., 1937. С. 3–42.

[9]*Маслин Н. Н.* А. А. Бестужев-Марлинский // Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. М., 1958. Т. 1. С. III–LVI.

[10] *Гусев В. И* Судьба Александра Бестужева // Бестужев-Марлинский А. А. Повести и рассказы. М., 1976. С. 5–20.

[11] *Кулешов В. И.* Александр Бестужев-Марлинский // Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 5–32.

[12] *Исаков С. Г.* О «ливонских» повестях декабристов // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1965. № 8. С. 33–80 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та).

Кавказе (М. П. Алексеев[13], А. В. Попов[14]). В исследованиях Н. А. Коварского[15], В. В. Виноградова[16], Х. Д. Леэметс[17] рассматривались формальные аспекты поэтики писателя. В ряде работ общего характера, посвященных прозе первой половины XIX века, произведения Бестужева-Марлинского анализировались в контексте литературной ситуации, сложившейся в эпоху русского романтизма[18]. Проблемы литературной репутации и мифологизации личности Бестужева-Марлинского рассмотрены в монографии Л. Бегби[19] и в очерке «Легенда о Марлинском», который содержится в уже упомянутой книге М. П. Алексеева[20]. Существует, кроме того, целый ряд работ, посвященных альманаху А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева «Полярная звезда». Как правило, в этих работах на первых план выходила эстетическая или идеологическая позиция издания[21], но в последнее время появляются исследования, в которых сочетаются литературоведческий, социологический и социо-культурный

---

[13] *Алексеев М. П.* Этюды о Марлинском. Иркутск, 1928. С. 32–44.

[14] *Попов А. В.* Декабристы-литераторы на Кавказе. Ставрополь, 1963. С. 21–110.

[15] *Коварский Н. А.* Ранний Марлинский // Русская проза: Сб. статей. Л., 1926. С. 135–158.

[16] *Виноградов В. В.* Стиль прозы Лермонтова // Виноградов В. В. Избр. труды. Язык и стиль русских писателей от Карамзина до Гоголя. М., 1990. С. 183–197.

[17] *Леэметс Х. Д.* К вопросу о семантической структуре метафорического эпитета в русской прозе начала XIX века: (На материале произведений А. Марлинского) // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1971. № 17. С. 190–199 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та).

[18] См., например: *Иезуитова Р. В.* Пути развития романтической повести. Светская повесть // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра. Л., 1973. С. 77–108, 169–187; *Левкович Я. Л.* Историческая повесть // Там же. С. 108–134; *Троицкий В. Ю.* 1) Романтическая проза декабристов // История романтизма в русской литературе. М., 1979. Вып. 1. С. 291–308; 2) Поэтика романтической повести. А. А. Бестужев-Марлинский // Там же. Вып. 2. С. 108–126; *Маркович В. М.* Дыхание фантазии // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1825–1840 гг.) Л., 1990. С. 5–47; *Манн Ю. В.* Русская литература XIX века: Эпоха романтизма. М., 2001. С. 238–242, 281–283; *Шрага Е. А.* Литература против литературности: Пути развития циклизованной прозы 1820–1830-х годов. СПб., 2013. С. 27, 67–70.

[19] *Бегби Л.* Александр Бестужев-Марлинский и русский байронизм. СПб., 2001.

[20] *Алексеев М. П.* Этюды о Марлинском. С. 3–31.

[21] См., например: *Маслов В. И.* Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев, 1912. С. 347–371; *Архипов В. А., Базанов В. Г., Левкович Я. Л.* Литературно-эстетические позиции «Полярной звезды» // «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л. 1960. С. 803–884 (Сер. «Литературные памятники»); *О'Мара П.* К. Ф. Рылеев: Политическая биография поэта-декабриста. М., 1989. С. 219–224; *Готовцева А. Г., Киянская О. И.* «Временные заседатели Парнаса»: К истории альманаха «Полярная звезда» // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2013. № 12. С. 11–33.

подходы[22].

Несмотря на такой широкий круг тем, исследование жизни и творчества Бестужева-Марлинского в какой-то момент зашло, как кажется, в своеобразный тупик. Показательна в этом отношении недавняя монография А. В. Агалакова «Светская повесть эпохи декабризма: Генезис, статика, динамика, поэтика и суггестия русского повествовательного романтического жанра»[23]. К анализу привлекается тот корпус текстов Бестужева-Марлинского (от «Вечера на бивуаке» до «Фрегата “Надежда”»), который традиционно фигурирует во всех исследованиях творчества писателя. Повторяется не менее традиционный круг тем и проблем: истоки романтической повести и жанровая специфика повести «светской», тип героя и конфликта в прозе писателя, особенности композиции и т. д. Впрочем, реферативный характер работы, посвященной поэтике «светских» повестей Бестужева-Марлинского, предсказуем: как пишет сам Агалаков во введении к своей монографии, «за 20 последних лет таких работ, изучающих жанр светской повести первой трети XIX века, насчитывается более 500. В этих исследованиях, с самой широкой палитрой научных изысканий, точкой отсчета, как правило, является творчество А. А. Бестужева-Марлинского»[24]. Очевидно, что без принципиальной смены угла зрения на корпус изучаемых текстов писателя довольно трудно не свести исследование к реферированию многочисленных работ предшественников.

Одной из причин того, что обращение к творчеству Бестужева-Марлинского стало порой сводиться к повтору всё тех же тезисов могло стать

---

[22] См.: *Рейтблат А. И.* Литературный альманах 1820–1830-х гг. как социокультурная форма // Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки. М., 2001. С. 70–81; *Готовцева А. Г.* К финансовой истории альманаха К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева «Полярная звезда» // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2010. № 8. С. 9–25. Справедливости ради нужно сказать, что первые работы такого плана появились уже в конце 1920-х гг. (см.: *Гриц Т. С., Никитин М. М., Тренин В. В.* Словесность и коммерция: (Книжная лавка А. Ф. Смирдина). М., 1929; *Гессен С. Я.* Книгоиздатель Александр Пушкин: Литературные доходы Пушкина. Л., 1930), но позднее этот подход распространения не получил.

[23] *Агалаков А. В.* Светская повесть эпохи декабризма: Генезис, статика, динамика, поэтика и суггестия русского повествовательного романтического жанра. Saarbrücken, 2012.

[24] Там же. С. 9.

то, что в исследовательской практике с недостаточной степенью полноты учитывается важнейшая часть наследия писателя, а именно его письма. Те три десятка писем, которые перепечатываются в собраниях сочинений[25] и поэтому наиболее известны, лишь в малой мере представляют его эпистолярное наследие, которое в реальности включает больше 450 единиц. Между тем ценность этого материала в изучении Бестужева-Марлинского очевидна. Для литератора, большая часть творческой жизни которого прошла в ссылке, переписка в конечном счете стала единственным средством вырваться из культурной и литературной изоляции.

Причины, по которым эти тексты до сих пор находятся на периферии исследовательского внимания, становятся понятны, если обратиться к истории публикации эпистолярного наследия Бестужева-Марлинского. Две трети его писем, оригиналы которых хранятся в рукописных отделах Российской национальной библиотеки, Пушкинского Дома, и в РГАЛИ, была опубликована уже в 1860–1880-е гг. Как показал Г. В. Прохоров, в 1847 г. была предпринята попытка издать три письма Бестужева к братьям – но это издание было запрещено цензурой[26]. Только после амнистии 1856 г. и последовавшего за ней резко возросшего интереса к декабристам начали появляться многочисленные материалы, связанные с их жизнью – и одна за другой появились публикации писем Бестужева-Марлинского, осуществленные М. И. Семевским[27], К. А. Полевым[28], Н. К. Богушевским[29] и П. И. Бартеневым[30]. Несмотря на то, что

---

[25] См.: *Бестужев-Марлинский А. А.* Соч.: В 2 т. М., 1958. Т. 2: Повести. Рассказы. Очерки. Стихотворения. Статьи. Письма. С. 615–675; *Бестужев-Марлинский А. А.* Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 2: Повести. Рассказы. Очерки. Стихотворения. Статьи. Письма. С. 471–524.

[26] *Прохоров Г. В.* Три письма декабриста А. А. Бестужева из Якутска // Былое. 1925. № 5. С. 114–120.

[27] *Семевский М. И.* 1) Александр Бестужев (Марлинский): 1798–1837 // Отечественные записки. 1860. № 5. С. 122–166; № 6. С. 299–350; № 7. С. 43–100; 2) Александр Бестужев в Якутске: Неизданные письма его к родным, 1827–1829 // Русский вестник. 1870. № 5. С. 213–264; 3) Александр Бестужев на Кавказе, 1829–1837: Неизданные письма его к матери, сестрам и братьям // Русский вестник. 1870. № 6. С. 485–524; № 7. С. 46–85.

[28] *Полевой К. А.* Письма Александра Александровича Бестужева к Н. А. и К. А. Полевым, писанные в 1831–1827 годах // Русский вестник. 1861. № 3. С. 285–335; № 4. С. 425–487.

[29] Александр Александрович Бестужев в письмах 1824 и 1837 гг. / Сообщ. Н. К. Богушевский // Русская старина. 1889. Т. 63–64. Вып. 11. С. 375–378.

после 1880-х гг. интерес к декабристам несколько спал, публикация писем не прекратилась – и в 1890–1900-х гг. также появилось несколько журнальных публикаций[31].

Ранние публикации отличались рядом недостатков – и речь идет не только о многочисленных опечатках или о практически полном отсутствии комментариев к письмам. Например, Семевский, наиболее активный публикатор писем Бестужева, не скрывал того, что печатал их с сокращениями[32], причем пропуски никак не маркированы. Главной целью Семевского было знакомство современников с жизнью реального Александра Бестужева, который до этого времени находился в тени Александра Марлинского, вокруг романтизированного образа которого сложилась целая мифология, часто имеющая весьма косвенное отношение к реальной биографии писателя[33]. Поэтому не удивительно, что корпус текстов, опубликованный Семевским, сформирован из писем, где Бестужев предстает перед нами не столько как писатель или издатель, а скорее, как заботливый сын и брат.

Вторая волна интереса к эпистолярному и мемуарному наследию декабристов пришлась на вторую половину 1920-х гг. и была связана с

---

[30] Дружеские сношения Пушкина. Письма к нему / Публ. и ком. П. И. Бартенева // Русский архив. 1881. Кн. 1, № 2. С. 425–427.

[31] См., например: *Долгов С. О.* Письма А. А. Бестужева (Марлинского) к братьям Полевым // Русское обозрение. 1894. № 10. С. 819–834; Из архива Ф. В. Булгарина (письма к нему разных лиц) // Русская старина. 1901. Т. 105. Вып. 2. С. 383–403; *Барсуков Н. П.* Князь Вяземский и Пушкин // Старина и новизна. 1904. Кн. 8. С. 30–32.

[32] «…считаем нужным заметить, что мы печатаем письма Бестужева слово в слово с подлинником и с самыми небольшими пропусками некоторых не имеющих никакого интереса строк; мы думали сделать больше выпусков, но от того много потерял бы колорит этих писем, и без того недлинных» (*Семевский М. И.* Александр Бестужев в Якутске. С. 225–226).

[33] «Между тем личность Бестужева <...> в продолжение почти двадцати пяти лет после его смерти оставалась для публики <...> каким-то мифическим существом. Действительная фамилия его не выплывала на свет Божий. Портрет Бестужева, случайно появившийся в начале сороковых годов с подписью его фамилии, был задержан по требованию тогдашней цензуры, и экземпляры его сгнили в каких-то кладовых. Только в 1860 году представилась возможность напомнить читателям не о Марлинском, а уже об Александре Бестужеве, и притом не как о писателе только, но и как о человеке, жизнь которого, как одного из типических представителей своего времени и поколения, полна интереса» (Там же. С. 212–213).

празднованием столетия выступления на Сенатской площади. Именно тогда вышли три тома сборника материалов «Памяти декабристов», на страницах которого Н. В. Измайлов, помимо дневника и записок Бестужева-Марлинского, опубликовал его письма к родным 1817(?)–1825 гг.[34], а Г. В. Прохоров – письма из якутской ссылки[35]. По вполне понятным причинам творческое и мемуарное наследие декабристов находилось в центре внимания советских исследователей, поэтому работа по изданию писем Бестужева-Марлинского и позднее велась достаточно активно[36]. Среди относительно недавних изданий писем Бестужева нужно назвать публикацию писем 1830-х гг., подготовленную Ф. З. Кануновой[37].

К настоящему времени часть эпистолярного наследия писателя так и осталась неопубликованной; не существует ни полного собрания писем, ни хотя бы их указателя. В 1930–1940-е гг. над подготовкой такого полного собрания писем Бестужева-Марлинского работал Г. В. Прохоров. К сожалению, этот труд ученого так и не увидел свет, но машинопись неопубликованного издания сохранилась и в настоящий момент хранится в отделе рукописей Российской национальной библиотеки[38]. Машинопись представляет собой прокомментированное собрание всех сохранившихся писем Бестужева-Марлинского с начала 1820-х гг. (всего 437 единиц). Ученый тщательно сверил журнальные варианты с оригиналом и попытался в полном объеме представить эпистолярий писателя. Однако и материалы Прохорова не полны – так, в его машинописи практически не представлен корпус писем Бестужева-

---

[34] *Измайлов Н. В.* Бестужев до 14 декабря 1825 г. // Памяти декабристов: Сб. материалов. Л., 1926. Вып. 1. С. 1–100.

[35] *Прохоров Г. В.* А. А. Бестужев-Марлинский в Якутске // Там же. Вып. 2. С. 189–226.

[36] См., например: Письма Александра Бестужева к Петру Бестужеву // Воспоминания Бестужевых / Ред., ком. и вступ. статья М. К. Азадовского. Л., 1951. С. 531–539 (Сер. «Литературные памятники»); Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825) / Публ. и ком. К. П. Богаевской; вступ. статья Н. Л. Степанова // Литературное наследство. М., 1956. Т. 60, кн. 1. С. 191–230; *Левкович Я. Л.* Судьба Марлинского // Звезда. 1975. № 12. С. 154–165.

[37] *Бестужев-Марлинский А. А.* Кавказские повести. СПб., 1995. С. 484–549 (Сер. «Литературные памятники»).

[38] ОР РНБ. Ф. 69 (Бестужевы). Ед. хр. 32–47.

Марлинского, адресованных Вяземскому; нами были обнаружены также некоторые иные лакуны. Не лишено собрание Прохорова и других недостатков: например, в комментариях к письмам не указано место их первой публикации, что порой значительно усложняет работу с ними. Отчасти этот недостаток компенсирован в той части вступительной статьи, где исследователь перечислил первые публикации писем – однако сообщения, что отдельные письма появились, например, на страницах «Киевской старины» или «Харьковских губернских очерков» без указания хотя бы года публикации, только дезориентирует.

Представленная к защите работа выросла в результате изучения полного корпуса писем Бестужева-Марлинского – как опубликованных в разных изданиях, так и неопубликованных. Знакомство с этим материалом, открывающее далекие научные перспективы, позволило определить **цель** настоящей работы: изучить с опорой на эпистолярий те аспекты творчества писателя, которые либо вовсе обойдены вниманием исследователей, либо в недостаточной мере освещены в научной литературе. Разумеется, речь могла идти лишь о весьма ограниченном и при этом внутренне связанном круге проблем и материалов. Определение предмета исследования стало поэтому первой **задачей**, которую следовало решить в работе.

В качестве такого **предмета** были избраны четыре творческих замысла Бестужева-Марлинского: реализованный в 1821 г. замысел травелога («Поездка в Ревель»); предложенный Вяземским в 1823 г., но не принятый Бестужевым замысел «московских записок»; не состоявшийся замысел авторского альманаха, разрабатывавшийся Бестужевым в якутской ссылке в 1829 г. и незавершенный роман «Вадимов» (1833–1834). Во всех случаях в центре внимания должен был оказаться тот биографический, литературный и творческий контекст, который либо стимулировал замысел и определял его характер, либо препятствовал его осуществлению. Иными словами, реконструкция истории каждого замысла предполагала погружение в то, что

принято называть творческой лабораторией писателя. Привлечение эпистолярного материала к решению этой задачи, естественно, не должно было стать самоцелью; переписка Бестужева рассматривалась лишь как значимый компонент в кругу других историко-литературных материалов.

Обращение к каждому из замыслов диктовало постановку соответствующего ему ряда **задач**.

Для описания творческой истории «Поездки в Ревель», во-первых, необходимо было определить круг идей и текстов, повлиявших на формирование и развитие замысла (прежде всего это идеи, пропагандировавшиеся в Вольном обществе любителей российской словесности, активном участником которого был Бестужев, а также те тексты, которые публиковались на страницах «Соревнователя просвещения и благотворения», печатного органа общества). Во-вторых, произведение Бестужева следовало рассмотреть в контексте жанровой традиции путешествий и ее модификаций. В-третьих, после того, как было обнаружено, что «Поездка в Ревель» имеет две редакции, потребовалось выявить побудительные мотивы переработки травелога и ее основные направления.

Замысел «московских записок», которые Вяземский советовал написать Бестужеву по следам его первой поездки в Москву, казалось бы, должен был привлечь автора «Поездки в Ревель». Тем более любопытно было понять причины, по которым Бестужев отказался от такой идеи. При решении этой задачи, с одной стороны, необходимо было учесть общий характер творческой эволюции Бестужева, а с другой стороны – выяснить степень соответствия предложенного замысла той позиции, которую он занял как издатель «Полярной звезды».

Проект авторского альманаха, задуманного в якутской ссылке, несомненно был связан с издательским опытом Бестужева. Обращение к этому проекту требовало анализа подробно проработанной Бестужевым коммерческой стороны издания и степени ее соответствия реальному положению на книжном

рынке в конце 1820-х гг. Кроме того, необходимо было предпринять попытку описания эстетических позиций Бестужева во второй половине 1820-х гг. – позиций, которые могли найти отражение в планировавшемся издании.

Описание творческой истории незавершенного романа «Вадимов» осуществлялось в нескольких направлениях. Во-первых, необходимо было вписать собственные представления Бестужева о природе исторического романа в самый широкий контекст, обратившись, с одной стороны, к историософским спорам конца 1820 – начала 1830-х гг, с другой – к полемике вокруг исторических романов Ф. В. Булгарина и М. Н. Загоскина. Во-вторых, следовало соотнести автометаописания Бестужева с текстом «Вадимова», сопоставив теоретические декларации с художественной практикой. Наконец, важно было рассмотреть отрывки из «Вадимова» на фоне рассказа «Он был убит», который, как предполагается, мог быть написан по «мотивам» несостоявшегося романа.

Каждому из замыслов посвящена отдельная глава, чем и продиктована **композиция** работы, состоящей из Введения, четырех глав, Заключения и Списка использованной литературы.

Диссертация обращена, таким образом, не к магистральным произведениям Бестужева, а к наименее изученным страницам его творческой биографии. Этим, как можно надеяться, определяются **новизна** и **актуальность** предпринятого исследования.

Глава 1. Творческая история «Поездки в Ревель»

«Поездка в Ревель», травелог 1821 г., явился своеобразным связующим звеном между «ливонскими» «учеными» очерками А. А. Бестужева и его историческими повестями. Интерес писателя к «ливонской» теме в первой половине 1820-х гг. был вызван событиями как общественного, так и личного характера. В 1816–1819 гг. в западных губерниях Российской империи был проведен ряд реформ; особое внимание общественности привлекло освобождение крестьян. Этот важный политический жест стал импульсом для создания ряда текстов, посвященных «прибалтийской» теме, в той или иной степени сохранившей свою актуальность до середины 1830-х гг.[39]. Обращение к ней Бестужева было вполне естественным: в 1821–1822 гг. он принимал участие в походе гвардии по западной окраине империи и побывал в Эстляндии, Витебской губернии и Минске. Творческая история «Поездки в Ревель» позволяет проследить тот путь, который писатель прошел от «ученых» очерков к фикциональным текстам.

§ 1. Жанровый и идейный контекст

На первый взгляд кажется, что жанровые источники «Поездки в Ревель» вполне очевидны: сам повествователь прямо называет имена Л. Стерна[40] и Ш. М. Дюпати[41]. Тем не менее в разное время исследователи пытались выявить

---

[39] См.: *Исаков С. Г.* О ливонской теме в русской литературе 1820–1830-х годов // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1960. Вып. 98. С. 143–190 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та).

[40] «Стерн, где перо твое!»; «Разве ты воображаешь, что я могу, как странствующий Тристрама Шанди, пришивать периоды к несочиненным еще сочинениям!» (*Бестужев А*. Поездка в Ревель. СПб., 1821. С. 44, 107; далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы арабской цифрой).

[41] Желали вы – я обещал,
Мои взыскательные други!
Чтоб я рассказам посвящал
Минутных отдыхов досуги,

связи этого текста с отечественными образцами травелога, предполагая скорее не прямое, а опосредованное взаимодействие с европейской традицией. Так, к вопросу о жанровом претексте «Поездки в Ревель» обращался еще в середине 1920-х гг. Н. А. Коварский[42], частные наблюдения которого тесно связаны с общей характеристикой жанра, предпринятого в это же время Т. А. Роболи[43]. В качестве предшественников Бестужева Коварский называет, кроме Дюпати, Карамзина, чьи «Письма русского путешественника» стали своего рода жанровым образцом отечественного травелога[44]. Вслед за Роболи ученый пишет, что «путешествия» Бестужева и Карамзина объединяет характерная для «гибридного» типа травелога двухуровневая повествовательная структура, сочетающая описание внешнего плана и «чувствований» героев. Позднее с традицией «сентиментальных путешествий», в частности, с текстами Стерна,

---

И приключения пути
Вам описал, как Дю-пати.
(1)

[42] *Коварский Н.* Ранний Марлинский. С. 135–158.

[43] *Роболи Т.* Литература путешествий // Русская проза: Сб. статей. Л., 1926. С. 42–73. Кратко описывая западноевропейскую традицию путешествий, Роболи выделяет два типа: «стерновский», «где настоящего описания путешествия в сущности нет <...> официальное путешествие пристегнуто к вещам, вовсе не имеющим с ними необходимой связи», и заданный Дюпати, «представляющий гибридную форму, где этнографический, исторический и географический материал перемешан со сценками, рассуждениями, лирическими отступлениями и проч.» (Там же. С. 48). Одним из едва ли не обязательных элементов традиции путешествий, основателем которой считается Дюпати, является описание ключа или водоема: Дюпати описывает Воклюз, В. В. Измайлов в своем «Путешествии в полуденную Россию» – крымский Салгир и т. д. (см.: Там же. С. 60). Вероятно, описание Нарвского водопада, данное Бестужевым в «Дорожных записках на обратном пути из Ревеля», также можно рассматривать как знак причастности к этой традиции.

[44] Именно с путешествием «типа Дюпати» Роболи соотносит текст Карамзина: «“Письма русского путешественника” сконструированы по типу гибридному, но в отношении к своему образцу – Дюпати – сгущеннее в смысле количества и разнообразия вводного материала, так и в смысле эпистолярности своего стиля; кроме того, “Путешествие” Дюпати стилистически однороднее. – У Карамзина чрезвычайной пестроте материала соответствует пестрота стиля. Помимо описаний всякого рода достопримечательностей, мы встречаем в “Письмах” рассуждения, размышления, лирические излияния, повести, сценки, исторические анекдоты, театральные рецензии, переводы иностранных писателей, очерки иностранной литературы, биографии, описания произведений живописи, скульптуры, архитектуры и т. п.» (Там же. С. 49–50). В «Поездке в Ревель» дана прозрачная отсылка к «Письмам русского путешественника»: «Против Ратуши я невольно узнал гостеприимный дом негоцианта К-ра <Крамера. – *А. П.*>, где провел столь приятный вечер не первый русский путешественник, но лучший писатель своего путешествия» (118–119).

«Поездка в Ревель» была соотнесена Н. И. Мордовченко[45].

Круг жанровых претекстов интересующего нас травелога был заметно уточнен в недавней статье Т. Н. Степанищевой[46]. Не отрицая безусловного влияния на текст Бестужева «путешествий» Дюпати и Карамзина, исследовательница подчеркивает, что «Поездка в Ревель» не относится к жанру «сентиментального путешествия», и называет еще один, менее очевидный источник, а именно «Письма русского офицера» Ф. Н. Глинки, опубликованные в 1808 г. и переизданные в 1815–1816 гг.[47]. Степанищева обнаруживает между этими травелогами ряд параллелей. Во-первых, общим для путешествий Глинки и Бестужева оказывается тип повествователя – не чуждый остроумия офицер, путешествующий по долгу службы, а не из праздного любопытства. Кроме того, в обоих путешествиях в ткань повествования включены, помимо стихотворений (сочетание прозаических и стихотворных элементов вообще характерно для жанра путешествия), ультраромантические повести: в «Письмах русского офицера» беллетристически перерабатывается легенда об основании Отроча монастыря; в «Поездке в Ревель» повествователь делится с читателями историей о своем «баснословном» предке Гедеоне Бестужеве[48]. Важен и биографический контекст. Писатели были лично знакомы: Глинка с 1819 г. являлся председателем Вольного общества любителей российской словесности (в дальнейшем – ВОЛРС), а годом позже членом общества стал Бестужев.

Как нам представляется, связь между травелогами действительно есть, но,

---

[45] «“Поездка в Ревель” была обработана в стернианской манере с обилием каламбуров, сравнений и <...> острословием» (*Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. С. 328).

[46] *Степанищева Т. Н.* История «Поездки в Ревель» Александра Бестужева (цензура как двигатель авторского развития) // Идеологические контексты русской культуры XIX–XX вв. и поэтика перевода : Wiener Slawistischer Almanach. 2016. Sonderband 93. С. 23–37.

[47] См.: Там же. С. 33–35.

[48] Во «Втором полном собрании сочинений» Бестужева этот фрагмент был опубликован как самостоятельное произведение (см.: *Марлинский А.* Второе полное собрание сочинений. СПб., 1847. Т. 4, ч. 10. С. 151–161), что отражало волю самого автора, высказанную в письме к К. А. Полевому 18 мая 1833 г. (см. ниже, с. 36; в собрании сочинений Марлинского 1838–1839 гг. повесть о Гедеоне была исключена из текста «Поездки в Ревель», но и отдельно напечатана не была).

кажется, более сложная и требующая пояснений. По всей видимости, уже ко времени написания «Поездки в Ревель» в ВОЛРС сформировалась достаточно устойчивая жанровая традиция, действительно не равная «сентиментальному путешествию»; произведения Глинки, одной из ключевых фигур общества, могли выступить в качестве ее важного прецедента. В этой связи охарактеризуем ближайший для травелога Бестужева контекст, а именно исторические проекты ВОЛРС 1817–1821 гг. и «ученые упражнения» общества в этот период.

Известно, что в 1817 г. А. А. Никитин, один из организаторов ВОЛРС и его секретарь, представил на суд «соревнователей» несколько проектов, способствующих распространению просвещения: полную «Российскую энциклопедию»; исторический словарь о «великих мужах России», составленный из «жизнеописания многих великих людей Отечества»; новый иконографический словарь. Одним из требований к этим изданиям должны были стать историческая точность и достоверность, о чем было прямо заявлено в выступлении[49].

Около того же времени в России появилось несколько изданий, подобных тем, о которых говорил Никитин: «Плутарх для юношества, или Жизнь великих людей всех наций, от самых отдаленных до наших времен»[50] и «Пантеон славных российских мужей» в 4-х частях[51]. Как показывает В. Г. Базанов, в

---

[49]См.: *Брайловский С. Н.* К вопросу о Пушкинской плеяде: Историко-литературные материалы и исследования (продолжение) // Русский филологический вестник. Варшава, 1909. Т. 61. С. 56–57.

[50] «Плутарх для юношества» имеет долгую и показательную историю переизданий. Впервые он вышел в 1808 г. как перевод с французского; в него было включено жизнеописание Петра I, единственного в этом издании представителя российской истории. Каждое следующее издание «Плутарха для юношества» (1814, 1819–1823) пополнялось все большим числом отечественных биографий (см.: *Базанов. В. Г.* Ученая республика. М.; Л. 1964. С.104).

[51] В 4-ю часть «Пантеона…» вошли жизнеописания, предназначавшиеся для «Исторического словаря» Никитина – например, очерк Б. Федорова «Характер и жизнь П. А. Румянцева» (Пантеон славных российских мужей. СПб., 1818. Ч. 4. № 8. С. 84–92), примечание к которому гласило: «Написано мною в числе жизней, собираемых для “Опыта российского исторического словаря”» (Там же. С. 84). Как часть единого исторического проекта мыслилась и «Жизнь боярина Матвеева» (Там же. № 7. С. 1–13) того же автора, который сообщал в примечании: «Я имею в виду издать таким образом жизни многих наших

конечном счете не состоявшийся проект Никитина, вероятно, должен был стать реализацией идей, выдвинутых в это же время Ф. Глинкой: «предложение Никитина о “Российской энциклопедии” и “Словаре великих мужей России” имеет много общего с предложением Глинки о необходимости иметь свою “Отечественную историю” <...> Одновременно с летописью об Отечественной войне 1812 г. Глинка размышлял о создании силами отечественных писателей, “любителей отечественной славы”, исторического повествования»[52]. Председатель общества полагал, что отдельные исторические события и жизнеописания героев отечественных достойны «славяно-русского Анахарсиса», путешествующего по России[53]. При сопоставлении с проектами Никитина важно и другое: Глинка особенно подчеркивал, что главную ценность этих повествований представляют не художественные достоинства, а историческая достоверность, которая требует непосредственного обращения к источникам[54], а не к «замышлениям» современных «стихотворцев и баснесплетателей»[55]. В течение 1817 г. на заседаниях общества был прочитан ряд «ученых путешествий» (например, «Путешествие к водопаду Кивач» Ив. Боровкова и «Путешествие к реке Паше» гр. Хвостова).

соотечественников» (Там же. С. 1). В той же части «Пантеона…» были опубликованы и очерки Ф. Н. Глинки: «Краткое обозрение военной жизни и подвигов графа Милорадовича» (Там же. № 8. С. 64–83) и «Подвиги генерал-лейтенанта Котляревского в походе 1812 года» (Там же. № 9. С. 99–127).

[52] *Базанов В. Г.* Ученая республика. С. 91.

[53] «Рассматривание любопытных грамот в Риге обновило во мне мысль, которая не раз <...> представлялась мне со всею заманчивостью пользы и приятности. Я хочу сказать о *составлении* путешествия по *древней первобытной России*. – Известная книга, *путешествие Анахарсиса по Греции* невольно внушает мне мысль сию. Пусть кто-нибудь представит нам *славяно-русского Анахарсиса*, путешествующего из края в край еще *не разделенной России*» (*Глинка Ф. Н.* Письма к другу, содержащие в себе: замечания, мысли и рассуждения о разных предметах, с присовокуплением исторического повествования: Зинобей Богдан Хмельницкой, или Освобожденная Малороссия. СПб., 1816. Ч. 2. С. 1).

[54]«Великие деяния, рассеянные в летописях отечественных, блестят, как богатейшие восточные перлы или бразильские алмазы на дне глубоких морей или в ущелии гор. Стоит только собрать и сблизить их, чтоб составить для России ожерелье славы, которому подобное едва ли имели Греция и Рим. Древнейшие русские летописи, рассеянные по разным рукам, любопытнейшие грамоты и записи, погребенные в архивах русских городов и монастырей, старинные народные предания, песни, стихотворения русские – вот первые источники для исторического путешествия» (Там же. С. 7–8).

[55] Там же. С. 14.

«Вторая волна» подготовки к изданию «Энциклопедии» прошла в течение 1818 г.: 18 февраля Никитиным было представлено «Мнение», в котором он потребовал от бездействующих соревнователей приступить к работе над «Российской энциклопедией» и утвердить особый энциклопедический комитет; кроме того, каждый из членов общества должен был предоставить в качестве «ученых упражнений» «краткое жизнеописание»[56].

Согласно этим требованиям Никитина стало меняться и содержание журнала. В № 10 «Соревнователя» за 1818 г. вышло редакционное сообщение, согласно которому со следующего года в рубрике «Науки и художества» будут печататься «описания земель и народов», «исторические отрывки и биографии знаменитых мужей», и «ученые путешествия»; в разделе же «Изящная словесность» читатель сможет познакомиться с «живописными путешествиями» и «изображением характеров»[57]. Первая книга «Соревнователя» за 1819 г. открылась повестью Глинки об освобождении Малороссии Богданом Хмельницким[58], которая первоначально была напечатана в составе «Писем к другу», но, как указано в примечании, журнальная версия «помещается с сделанными автором поправками и значительными дополнениями». Эта повесть не только органично «вписалась» в ранее разработанную Никитиным программу, но и задала новый, «вольнолюбивый» тон будущих «жизнеописаний», «ученых путешествий» и художественных текстов. Так в 1820–1821 гг., наравне с привычными травелогами и биографиями в «Соревнователе» появляются произведения, где имплицитно присутствует тема необходимости революционных изменений в России. Речь идет о текстах Ф. Н. Глинки («Отличительные черты из происшествий Отечественной (1812) войны от Малоярославского до Красненского боя»[59];

---

[56] *Базанов В. Г.* Ученая республика. С. 99.
[57] Соревнователь просвещения и благотворения. 1818. Ч. 4. № 10. С. 137–138. Далее ссылки на этот журнал даются сокращенно: Соревнователь.
[58] Соревнователь. 1819. Ч. 5. № 1. С. 1–16; продолжение повести было напечатано в № 2, 4, 6.
[59] Там же. 1820. Ч. 11. № 7. С. 130–138.

перевод с французского языка биографии Т. Костюшко[60]), Ф. В. Булгарина («Отрывки из рукописи под заглавием: Воспоминания об Испании»[61]), Н. А. Бестужева («Записки о Голландии»[62]), О. М. Сомова (перевод с французского языка биографии Августа Коцебу[63]). Содержание «Трудов Вольного общества» и документы общества[64] свидетельствуют о том, что в 1821 г., когда А. Бестужев работал над своим травелогом, заявленная еще в 1817 г. «историческая» программа была актуальна и реализовывалась в привычных жанрах[65].

Наравне с «учеными» этнографическими путешествиями на страницах «Соревнователя» были представлены и тексты в жанре «писем» и «записок» – к ним относятся уже упомянутые выше произведения Н. Бестужева или Булгарина. Тем не менее в обществе, по всей видимости, существовала негласная жанровая иерархия, и некоторое предпочтение отдавалось именно «ученым путешествиям». Показателен краткий анонимный отзыв на «Походные записки русского офицера» Н. Лажечникова[66], помещенный в разделе «Русская библиография». Благожелательный рецензент невольно оценивает «Записки» Лажечникова на фоне более привычных для «соревнователей» «ученых путешествий»[67]:

> Несправедливо было бы от летучего слога записок бивуачных требовать кабинетной точности; выигрывая в порядке – они бы потеряли свою искренность; делаясь плавными, уменьшили бы силу; и потому походные записки, о которых теперь идет дело, занимательны в самой своей неправильности и любопытными разнообразными описаниями <...>

[60] Там же. 1821. Ч. 13. № 1. С. 121–123.
[61] Там же. 1821.Ч. 16. № 10. С. 3–25; № 11. С. 183–201; № 12. С.316–336.
[62] Там же. 1821. Ч. 15. № 7. С. 33–64; № 8. С. 179–227; № 9. С. 257–298. Анализируя тему освобождения Нидерландов в «Записках» Н. Бестужева, В. Г. Базанов отмечает параллели с «Письмами русского офицера» Глинки (см.: *Базанов В. Г.* Ученая республика. С. 239–240).
[63] Соревнователь. 1821. Ч. 14. № 4. С. 82–90.
[64] См. «Реестр упражнений, читанных в обществе»: *Базанов В. Г.* Ученая республика. С. 349–368.
[65] Так, например, в «Соревнователе» за 1821 г. были опубликованы следующие тексты: «Старая и Новая Ладога» (Ч. 14. № 4; подпись: А. Р.) и «Биография Кампе» (Ч. 14. № 6; перевод с французского Д. В. Сахарова).
[66] Отрывки из «Походных записок…» были опубликованы в № 2, 5, 6, 9 и 11 «Соревнователя» за 1820 г.
[67] Описывая жанр травелога, Т. Роболи противопоставляет литературному «путешествию», представленному в форме мемуаров, писем, дневника, записок, «путешествие» «географическое / этнографо-историческое» (см.: *Роболи Т.* Литература путешествий. С. 44).

> грядущий историк народной войны 1812 года найдет там многие характеристические, если не исторические, черты.[68]

Манера повествования Лажечникова кажется рецензенту слишком личной и субъективной:

> ...автор часто говорит о самом себе, что утомляет любопытство. – Конечно он писал письма сии для друзей, которые требовали одних чувств, – но читатель сверх того требует, чтобы чувства сии были вылиты в занимательную для него форму, а не к каждому суждению, подобно Стерну, приковывать к себе внимание читателей. [69]

Интересно сопоставить этот отзыв со «Взглядом на книгу: Описание войны 1812 г., изданную Дмитрием Амшарумовым» И. И. Брыкова. Рецензент представляет книгу как образцовый научный труд:

> Ясность, подробность без излишнего распространения, точность описания воинских действий, чистота и приятность слога составляют достоинство сего сочинения. За исправность же и верность описываемых предметов можно ручаться тем более, что почтенный автор был действующим лицом во все продолжение компании, имел случай почерпнуть все нужные сведения из вернейших источников. – Честь и слава российским воинам, жертвующим жизнию во время войны и во время мира идущим по стопам Фукидидов, Ксенофонтов и Тацитов.[70]

Но вернемся к отзыву на сочинение Лажечникова. В связи с «Поездкой в Ревель» важным оказывается то обстоятельство, что автором этой рецензии мог быть и сам А. Бестужев. На полугодичном собрании ВОЛРС, состоявшемся 27 декабря 1820 г., писателя назначают на должность цензора библиографии на первое полугодие 1821 г.[71], и вполне вероятно, что в его обязанности входило не только формирование самой библиографии, но и написание рецензий на книги, помещенных в этот раздел.

На собраниях общества периодически поднимался вопрос о том, в

---

[68] Соревнователь. 1821. Ч. 13. № 2. С. 301–302. Ср. характеристику «Походных записок…», данную самим Лажечниковым: «Еще я должен предупредить читателя, чтобы он не ожидал найти в сей книге подробное описание маршей и сражений, тактические замечания и наблюдения, одним словом: верные и полные источники для бытописателя прошедшей кампании. Автор не посвящал себя совершенно военному делу, и для того не принимал на себя труднейших обязанностей военного историка. Он издает ныне свои записки в виде замечаний простого походного наблюдателя...» (Соревнователь. 1820. Ч. 10. № 4. С. 107).
[69] Там же. 1821. Ч. 13. № 2. С. 302.
[70] Там же. 1820. Ч. 9. № 1. С. 114–115.
[71] См.: Записки общества // Соревнователь. 1821. Ч. 13. № 1. С. 124.

достаточной ли мере печатаемые в «Соревнователе» тексты способствуют просвещению читателей[72]. Так, достаточно критично о содержании журнала высказался на собрании 1 марта 1820 г. помощник председателя общества В. Н. Каразин, чье выступление, вызвавшее бурную и даже гневную реакцию «соревнователей», было опубликовано в том же году отдельной брошюрой. Большая часть нападок относилась к появляющимся на страницах журнала поэтическим текстам и отрывкам из переводных романов, но отдельный пассаж, достаточно пространный, касался и «путешествий», которым, по представлениям Каразина, не хватало «учености» и «полезности»:

> Вместо того, чтобы описывать в *десятитысячный* раз восход солнца, пение птичек, журчание ручейков, употребим те же дарования, то же счастливое воображение на предметы более дельные. Взяв за образец Бюфона, опишем лучше путешествия *действительно* совершенные в недрах Отечества нашего. Исчислим естественные произведения России, опишем нравы ея разновидных обитателей, от кочующего на льдах полярных чукчи, до индейца, благоговейно покланяющегося Бакинскому огню. Или с Тацитом и Карамзиным испытаем углубиться в историю народов. И так далее...[73]

После скандального выступления помощника председателя в подобном же духе высказался и М. Н. Загоскин[74], который в том же 1820 г. поместил в «Соревнователе» «пиэсу» «Любители словесности»[75], безжалостно обрисовав в ней членов некоего общества известных литераторов, славных тем, что, ратуя за просвещение, до сих не написали ни одного произведения.

§ 2. Две редакции «Поездки в Ревель»; импульсы к переработке произведения; итоги работы в жанре травелога

Описанный контекст позволяет заметить, что «Поездка в Ревель»

---

[72] См.: *Брайловский С. Н.* К вопросу о Пушкинской плеяде. С. 68–71.
[73] *Каразин В. Н.* Об ученых обществах и периодических сочинениях в России. СПб., 1820. С. 8.
[74] См. адресованное «соревнователям» письмо М. Н. Загоскина от 15 марта 1820 г.: *Брайловский С. Н.* К вопросу о пушкинской плеяде. С. 68–70.
[75] Соревнователь. 1820. Ч. 9. № 3. С. 286–310.

представляет собой сложное и довольно необычное для «ученых упражнений» жанровое единство[76]. Травелог состоит из двух частей. Заглавие первой, совпадающее с названием всей книги, отсылает скорее к описанной выше традиции «ученых путешествий»[77]. Но рассказ о путешествии ведется здесь в стернианской манере и перебивается разговорами с читателями, стихами, лирическими отступлениями, описаниями забавных происшествий, «романических приключений», местных обычаев и нравов. В то же время в этой части содержится чрезвычайно подробный исторический экскурс в историю Ливонии и Ревеля, композиционно отделенный от основного повествования («исторической» части травелога по преимуществу посвящено последнее, пятое письмо). Пассаж, предваряющий этот экскурс, соотносится с декларациями Глинки и «соревнователей»: «Между тем, как мечты увлекали сердце, любопытство искало исторических истин, народных преданий, даже басенных вымыслов; память сохраняла их, а разум отличал ложное от былого. Снисхождению вашему остается выслушать рассказ мой; – он будет не долог, потому что не лета, а важные случаи лет знаменуют историю» (51). Встречаются в этой части и дидактические сентенции о пользе просвещения, например: «Надобно путешествовать, чтобы научиться, говорят все; я думаю: надобно учиться, чтобы с пользою путешествовать. Тогда всякий предмет, одушевленный воспоминанием, принимает новую жизнь и голос. Я испытал это, проезжая мимо местечка Магольма, известного битвою рыцарей ливонских с войсками великого князя Иоанна, деда Грозного, в 1501 году» (23).

---

[76] Затруднение в жанровом определении этого текста испытали и первые критики. Так, в достаточно благожелательной анонимной рецензии, появившейся на станицах «Сына отечества», а позже перепечатанной в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1821. № 84, 21 окт.), мы найдем следующий пассаж: «Это путешествие не ученое, не сантиментальное, а просто рассказ умного, веселого и любезного человека о поездке в такую сторону, которая мерою отстоит от С. Петербурга в трехстах верстах, а нравами и обычаями жителей в трех тысячах. Забавные анекдоты, остроумные замечания, исторические воспоминания, беседы о литературе, стихи и проза, сменяются одни другими в приятном разнообразии...» (Сын отечества. 1821. Ч. 73. № 42. С. 84).

[77] Можно вспомнить о таких текстах, как «Поездка к Уральским горам» Е. Ковалевского или «Поездка на Илецкую сторону» А. Боровкова, прочитанных на собраниях ВОЛРС в 1817 г. (см.: *Базанов В. Г.* Ученая республика. С. 94).

Вторая часть, «Дорожные записки на обратном пути из Ревеля», отличается большей «интимностью» и меньшей «кабинетной точностью». Здесь практически нет «ученых» исторических описаний: центральное место занимают рассуждения повествователя о назначении критики и романтическая повесть о Гедеоне Бестужеве, которым посвящены отдельные главы – «Станция Варгель» и «Станция Чирковицы» соответственно. Сведения же исторического, этнографического или географического характера (немногочисленные по сравнению с первой частью травелога) даются вскользь и разбросаны по всему повествованию.

Как нам представляется, первое крупное произведение Бестужева было своего рода компромиссом между программными требованиями ВОЛРС и собственными представлениями писателя о жанре травелога и работе с историческим материалом. Об этом свидетельствуют некоторые эпизоды творческой истории отдельного издания «Поездки в Ревель», которая, безусловно, заслуживает отдельного описания.

Впервые отрывки из «Поездки в Ревель» были прочитаны на заседаниях ВОЛРС 17 и 21 января и 7 февраля 1821 г. и тепло приняты слушателями. Вскоре текст стал появляться и на страницах периодических изданий. Первая часть «Поездки» опубликована в февральском и мартовском номерах «Соревнователя»; уже в апреле и мае того же года в журнале «Невский зритель» выходит продолжение травелога – «Дорожные записки на обратном пути из Ревеля».

Кажется, до сих пор научное описание творческой истории травелога Бестужева сводилось к предельно краткой реплике В. Г. Базанова: «“Путешествие в Ревель” печаталось в 1821 г. в Соревнователе (№ 2–3) и тогда же в Петербурге вышло отдельным изданием с некоторыми незначительными изменениями»[78]. Но в действительности журнальная и книжная версии «Поездки в Ревель» различаются настолько, что можно говорить о двух

[78] *Базанов В. Г.* Ученая республика. С. 240.

редакциях произведения. Книжная версия носит следы многочисленных стилистических исправлений, направленных, в частности, на устранение излишней витиеватости слога. Приведем характерные случаи правки подобного рода:

Соревнователь. 1821. № 2	*Отдельное издание 1821 г.*
«…шлагбаум Нарвской заставы прогремел мне цепями своими последнее прощание» (С. 134).	«…шлагбаум Нарвской заставы прогремел далеко за мною» (2).
«Там многие – невольники своих часов: веселятся по календарю, минуты принимают каплями, циркулем меряют свое удовольствие. Любезность так редка, как ананасы в Камчатке» (С. 138).	«Там люди – невольники своих часов: веселятся по календарю и на счетах выкладывают чувства» (6).
«…и мы, засевши в палатку, принялись размачивать шампанским военные фразы свои» (С. 141).	«…и мы, засевши в палатку, принялись за шампанское» (9).
«Меня узнать было тоже нелегко: рубец на щеке прятался под широкую перевязку и делал меня копиею Рыцаря печального образа. – Один французский кирасир вписал его в альбом моей физиономии на память Монмартрского дела, и я долго не мог выздороветь» (С. 144).	«Меня узнать тоже было нелегко: рубец на щеке, в память Мон-Мартрского дела, прятался под широкую перевязку и делал меня копиею Рыцаря печального образа» (12).
«Подле нее забыл я гусарство и весь свет. – Вздыхал как раздувальный мех, надеялся, боялся…» (С. 145).	«Подле нее забыл я гусарство и весь свет; вздыхал, надеялся, боялся…» (12).
«его сановитый нос, который бы очень мог быть шабашною вывескою, рот, едва застегнутый ушами…» (С. 146).	«его сановитый нос, его рот, едва застегнутый ушами…» (14).
«Здесь мать, совершив свой долг, не краснеет взрослой дочери; она не поручала наемникам в чуждую форму перелить наследное благородство чувств, подобно другим, у коих в это время взоры блуждали по ломберным столам или приветствовали ласкателей» (С. 160).	«Здесь мать, совершив свой долг, не краснеет взрослой дочери, подобно тем, у коих в невозвратное время воспитания, взоры блуждали по ломберным столам или приветствовали ласкателей» (31).
«Здесь сон не знакомится с враждебным ему солнцем...» (С. 163).	«Здесь сон не знакомится с солнцем...» (35).

Кроме того, текст отдельного издания заметно расширен за счет дополнений и вставок преимущественно исторического характера – например, описания битвы немцев с русскими дружинами под стенами замка Вензеберг в

1248 г. («Письмо второе») или рассказа об учреждении первой народной школы в Вышгороде («Письмо пятое»). Заметно и другое: многочисленные расхождения между разными версиями текста характерны только для первой части «Поездки». При сравнении двух редакций «Дорожных заметок…» очевидно, что разница между публикацией в «Невском зрителе» и текстом отдельного издания минимальна: если в первой части количество расхождений составляет сто семнадцать случаев на сто страниц текста, то на пятидесяти страницах второй части всего семь исправлений.

Рукописи «Поездки в Ревель» не сохранились, но некоторое представление о работе Бестужева над текстом отдельного издания можно получить, обратившись к его переписке за март–октябрь 1821 г. Существенно, что с апреля того же года Бестужев участвовал в походе гвардии по северо-западным губерниям[79], и с этого момента переписка стала для него единственным каналом связи с литературным миром.

Первое интересующее нас письмо (прежде не публиковавшееся) адресовано Н. И. Гнедичу 26 марта 1821 г. и содержит просьбу отредактировать текст «Поездки», готовящейся к выходу отдельным изданием:

> Милостивый государь!
> Николай Иванович!
> Человек, который желает учиться, чтобы не век быть учеником, покорнейше просит почтенного переводчика Омира произвесть в кавалеры Андреевского креста все периоды и выражения в «Ревельской поездке», которые покажутся ему сомнительными, а так как начинать копию для нового издания должно с первого листа, сей некто препровождает к вам начало.
> Зная, что сочинение мое более выиграет моим отсутствием, хотя я сам чрез то проиграю – не хочу быть эгоистом и отлагаю удовольствие быть с вами до другого дня. – Надеюсь, Николай Иванович, вы не откажете в небольшой поправке или замечаниях истинно уважающему вас
> Александру Бестужеву
> 1821 года марта 26 дня

[79]В «Краткой биографической канве», составленной Г. В. Прохоровым (ОР РНБ. Ф. 69 (Бестужевы). № 32. Л. 10), указано, что Бестужев находится в Прибалтике с мая 1821 г. Основанием для этого стали письма литератора к матери и Булгарину. Но как указал Базанов (*Базанов В. Г.* Ученая республика. С. 229–230), в архиве ВОЛРС сохранился адрес, датированный 4 апреля 1821 г., в котором А. А. Никитин от лица «соревнователей» выражает глубокое сожаление по поводу отъезда Бестужева из Петербурга (РО ИРЛИ. Ф. 58 (Архив ВОЛРС). № 3. Л. 6–7).

P. S. Когда прикажете приехать за книгой? – [80]

Не имея ни текста «Поездки» с правкой Гнедича, ни его ответного письма, мы можем только строить предположения о том, какова была его роль в подготовке отдельного издания. В качестве «начала», отправленного ему, по-видимому, выступала первая часть «Поездки», знакомая Гнедичу по чтениям в ВОЛРС[81] и к 26 марта если еще не опубликованная в «Соревнователе», то очевидным образом к публикации готовящаяся[82]. Возможно, к «началу» была приложена рукопись еще не напечатанных «Дорожных заметок». Если Гнедич действительно выполнил просьбу Бестужева и внес правку в обе части «Поездки», это объясняло бы, почему в первой части расхождение между двумя печатными версиями велико, а во второй – минимально. Причина заключалась бы в том, что вторая часть уже при первой публикации на страницах «Невского зрителя» успела пройти через редактуру Гнедича и в отдельном издании существенной правке не подвергалась. Но нельзя исключать и другой вариант: Гнедич мог отнестись к редактуре «Дорожных записок» без особого рвения, а отсутствие существенных замечаний Бестужев мог принять за одобрение.

Письмо Бестужева к Гнедичу более интересно как факт их литературных отношений. Как известно, Гнедич пользовался в писательской среде большим авторитетом: в нем видели учителя, наставника. Эта репутация особенно укрепилась после того, как 13 июня 1821 г. при избрании Гнедича действительным членом ВОЛРС он произнес на полугодовом заседании общества впечатляющую речь о назначении поэта[83]. По следам этого события написан целый ряд поэтических обращений к нему: послания К. Ф. Рылеева

---

[80] ОР РНБ. Ф. 69 (Бестужевы). № 13. Л. 1–1 об. На л. 1 об.: Милостивому государю Николаю Ивановичу Гнедичу.

[81] Отрывки из «Поездки в Ревель» были прочитаны А. Бестужевым 5 и 28 февраля 1821 г. на публичных собраниях ВОЛРС, где присутствовал и Н. И. Гнедич, тогда же представивший на суд слушателей свой перевод из «Илиады» и поэму Е. А. Баратынского «Пиры» (см.: *Базанов В. Г.* Ученая республика. С. 226, 229).

[82] В анонсе на 1821 г. (Соревнователь. 1820. Ч. 12. № 12), сказано, что «Общество <...> постарается <...> чтобы книжки онаго выходили в конце каждого месяца» (С. 342).

[83] См.: Соревнователь. 1821. Ч. 15. № 8. С. 129–147.

(1821)[84], П. А. Плетнева (1821), Е. А. Баратынского (1823), в которых о старшем поэте говорится как о примере для подражания, как о литературном судье[85]. На этом фоне обращает на себя внимание тот факт, что письмо Бестужева написано до произнесения знаменитой речи Гнедича (как, между прочим, и пушкинское послание «<Из письма Гнедичу>», датируемое тем же, что и письмо Бестужева, мартом 1821 г. и отражающее ту же репутацию старшего поэта).

Насколько тесными были личные отношения Гнедича и Бестужева к моменту написания письма и как они развивались в дальнейшем, определить достаточно трудно. Сведения, сохранившиеся в дошедших до нас документах, довольно скудны и говорят скорее о том, что общение между ними не было очень близким. Безусловно, к марту 1821 г. писатели уже были знакомы и неоднократно встречались на заседаниях ВОЛРС; 14 февраля 1821 г. в отчете о «Публичном чтении в Российской академии» Бестужев восторженно отозвался об отрывке из перевода «Илиады», представленном Гнедичем[86]. Позднее, в письмах 1821–1823 гг., адресованных Булгарину и Вяземскому, молодой литератор писал о Гнедиче с заметным уважением и симпатией, но достаточно отстраненно[87]. В 1824 г., если верить воспоминаниям Михаила Бестужева, Гнедич посещал так называемые «русские завтраки» на квартире Рылеева, в которых принимали участие Николай и Александр Бестужевы, Ф. Глинка, Дельвиг, Грибоедов, Лев Пушкин[88]. Но в то же время в «Записной книжке»

---

[84] Кроме того, в 1822 г. Рылеев посвятил Гнедичу думу «Державин».

[85] Ср., например, в послании Плетнева: «Судья и друг поэтов молодых, / К твоим словам в отважном сердце их / Есть тайная, особенная вера» (Новости литературы. 1822. Кн. 2. № 25. С. 188).

[86] См.: Соревнователь. 1821. № 2. С. 310.

[87] Ф. В. Булгарину 26 мая 1821 г.: «Что поделывают доброго общие приятели и товарищи наши: Греч, Глинка, Никитин? Здоров ли барон, не приехал ли Баратынский? Помнит ли меня Н. И. Гнедич и все, наконец, которых помнит сердце, не справляясь с расходною книгою учтивости? Пожалуй, отправь им поклон за меня и попроси с собою вместе, чтоб они писали к грамотному драгуну грамотки, чтоб он не разучился читать» (Русская старина. 1901. Т. 105. Вып. 2. С. 393). П. А. Вяземскому 23 мая 1823 г.: «…у нас в Обществе, бог весть от чего, завелись партии. Гнедич, которого сменили с вицепрезидентства, есть посеребренная пружина первой. <…> Другая партия есть партия положительного безвкусия» (Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 203).

[88] См.: *Бестужев М. А.* Из «Моих тюрем» // Писатели-декабристы в воспоминаниях

Бестужева за 1824 г., в которой достаточно подробно зафиксированы литературные контакты писателя, имя Гнедича ни разу не упоминается. Тем не менее, переводы и стихи Гнедича регулярно появлялись на страницах «Полярной звезды», а в программном «Взгляде на старую и новую словесность» за 1823 г. Бестужев отозвался о поэте в самых лестных выражениях.

Трудно точно определить причины, по которым Бестужев попросил именно Гнедича «возвести в кавалеры Андреевского креста» сомнительные обороты «Поездки». Адресант безусловно знал о его издательском опыте: в 1816–1817 гг. Гнедич редактировал и компоновал тексты Батюшкова, которые были опубликованы в составе «Опытов в стихах и прозе», в 1820 г. выступил издателем «Руслана и Людмилы». Но вполне возможно, что Бестужев попросил Гнедича о правке, потому что высоко ценил того в первую очередь как литературного критика. Это предположение подтверждается единодушием некоторых критических отзывов обоих писателей.

В 1816 г. Гнедич опубликовал разбор баллады Катенина «Ольга», (перевода «Леноры» Г. А. Бюргера), оспоренный Грибоедовым и вызвавший сочувствие «карамзинистов». Основными претензиями Гнедича к автору стали многочисленные погрешности против логики, грамматики и стиля. Один из упреков касался неудачного употребления слова «пращ»:

> Эти стихи летели, но – увы! – пращи не летают. Пращ есть веревка или ремень, которые всегда остаются в руках у человека, мечущего ими камни. Разве смелости этой не позволить для чудес баллады? Но тогда надобно позволить, чтобы летали и пушки.[89]

Через четыре года после этого отзыва Бестужев в № 12 «Сына отечества» поместил отзыв на катенинскую же «Песнь о первом сражении русских с татарами при реке Калке...». Критик предъявил автору «Песни...» те же претензии, которые уже ранее высказывал Гнедич, а в пассаже, посвященном неуместному употреблению слова «пращ» практически процитировал его:

современников: В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 51.

[89] Сын отечества. 1816. Ч. 31. № 27. С. 17–18.

> Что до пращей, говорено было не однажды, они летать по воздуху не могут, да и не должны точно так же как наши пушки и мортиры. Из пращей метали каменья, но сами они всегда оставались в руке.[90]

Обращение к другим критическим отзывам Бестужева показывает, что он не просто шел по стопам Гнедича, но искренне разделял его убеждения. В бестужевских рецензиях постоянно звучит мысль о недопустимости в литературе разговорного языка и просторечия. Впервые в этом духе критик высказался в 1819 г., опубликовав в № 3 «Сына отечества» разгромный отзыв на перевод Катениным трагедии Расина «Эсфирь». Суть претензий к переводу можно свести к следующему пассажу:

> Один только очищенный вкус не удостоился быть сотрудником г. переводчика. У него самая неупотребительная, заржавевшая славянщина перемешана весьма неосторожно с простейшими русскими словами.[91]

Использование просторечия Бестужев считал недопустимым даже в комедии, упрекая в этом и Шаховского, автора «Липецких вод»[92], и Сушкова, подготовившего перевод комедии Пирона «Метромания, или Страсть к стихотворству»[93].

Текст «Поездки в Ревель» соответствует этим критическим декларациям Бестужева, хотя в журнальной версии встречается, например, упоминание о «кровавом поносе», сломившем дух немецкой армии[94]. Впрочем, в тексте отдельного издания «понос» заменен на более благопристойный эвфемизм: «В войске немецком случилась презабавная болезнь» (24). Авторская тяга к высокому поэтическому слогу проявилась в весьма многочисленных лирических отступлениях, число которых во второй редакции травелога увеличилось[95]. Приведем примеры переработки текста в этом направлении:

---

[90] Там же. 1820. Ч. 60. № 12. С. 248.
[91] Там же. 1819. Ч. 51. № 3. С. 119.
[92] Там же. № 6. С. 261, 267.
[93] Там же. 1821. Ч. 67. № 7. С. 317–318.
[94] Соревнователь. 1821. Ч. 13. № 2. С 154–155.
[95] В дальнейшем, однако, писатель пошел по иному пути. Уже в «Романе и Ольге. Старинной повести» (1823) в авторском примечании будет прямо сказано: «Языком я старался приблизиться к простому настоящему русскому рассказу и могу поручиться, что слова, которые многим покажутся странными, не вымышлены, а взяты мною из старинных

Соревнователь. 1821. № 3	*Отдельное издание 1821 г.*
«...веки, давно протекшие, мелькают в туманах воспоминания» (С. 336).	«...веки, давно протекшие, мелькают в туманах воспоминания, и с ними вьется в душе грустное предчувствие будущего» (74).
«Другие иконы, украшающие переклады и простенки между сводами, гораздо низшей работы. – Лавки, рамы образов и портретов...» (С. 350).	«Другие иконы, украшающие переклады и простенки между сводами, гораздо низшей работы. Над кудрявыми гербами рыцарей немецких и шведских развешены ржавые латы; над иными тлеют пыльные обрывки знамен. Я вздохнул, рассматривая оныя. Может быть, под этим холодным железом кипела некогда ретивая грудь славою и чистою любовью <...> и что теперь все это? Залог тления и ничтожества!.. протечет еще несколько лет и любопытство напрасно вопросит немые развалины. Лавки, рамы образов и портретов...». (89– 90)

Следующая после письма к Гнедичу хронологическая веха в истории подготовки второй редакции травелога Бестужева – 3 мая 1821 г., дата поступления рукописи «Поездки» в Цензурный комитет[96]. Однако и после этого Бестужев продолжал активно работать над текстом отдельного издания. Его письма позволяют частично реконструировать этапы работы над историческими экскурсами, составляющими значительную часть травелога.

Проблема источников «Поездки» уже поднималась, в частности, С. Г. Исаковым[97]. Однако среди этих источников не назван, казалось бы, самый очевидный – «История государства российского» Карамзина, обращение к которой сыграло немаловажную роль при подготовке второй редакции «Поездки».

Большинство писем 1821 г. адресованы Булгарину, который до 1825 г. был близким приятелем Бестужева. В связи с нашей темой в первую очередь

летописей, песен и сказок» (*Бестужев-Марлинский А. А*. Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 35). Эта установка отразилась не только в использовании историзмов и архаизмов, но и в попытках ввести в текст повести элементы «народной» речи.

[96] Дата устанавливается согласно «Ежемесячной ведомости о разрешенных рукописях и книгах с указанием времени поступления рукописи и цензора, рассмотревшего ее» (РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 350. Л. 34).

[97] См.: *Исаков С. Г*. Неизвестная статья А. А. Бестужева-Марлинского // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1959. Вып. 78. С. 269–277 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та).

интересны два письма. В первом, датированном 26 мая, говорится: «Греча попроси об истории Карамзина»[98]. Понять, о каком именно томе «Истории» идет речь, достаточно легко: в апреле 1821 г. выходит 9-й том, посвященный царствованию Ивана Грозного в 60–80-е гг. XVI века. Первое знакомство Бестужева с этим томом произошло еще в начале 1821 г. В № 2 «Соревнователя» содержится уже упоминавшийся выше бестужевский отчет о торжественном заседании Императорской Российской Академии, на котором Карамзин зачитывал отдельные главы из 9-го тома о войне Ивана Грозного с польским королем Стефаном Баторием. Автор отчета довольно кратко, но с восхищением отозвался об этом выступлении: «С каким живым участием все слушали подвиги предков своих! С каким удовольствием будем мы рассказывать внукам, что слышали самого Карамзина!»[99].

Спустя месяц, 20 июня Бестужев посылает Булгарину второе письмо, до сих пор не публиковавшееся. В содержании его важны два момента. Во-первых, Бестужев благодарит адресата за том «Истории», полученный им 18 июня. Во-вторых, он высылает Булгарину ряд поправок к тексту «Поездки», которые тот должен передать Ивану Васильевичу Слёнину, книгопродавцу и издателю, в 1821 г. выполнявшему обязанности комиссионера ВОЛРС:

> Прилагаемые при сем поправки в Ревельск<ие> бредни отправь, пожалуйста, с поклоном к Слёнину для вставки где в хронографии увидишь, а старое вычеркнуть до годов 1600-х. Как увидишь, не имея прежде верных историй, я упомянул слишком кратко о важных делах.[100]

Отдельное издание «Поездки» получило цензурное разрешение 25 июня, разрешение на отпуск из типографии – 23 сентября 1821 г.[101]. В промежутке между этими датами высланные писателем поправки, касающиеся деятельности Ивана Грозного в Ливонии, внести удалось (что же касается второй просьбы Бестужева, – «старое вычеркнуть до годов 1600-х» – Булгарин

---

[98] Русская старина. 1901. Т. 105. Вып. 2. С. 393.
[99] Соревнователь. 1821. Ч. 13. № 2. С. 311.
[100] РО ИРЛИ. Ф. 623 (Архив Ф. В. Булгарина). № 30. Л. 3 об.
[101] Дата выдачи цензурного билета устанавливается по «Книге для записи билетов, выдаваемых из цензурного комитета» за 1816–1821 гг. (РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 370. Л. 4).

ее не выполнил). Автограф с поправками, вложенными в письмо к Булгарину, не сохранился, но их можно частично реконструировать, сопоставив журнальную версию с отдельным изданием «Поездки», в котором появилось несколько уточнений и ряд новых эпизодов[102]. Большинство вставок буквально цитируют текст Карамзина, поэтому их источник не вызывает сомнений:

Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1821. Т. 9.	*Бестужев А. А.* Поездка в Ревель. СПб., 1821
«Воеводы Московские, боярин Иван Петрович Яковлев, князья Лыков, Кропоткин, не умея взять Ревеля, только грабили села эстонские» (С. 174).	«...воеводы московские, боярин Яковлев, князья Кропоткин и Лыков не могли, ибо не умели, взять города; только буйствовали в окрестностях» (63).
«Иван Васильевич Меньший Шереметев, который дал слово Государю взять Ревель или положить там свою голову. <...> Шереметев сдержал слово: не взял Ревеля, но положил свою голову, убитый ядром пушечным» (С. 251–252).	«Шереметев (Иван) обещал взять город или умереть, и сложил голову, не взяв оного» (64).
«Явился витязь, сын ревельского монетчика, Ив Шенкенберг, прозванный Аннибалом за смелость: предводительствуя толпами вооруженных земледельцев, он взял Виттенштейн, сжег Пернау, ограбил несколько городков и замков в Ервене, в Вирландии, близ Дерпта; злодейски мучил, убивал наших пленников» (С. 253).	«Шенкенберг, прозванный Аннибалом, сын ревельского ремесленника, предводя толпами крестьян, преследовал шестинедельною осадою утомленных россиян, даже отнимал города, брал наши замки, мучил, терзал пленников» (65).

Отметим, что в эти включенные Бестужевым пассажи вкралось несколько фактических ошибок (например, осада Ревеля в «Поездке» датируется не 1557, а 1577 г.). Возможно, их допустил сам Бестужев, который выслал свои поправки через два дня по получении тома Карамзина, но не исключено и то, что ошибки возникли при наборе текста.

Нужно сказать, что Бестужев, в сентябре–октябре квартировавшийся сначала в Полоцке, а позже под Минском в Выгоничах, вплоть до появления «Поездки» в продаже не знал, удалось ли внести в текст высланные им

[102] К их числу относятся: упоминание «изменников» Крузе и Таубе, поверенных Магнуса (62); описание осады Ревеля в 1557 г. (62–66); упоминание генерала Горна, которого Бестужев делает «комендантом Ревеля» (64); смерть Ивана Шереметьева (64); предание об Иве Шенкеберге (65).

дополнения. Об этом говорит содержание письма к Булгарину от 6 сентября: «Пожалуйста, уведомь меня, получил ли ты письмо с поправками для Рев<ельского> Путеш<ествия>»[103]. 22 октября, т. е. на следующий день после объявления о продаже «Поездки» в «Санкт-Петербургских ведомостях», Бестужев пишет Булгарину еще одно письмо, свидетельствующее о том, что с сентября судьба поправок для травелога так и не прояснилась для автора:

> Неужели все родные и приятели стакнулись целые два месяца не писать ко мне ни слова? Неужели и ты, юноша, последовал их примеру на муки горюну-драгуну? Нечего сказать, хороши вы, гуси! Я палю письмами, а вы не хотите порадовать ни строчкой! <...> Возвратное путешествие из Ревеля, если можно достать листками, пожалуйста, перешли, ибо я его не читал в печати. Еще, mon cher, уведомь меня, получил ли ты с поправками Ревел<ьское> Пут<ешествие> и письмо, из Полоцка пущенное? Если нет, то я, право, начинаю верить, что в моих письмах кто-нибудь думает сыскать карбонарство; и точно там одни угольные чернила.[104]

Обратимся к анализу содержательных и стилистических изменений, внесенных в текст отдельного издания. Что касается изменений первого рода, то, как нам представляется, текст второй редакции «Поездки» показывает, как Бестужев пытается, с одной стороны, соответствовать программным требованиям Вольного общества, с другой – идти собственным путем.

Как было сказано выше, этот текст заметно увеличился за счет включения дополнительных исторических эпизодов, городских легенд, новых этнографических наблюдений, а также многочисленных уточнений, подробностей и деталей. Думается, функция большинства подобных вставок состоит в том, чтобы придать травелогу более «ученый» характер описаний и сделать текст «по-кабинетному» точным. Кроме того, среди исторических вставок выделяются «вольнолюбивые» эпизоды истории Ливонии и Ревеля. Так, во второй редакции можно обнаружить следующий пассаж:

> …заметим, что жители ревельские, переходя из-под одной власти под другую, не переставали быть вольными, сохранили свой отличительный характер честности в политическом быту, Любекские законы в гражданском судопроизводстве и всегда своим согласием скрепляли договоры, начертанные рукою победителя или необходимости (72–73).

---

[103] Русская старина. 1901. Т. 105. Вып. 2. С. 395.
[104] Там же. С. 396.

В качестве подтверждения «вольнолюбивого» характера ревельцев Бестужев ссылается на известные исторические события – «Юрьеву ночь» 1243 г.[105] или осады Ревеля войсками Ивана Грозного в 1571 и 1577 гг. (63–64), которые не могут не напоминать о соответствующем эпизоде из истории Новгорода.

Думается, «вольнолюбивая» линия травелога прямо связана с программой «Соревнователя», о которой было сказано выше, и соответствовала взглядам Бестужева. Проследить развитие этой линии в творчестве писателя позволяет сопоставление «Поездки» с ранней статьей Бестужева «О нынешнем нравственном и физическом состоянии лифляндских и эстляндских крестьян»[106]. Этот текст представляет собой перевод фрагмента из трехтомного сочинения «Essai critique sur l'Histoire de la Livonie suivi d'un tableau de l'état actuel de cette province» (Dorpat, 1817) баварского посланника при русском дворе Франсуа Габриэля де Брэ (de Bray, 1765–1832), к труду которого есть прямая отсылка в «Поездке в Ревель»[107]. Выбранный Бестужевым отрывок посвящен этнографическому описанию латышей и эстляндцев в сравнении с русскими крестьянами. Обещание переводчика опубликовать продолжение статьи, по неизвестным причинам выполнено не было.

В том же 1818 г. статья вместе с переводами из Лагарпа была упомянута в направленном в Санкт-Петербургский цензурный комитет письме Бестужева, в котором начинающий литератор ходатайствовал о разрешении издавать

---

[105]«В 1243 году эстонцы, раздраженные угнетениями новых своих владельцев, подняли знамя свободы и мстительное железо их обагрилось кровью немецкою. Около двух тысяч дворян и рыцарей заплатили головами за жестокость свою. Замки пылали, осада грозила Ревелю, и датчане принуждены были просить помощи орденской. Геймейстер Бернгард фон Дрейлевен повел войско, сильное числом, местью и оружием, против инсургентов. Эстонцы решились умереть с мечем в руке – и легли все до одного неподалеку от Ревеля. Их было 10 000. Совершенное рабство всех ливонцев было следствием сего благородного поступка, достойного Спарты и Гельвеции» (56–57).

[106] Сын отечества. 1818. Ч. 48. № 38. С. 241–254.

[107] «…я пишу не книгу и не из книг, а потому любопытным читателям советую прочесть сочинение: Essai critique sur l`histoire de la Livonie, в котором подробно описано настоящее положение всей Ливонии» (21).

собственный журнал «Зимцерла»[108]. Как известно, этот проект был отклонен, а среди указанных причин было сказано и о неудовлетворительном характере представленных переводов («…перевод в прозе о состоянии эстонских и ливонских крестьян не отличается ни чистотою языка, не правильностью слога»[109]). По мнению Н. И. Мордовченко, «за вопросами слога и языка у Цензурного комитета скрывались еще подозрения в политической благонадежности Бестужева в виду того, что его перевод из книги де Брэ оказался ведь явно нецензурным»[110]. По этой же причине, считает исследователь, читатели «Сына отечества» так и не увидели обещанного продолжения статьи.

Между тем труд де Брэ, посвященный Александру I, был одобрен на самом высоком уровне: автор был награжден орденом Св. Анны I степени, а позднее – званием почетного доктора философии Дерптского университета (1818) и членством в Российской Академии наук (1822). Что же касается перевода Бестужева, то сопоставление с французским первоисточником, предпринятое Т. Н. Степанищевой, показало, что по сравнению с вполне благонадежным текстом де Брэ Бестужев стремится к еще большей политической умеренности. В переводе оказались опущены упоминания о рабстве как прибалтийских, так и русских крестьян, исключены пассажи с указаниями на дурные обычаи и отрицательные черты русского национального характера. На первом плане оказалось сопоставление русских и прибалтов, причем не в пользу последних (в труде де Брэ также присутствовала эта оппозиция, но она была выстроена менее прямолинейно и однозначно)[111].

Трудно сказать, по чьей воле – переводчика или цензора – текст де Брэ дошел до русского читателя в скорректированном виде. В любом случае вторая редакция «Поездки в Ревель», хотя и содержит специально введенные

---

[108] См.: Русская старина. 1900. Т. 103. Вып. 8. С. 391–392.
[109] Там же. С. 394.
[110] *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. С. 315.
[111] См.: *Степанищева Т. Н.* К истории «Поездки в Ревель» Александра Бестужева. С. 30.

свидетельства «благонадежности» автора[112], оказалась значительно более политически острой, чем статья «О нынешнем нравственном и физическом состоянии лифляндских и эстляндских крестьян». Отдельные черты жителей Прибалтики остались неизменными (например, описание нечистоплотности эстонских крестьян и запущенности их жилищ) в «Поездке в Ревель» и других «ливонских» текстах.

Отдельное издание травелога расширено за счет включения в текст не только исторических экскурсов, но и пространных лирических отступлений[113] и забавных эпизодов, в которых рассказчик по-стерниански развлекает своего читателя[114]. Эти случаи представляют собой развитие тенденции, заметной уже в первой редакции «Поездки». С одной стороны, Бестужев явно старается сделать свой текст информативным, с другой – стремится к занимательности, включая в него смешные сценки или остросюжетную историческую повесть, демонстрируя остроумие и любовь к каламбурам[115]. Однако, как было показано выше, текст второй редакции очищен от нагромождения метафор, фразы стали

---

[112] См., например: «...я узнал, что состояние здешних крестьян в нравственном и физическом отношениях, весьма улучшилось *влиянием постепенной свободы, монархом нашим данной. Владельцы, содействуя устройством цели мудрого правительства, видимо получают от сего выгоды; землепашество цветет в этом краю...*» (20–21; курсив мой. – *А. П.*). Выделенный курсивом пассаж был введен во вторую редакцию травелога.

[113] См., например: «Не знаю, случалось ли вам, друзья мои, испытывать переход от бдения ко сну, какой я всегда испытываю; иногда бывает оно вовсе не последним сном и часто заменяет оный физически: – мысли нечувствительно смешиваются, бледнеют, меркнут; ухо внимает уже внешним звукам, но уже сливает оные с неясною внутреннею мечтою; еще нить последнего понятия, как бы сотрясаясь, повременно дает себя чувствовать; но какой-то хаос туманит воображение и память, спутывая все в одно невыразимое ощущение...» (21–22).

[114] См.: «Уступив *прелестной* незнакомке место свое, он вступил в разговор, и мы узнали, что фамилия ее ***р и что едет она из Ревеля. – *«Опять романическое приключение» думаете вы – и ошибетесь; встреча началась тем, что я был в большом замешательстве, вбежав, закутанный в горницу. – «Pardonnez, madame!” бормотал я, схватившись за шапку свою, прикрепленную тремя Гордиевыми узлами; но шапка не снималась, – я с минуту бился в ней как Дмитриева Голубок в силке; стащил ее на глаза и наконец кое-как освободил свою голову из очарованной чалмы. Можете вообразить себе эту комическую сцену! Объявив торжественно брату, о готовности повозок,* мы пожалели о том, что такая красавица не будет украшать собою Ревельские праздники» (16–17: курсив мой – *А. П.*). Выделенный курсивом фрагмент добавлен во вторую редакцию травелога.

[115] Необходимость развлекать читателя мотивирована в тексте «Дорожных записок на обратном пути из Ревеля»: «…сухая ученость, не приправленная шутками, никак не понравится юношествующему вкусу нашей публики – словом, внимание читателей надобно привлекать как электричество – остротами» (111).

более логичными и лаконичными. Впрочем, даже после этой правки критики отмечали, что в «Поездке» «иногда встречаются обороты и выражения натянутые и выисканные»[116].

Итак, стремлению приблизиться к жанровым канонам «ученого путешествия» противостоит в травелоге Бестужева не менее явное и вполне осознанное стремление уйти от этих канонов. Именно последняя тенденция будет набирать силу в его творчестве 1820-х гг. Чтобы сразу продемонстрировать ее, обратимся к малоизвестному публицистическому тексту писателя – к статье «Ливония», опубликованной без указания авторства в «Невском альманахе» на 1829 г.[117].

Особый интерес в связи с нашей темой представляют те пассажи, в которых говорится о важности истории Прибалтики как материала не для политических или философских рассуждений, но в первую очередь для романических и «романтических забав»:

> Соседство рыцарей меча с русскими и беспрестанные сношения одних с другими дадут писателю романов тысячу средств сделать рассказ свой занимательным, не обижая истории, не отдаляясь от вероятия. Он даже сможет досказать то, что умолчала история, угадать то, что она могла сказать, и заманчиво пересказать то, что она говорила. <...> Торговые и посольские связи, народная и личная месть, битвы, плен, наезды, похищения, словом, все пружины романизма у него под рукою, и тем вернее, что вымысел будет иметь здесь достоинство правды, ибо сущность заключает в себе все, что может изобрести воображение.

---

[116] Санкт-Петербургские ведомости. 1821. № 84, 21 окт.; без подписи.

[117] Невский альманах на 1829. СПб., 1828. С. 344–364. Впервые этот текст был атрибутирован Бестужеву С. Г. Исаковым (*Исаков С. Г.* Неизвестная статья А. А. Бестужева-Марлинского. С. 269–284). Авторство действительно не вызывает сомнений: в 1829 г. никто, кроме А. Бестужева, не мог назвать себя «автором стольких-то рыцарских повестей». Кроме того, Исаков обнаруживает множественные параллели между анонимной статьей, «Поездкой в Ревель» и бестужевскими «ливонскими» повестями. Что касается времени написания «Ливонии», то ученый называет две возможные даты: «…или в период пребывания А. А. Бестужева в порту “Слава” (август 1826–октябрь 1827 г.), или в начале пребывания писателя в якутской ссылке (первые месяцы 1828)» (Там же. С. 274). Исаков отмечает отсутствие в статье точных датировок названных событий или ссылок на источники, характерных для «ливонских» текстов Бестужева и придающих повествованию документальный характер. «Это можно объяснить лишь тем, что статья писалась в тюрьме или в ссылке, где Бестужев был лишен возможности пользоваться историческими сочинениями и хрониками, где он был вынужден писать свое произведение по памяти, на основе знаний по истории Прибалтики, усвоенных еще в период работы над “Поездкой в Ревель” и “ливонскими” повестями» (С. 273).

> Правда, характер и образ жизни ливонских рыцарей имели в себе мало заманчивости, <...> но в этом-то самом я и вижу оригинальность, самобытность, следовательно, занимательность новых характеров, новых картин для романа.[118]

Принципы использования Бестужевым исторического материала действительно менялись в течение 1820-х гг. – об этом говорит и его художественная практика. Форма травелога, объединяющая текст «Поездки в Ревель», также утрачивает для писателя свою актуальность. Один из ее эпизодов, как давно замечено, превращается в «ливонскую» повесть «Ревельский турнир», опубликованную в «Полярной звезде» на 1825 г.[119]. Другие фрагменты, по представлениям Бестужева, способны на «самостоятельную жизнь» и без дополнительной обработки. Спустя двенадцать лет после публикации «Поездки в Ревель» в письме от 18 мая 1833 г. Бестужев напишет К. А. Полевому, который занимается в это время изданием его «Повестей и рассказов»:

> Дай только Вам бог терпения при издании моих пустяков. <...> Как вы думаете: вместить ли <...> Поездку в Ревель? Если не рассудите, то выньте для печати рассказ майора Крона и Гедеона Б<естужева>. Располагайте и карнайте все как угодно.[120]

Впрочем, в своих творческих поисках Бестужев не всегда полностью отказывается от структуры «путешествия» – но действительная принадлежность новых текстов к этому жанру весьма сомнительна. В письме к Булгарину от 26 мая 1821 г. (напомним, что в это время Бестужев все еще работает над текстом отдельного издания своего травелога), написанном им из Дерпта, можно найти такой пассаж:

> ...у меня есть листа два набросано о пути нашем. Но ленюсь или не имею времени переписать и потому в Общество их не посылаю. При том же без романтических манжет сухой маршрут наш не весьма забавен, и потому я жду, чтоб выдался день прилежанию, чтоб выдумать для этого сказки две, три и тогда: vogue la galère![121]

---

[118] Невский альманах на 1829 год. С. 362–363.
[119] См.: *Коварский Н. А.* Ранний Марлинский. С. 137.
[120] Русский вестник. 1861. № 4. С. 444.
[121] Русская старина. 1901. Т. 105. Вып. 2. С. 393.

По предположению Г. В. Прохорова, речь идет об исторической повести «Замок Венден» или об очерке «Листок из дневника гвардейского офицера», в текстах которых Бестужев проставил даты: «Мая 23, 1821 года» и «1821, 28 мая»[122]. Однако вполне вероятно, что эти даты имеют условный характер. Показательно признание Бестужева в письме к матери от 23 мая 1821 г.:

> В Нарве, после отправления к вам писем видел я водопад, который описывал *заочно* и который украсил мое воображение.[123]

Тем не менее названные Прохоровым произведения заслуживают внимания с точки зрения жанровых поисков писателя, который, как мы видим из письма к Булгарину, стремится придать своим новым текстам занимательность и остросюжетность, не характерные для «ученых путешествий».

Повесть «Замок Венден», не читавшаяся на собраниях ВОЛРС и опубликованная не в «Соревнователе», а «Библиотеке для чтения, составленной из повестей, анекдотов и других произведений изящной словесности»[124] (что уже само по себе показательно), имеет рамочную композицию. Основная часть представляет собой романтическую повесть с характерными для подобного рода текстов мотивами мести, убийства и т. д.; «исторический» контекст минимален (отсылки к нему по преимуществу содержатся в авторских примечаниях и, таким образом, отделены от художественного повествования) даже по сравнению с повестью о Гедеоне Бестужеве, где, например, довольно точно указана эпоха – Смутное время и годы правления Лжедмитрия I[125]. Само же путешествие, лишь кратко упомянутое в начале повести, не имеет никакого самостоятельного значения, исторического или этнографического. Позднее

---

[122] Гипотеза Г. В. Прохорова высказана в его неизданном комментарии к письмам Бестужева (ОР РНБ. Ф. 69 (Бестужевы). № 45. Л. 1135).

[123] Памяти декабристов. Вып. 1. С. 24 (курсив мой. – *А. П.*). Здесь, по всей видимости, говорится о водопаде, описанном в «Поездке в Ревель».

[124] Библиотека для чтения, составленная из повестей, анекдотов и других произведений изящной словесности. 1823. Кн. 9. С. 3–16.

[125] Правда, справедливости ради стоит отметить, что эти исторические события служат скорее «декорациями» и лишь косвенно связаны с описанными событиями.

сходная композиция будет использована в других «ливонских» повестях – «Замок Нейгаузен»[126] и «Кровь за кровь»[127].

Что же касается опубликованного в «Соревнователе» очерка «Листок из дневника...»[128], то уже самим своим заголовком он отсылает к «традиционному» путешествию, а по форме близок к первой части «Поездки в Ревель». Привычные этнографические наблюдения над бытом эстонцев и русских рыбаков[129] сочетаются в очерке с лирическими отступлениями, историческими экскурсами в историю Ледового побоища[130] и стихотворениями, этому событию посвященными.

Но другой текст подобного рода, «Еще листок из дневника гвардейского офицера»[131], «датированный» 12 июня 1821 г., совершенно не соответствует тем ожиданиям, которые могли сложиться по прочтении предыдущего текста. Как и «Замок Венден» или подобные ему «ливонские повести», текст имеет рамочную композицию, но основная часть представляет собой не историческую повесть, а рассказ с сюжетом в духе баллады или «страшных» романов Анны Радклиф, к произведениям которой в самом тексте есть ироничная отсылка[132]. Правда,

---

[126] Первая публикация: Полярная звезда на 1824 г. С. 141–191.

[127] Повесть предназначалась для «Звездочки», тираж которой был задержан после восстания декабристов и позднее практически целиком уничтожен. В 1827 г. повесть была напечатана без согласия Бестужева в «Невском альманахе» на 1827 г. (С. 107–155).

[128] Соревнователь. 1823. Ч. 22. № 6. С. 256–265.

[129] Их противопоставление напоминает соответствующие места из перевода де Брэ. Ср., например: «Везде светло и чисто: право душа радуется, видя русский быт, замечая опрятность и довольство земляков своих между грязных, диких, зложелающих эстонцев. Кажется, они гордятся своим преимуществом пред соседами, и еще более стараются отличить себя порядочным образом жизни» (Там же. 257); «Если в путешествии <...> случится с вами на дороге какое-нибудь несчастие, латыш или эстляндец спокойно пройдет мимо вас, как бы не примечая того, и не иначе как за деньги, *заплаченные вперед*, решится подать помощь. Но первой русской, который встретится с вами, поможет вам от доброго сердца, чем может <...> Один русской в день нарабатывает больше, нежели четверо латышей или эстляндцев» (Сын отечества. 1818. Ч. 48. № 38. С. 246–247).

[130] Исторические экскурсы сопровождаются отсылками к летописям. См., например: «Это не вымысел. Во Временнике Софийском летописец, писавший по словам самовидца, входит еще в дальнейшие подробности, может быть, весьма занимательные для историка и стратегика, но которые не всегда дружатся с поэзиею» (Соревнователь. 1823. Ч. 22. № 6. С. 264).

[131] Впервые опубликован в 8-й книге «Библиотеки для чтения…» на 1823 г. (С. 66–72). При публикации имел название «Листок из дневника гвардейского офицера».

[132]« – Наше путешествие – славная сцена для чудесного романа, сказал я, усмехаясь,

«Еще один листок...» можно назвать скорее пародийным обыгрыванием названных традиций, а не прямой ориентацией на них: нагнетание страшных подробностей встречи с разбойниками сочетается с шутками и каламбурами героев, скептично оценивающих происходящее[133]. В финале «страшная история» оказывается мнимой: выясняется, что встреча с разбойниками была сном. К этому раннему эксперименту с традицией Бестужев вернется почти десять лет спустя в «Страшном гаданьи»[134]: здесь мы встретим тот же фантастический рассказ с балладными атрибутами, тот же скепсис повествователя и финальный разоблачающий фантастику пуант – но для мотивировки основного повествования Бестужеву уже не потребуется вводить в рассказ элементы литературного путешествия.

товарищу.

– Да, и ночь самая радклифская, отвечал он: чернее коней шестого эскадрона; не достает только вертепа и разбойников!» (Там же. С. 68).

[133] «В это мгновение я споткнулся; что-то звякнуло и покатилось передо мной… поднимаю, гляжу...мертвая голова в руках моих! – Я вздрогнул.

– Тут нет ничего чудесного, заметил товарищ мой: это голова какого-нибудь пленного француза, здесь замершего; ощупай его мозговые органы, и если ты знаток в галеевой системе черепословия, то можешь узнать, принадлежала ли она мародеру или рыцарю без страха и порока, профессору головорезного искусства, или миролюбивому полковому поэту» (Там же. С. 68–69). На пародийный характер содержащихся в рассказе отсылок к «страшным романам», оказавшим определенное влияние на формирование ранней манеры Бестужева, указывал Н. А. Коварский – см.: *Коварский Н. А.* Ранний Марлинский. С. 153.

[134] Первая публикация: Московский телеграф. 1831. Ч. 38. № 5. С. 36–65; № 6. С. 183–210.

Глава 2. Неосуществленный замысел «московских записок»

Письма первой половины 1820-х гг. содержат упоминания разнообразных писательских замыслов Бестужева, оставшихся неосуществленными. Зачастую не сохранилось даже набросков задуманных произведений, известных лишь по названиям или авторским жанровым определениям.

Так, одна из прежде не публиковавшихся записок к Булгарину несомненно была приложена к тексту, по-видимому, не вполне доработанному: «Вот тебе персидская сказка: понравится или нет, это дело твое; разберешь ли только? Если худа, не взыщи: писал при куче народа и урывками. Прибавь что хочешь, особенно о числе народу и прочих прозаических картинах можешь внизу внести. Твой весь Александр»[135].

Из письма к П. А. Вяземскому от 5 апреля 1823 г. известно о попытках написать «пьеску» «Партизанский привал»[136], а в «Памятной книжке» Бестужева 1824 г. можно найти упоминание о работе над романом[137], который, впрочем, тоже был вскоре заброшен[138].

Несколько особняком стоит еще один ненаписанный текст Бестужева – назовем его условно «московскими записками», к работе над которыми писателя настойчиво призывал Вяземский. Возможно, именно ему принадлежал и сам замысел произведения, возникший, насколько можно судить, во время первой поездки Бестужева в Москву в феврале – марте 1823 г. Эта идея обсуждалась в их переписке в марте – апреле того же года, но не воодушевила Бестужева. Тем не менее история замысла позволяет уточнить представления о

---

[135] На обороте: «Булгарину» (РО ИРЛИ. Ф. 623 (Ф. В. Булгарин). Ед. хр. 30. Л. 22–22 об). Точная датировка записки неизвестна, она могла быть написана в 1821–1825 гг., когда между Бестужевым и Булгариным сохранялись приятельские отношения.

[136] «...я уже начал было пьеску “Партизанский привал”, но за недостатком материалов остановился» (Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 202).

[137] «13/25 <марта> Четв. – начал главу из неизвестного романа» (Памяти декабристов. Вып. 1. С. 65).

[138] «31/12 Понед. – весь прошлый месяц я рос как подснежник. Читал Вальтер Скотта – писал мало – вот и все» (Там же).

писательских установках Бестужева и некоторых его стратегиях как издателя и критика. Но прежде нужно сказать несколько слов о самой поездке и ее целях.

§ 1. Первая московская поездка Бестужева и его отношения с московскими литераторами в 1823–1825 гг.

Некоторые сведения о первом приезде Бестужева в Москву выясняются по его сохранившимся дневниковым записям[139]. Датированы лишь записи от 23 и 24 февраля, а также от 8, 9 и 11 марта, часть записей и вовсе утеряна. Но по поддающимся датировке фактам Н. В. Измайлов установил, что Бестужев пробыл в Москве с 19 февраля по 12 марта включительно[140].

Обычно первый приезд Бестужева в Москву упоминается в связи с чрезвычайной широтой его исторических и естественнонаучных интересов[141] или же – гораздо менее доказательно – в контексте политическом, связанном с делами тайного общества[142]. Но думается, что поездка была важна для Бестужева и как для издателя альманаха. Именно в этот время писатель лично знакомится с сотрудниками «Полярной звезды» Д. В. Давыдовым и П. А. Вяземским[143], с которыми до 1823 г. состоял лишь в деловой переписке[144]. Некоторые из новых московских знакомых Бестужева вскоре стали

---

[139] См.: Памяти декабристов. Вып. 1. С. 55–59.
[140] См.: Там же. С. 4.
[141] См.: Там же. С. 4–5.
[142] См.: Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 196 (вступительная статья Н. Л. Степанова).
[143] «З день <...> Знакомство с Вяземским, Давыдовым» (Памяти декабристов. Вып. 1. С. 56)
[144] Сохранилось письмо Д. В. Давыдова к Бестужеву от 24 апреля 1822 г., которое, по всей видимости, является ответом на предложение сотрудничать с «Полярной звездой»: «М. г. Александр Александрович, гусары готовы подавать руку на всякий род предприятия, и потому стыдно было отказаться от вашего предложения <...> я в угодность вам прилагаю при сем четыре пьесы, которые, кажется, нигде еще не были напечатаны» (Русская старина. 1888. Т. 60. Вып. 10. С. 166–167). Кроме того, известно письмо Вяземского к Бестужев и Рылееву от 23 января 1823 г., в котором он поблагодарил издателей за авторский экземпляр альманаха и пообещал продолжить сотрудничество: «Приношу вам мою чувствительнейшую благодарность за доставление подарка вашего, содержащего много занимательного и прекрасного. Не сомневаюсь в успехах издания вашего и на будущие годы. С признательностью принимаю лестное приглашение участвовать и впредь в ваших трудах и зажигать лучинку мою на лучах вашей блестящей “Звезды”» (Там же. № 11. С. 312).

публиковаться в альманахе – и на страницах «Полярной звезды» появились произведения И. И. Дмитриева[145] и его племянника М. А. Дмитриева[146], В. Л. Пушкина[147], С. Д. Нечаева[148], С. Е. Раича[149].

Кроме того, в дневнике Бестужева имеется следующая запись: «Ширяев по случаю болен»[150]. По предположению Н. В. Измайлова, речь идет об Александре Сергеевиче Ширяеве, известном книгопродавце и комиссионере Московского университета, с которым Бестужев, возможно, собирался обсудить

---

[145] Записи о встречах с И. И. Дмитриевым см.: Памяти декабристов. Вып. 1. С. 55, 56; см. также комментарий Н. В. Измайлова – Там же. С. 84. В «Полярной звезде» на 1824 г. появились апологи И. И. Дмитриева «Орел и филин», «Богач и поэт» (С. 32; подпись: ***); «Подснежник» (С. 96; подпись: ***), «Собака и перепел» (С. 240; подпись: ***); «Репейник и фиалка», «Светляк и змея» (С. 202; подпись: ***).

[146] Из дневника Бестужева непонятно, свел ли он личное знакомство с М. А. Дмитриевым; они могли встретиться на заседаниях Общества любителей российской словесности, которые Бестужев посещал во время своей поездки в Москву. В «Полярной звезде» на 1824 г. появились стихотворения М. А. Дмитриева «Лес» (С. 61–62) и «Сын бедной природы…» (С. 92–93).

[147] Запись о знакомстве с В. Л. Пушкиным см: Памяти декабристов. Вып. 1. С. 86. В «Полярной звезде» на 1824 г. была опубликована басня В. Л. Пушкина «Малиновка» (С. 87–88), а в следующей книге альманаха появились «Экспромт. На прощание друзьям А. И. и С. И. Т<ургеневым>» (С. 156) и «К ней» (С. 186–187); в «Звездочке» на 1826 г. были помещены два текста: «Счастливый младенец. Элегия» и «Песня» (см.: Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым / Изд. подготовили В. А. Архипов, В. Г. Базанов, Я. Л. Левкович. М.; Л., 1960. С. 775–776, 780–781 (Сер. «Литературные памятники»)).

[148] Степан Дмитриевич Нечаев – поэт, археолог-любитель, член Общества любителей российской словесности, на заседаниях которого писатели и познакомились: «24 <...> Был в обществе <...> Знакомство с Каченовским, с Нечаевым, с Мал<иновским>, с Ант<онским>» (Памяти декабристов. Вып. 1. С. 56–57). В «Полярной звезде» на 1824 г. (С. 262–264) и 1825 г. (С. 225–233) были опубликованы стихотворения С. Д. Нечаева «Сирота» и «Воспоминания». В «Звездочке» были помещены два послания поэта, «К сестре (6-го ноября 1825)» и «К Лиодору» (см.: Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. С. 777–778).

[149] В дневнике Бестужева записано: «Познакомился с Раичем» (Памяти декабристов. Вып. 1. С. 56). На собрании Общества любителей российской словесности, о котором Бестужев высказался весьма недвусмысленно («Читали много вздору» – Там же. С. 57), среди прочего был прочитан выполненный Раичем перевод отрывка XV песни «Освобожденного Иерусалима» (см.: Московские ведомости. 1823. № 20, 10 марта). О поэтическом таланте Раича Бестужев, в отличие от Вяземского, был невысокого мнения. Так, в письме к Вяземскому от 28 января 1824 г. он ответил на упрек Вяземского «От чего у вас нет Раича и Гнедича?» (Русская старина. 1888. Т. 60. Вып. 11. С. 324): «...Раич прислал нам пьесу, но между двух глаз будет сказано, ученическую, и бесцветную, и малозвучную» (Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 213). Впрочем, в «Полярной звезде» на 1825 г. все-таки был опубликован перевод Раича «Армидин сад (Из Тасса)» (С. 141–148), о котором Бестужев писал Вяземскому следующее: «Раич прислал отрывок из “Иерусалима”, но это широко, как разлив Волги; часть однакож напечатаем» (Там же. С. 226).

[150] Памяти декабристов. Вып. 1. С. 57.

продажу «Полярной звезды»[151].

Приезд Бестужева, человека яркого и обаятельного, к 1823 г. занимавшего не последнее место в литературном мире, оставил у московского общества самые приятные впечатления. Об этом говорит, например, письмо М. Т. Каченовского к Ф. В. Булгарину от 23 марта 1823 г. с отзывом о Бестужеве как о «прелюбезном человеке»; там же упомянуты «праздники», которые «зажиточные литераторы давали для него»[152].

Два года спустя Москва все так же гостеприимно встретила Бестужева – но от прежнего его энтузиазма не осталось и следа. 12 мая 1825 г. он отправил письмо Рылееву, в котором поделился немногочисленными впечатлениями о своем визите в Москву: «Живу теперь часто грустно, а сперва рассеянно. Балы, гулянья, спектакли – всё комедия <...> все комедианты. Теперь что-то нездоров <...> Я мало читаю, а с литераторами мало вижусь – скучной народ. Нечаев посылает портрет Шаликова. Полевой был у меня, Каченовский зовет – но все бранят, а я смеюсь их глупостям»[153].

Со временем изменились и его отношения с московскими знакомыми. Так, недолгим оказалось сотрудничество Бестужева с Давыдовым, чей талант он, кажется, действительно высоко ценил и которому посвятил «Замок Нейгаузен» (1824). После публикации в «Полярной звезде» на 1823 г.[154] поэт-партизан больше не высылал своих текстов издателям альманаха, чем неприятно удивил Бестужева. Своей досадой Бестужев поделился с Вяземским в письме от 5 сентября 1823 г.: «Почтеннейшему Ивану Ивановичу <Дмитриеву> поклон <...> как и поклоны <...> Денису Васильевичу <Давыдову>, который обещал мне прислать кое-что о Белыничах – и посадил на

---

[151] Там же. С. 88.
[152] Русская старина. 1903. Т. 116. Вып. 12. С. 606.
[153] Письмо А. А. Бестужева-Марлинского к К. Ф. Рылееву / Комент. Г. В. Прохорова // Пушкин: Временник Пушкинский комиссии. М.; Л. 1941. [Т.] 6. С. 259.
[154] В «Полярной звезде» на 1823 г. были опубликованы две элегии поэта: «О милый друг! Оставь угадывать другим…» (С. 104) и «Нет! Полно прибегать с улыбкою любви...» (С. 386–387).

мель»[155]. Известно письмо Давыдова к Бестужеву от 18 февраля 1824 г., в котором тот объясняет свое молчание в течение 1823 г. следующим образом: «...а что я не писал к вам от самого вашего отъезда, то этому причина данное самому себе (слово) прервать со всеми всякого рода переписку. Хлебопашец и любимец словесности, жизнь моя заключается в кабинете или в поле <...> о чем же писать мне?»[156]. Но думается, это объяснение было формальным: прекратив высылать тексты для «Полярной звезды», Давыдов в то же время стал сотрудником конкурентного издания – альманаха «Мнемозина», о чем было известно Бестужеву, который писал Вяземскому 1–18 января 1824 г.: «Я слышал, что Вы и Денис Васильевич участвуете в периодическом издании вроде альманаха… Уведомьте меня, какого рода, когда оно будет и наперед желаю всевозможного успеха, надобно немного растатарить Москву и снова перевести в нее метрополию вкуса и словесности»[157]. В 1830-е гг. в отношении Бестужева к Давыдову, несмотря на признание его несомненных литературных достоинств, появился оттенок снисходительности[158].

Вскоре Бестужев оборвал – кажется, уже по собственной инициативе – отношения с М. А. Дмитриевым: в «Полярной звезде» на 1825 г. не появилось ни одного его текста. Есть основания думать, что причиной тому стала знаменитая полемика классиков и романтиков вокруг «Бахчисарайского фонтана», в которой Бестужев безоговорочно принял сторону последних, о чем красноречиво говорит его письмо к Вяземскому от 7 мая 1824 г.: «Бой Ваш с классиками много занимал меня, ответы Ваши радовали, но скажу правду – эти животные не стоили ответа; им правда и ум, как к стене горох»[159].

Другие московские знакомства Бестужева, напротив, переросли в дружеские отношения. Например, не только постоянным сотрудником

---

[155] Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 207.
[156] Русская старина. 1888.Т. 60. Вып. 11. С. 328–329.
[157] Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 211.
[158] См. письмо к К. А. Полевому от 15 марта 1832 г. (*Бестужев-Марлинский А. А.* Кавказские повести. С. 516–517), а также комментарий к нему Ф. З. Кануновой (Там же. С. 690).
[159] Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 218.

«Полярной звезды», но и близким приятелем стал для Бестужева С. Д. Нечаев[160].

Но, пожалуй, самым значительным событием для Бестужева стало личное знакомство с Вяземским, переписка с которым представляет несомненный историко-литературный интерес[161].

Во вступительной статье к «Письмам Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825)» Н. Л. Степанов утверждал, что «...непосредственным результатом первой поездки Бестужева явилось привлечение Вяземского к участию в “Полярной звезде”»[162]. Этот тезис нуждается в уточнении. Известны два письма Рылеева к Вяземскому 1822 г. В первом, датируемом приблизительно апрелем – маем[163], Рылеев, сообщая о намерении издавать вместе с Бестужевым альманах, просит «удостоить <...> присылкою какого-нибудь произведения»[164]. Просьба была исполнена: на страницах первой книги альманаха появились «Послание к И. И. Дмитриеву», «Всякий на свой покрой», «Цветы», «Надписи к портретам» и пять эпиграмм; во «Взгляде на старую и новую словесность», напечатанном в той же книге альманаха, Бестужев удостоил творчество Вяземского самой высокой оценки[165]. В конце того же года, 27 декабря, Рылеев и Бестужев вместе с авторским экземпляром «Полярной звезды» отправили Вяземскому благодарственное письмо, в котором выразили

---

[160] К сожалению, известны только два письма Нечаева к Бестужеву (см.: Русская старина. 1888. Т. 60. Вып. 12. С. 393; 1889.Т. 61–62. Вып. 2. С. 319).

[161] Известны 16 писем Бестужева к Вяземскому, оригиналы которых находятся в Остафьевском архиве князей Вяземских (РГАЛИ) и в отделе рукописей РГБ. Впервые письма были подготовлены к публикации и прокомментированы К. П. Богаевской (Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825)). Для изучения истории «Полярной звезды» безусловный интерес представляют также письма Рылеева 1822–1825 гг.; 5 писем к Вяземскому (два – в соавторстве с Бестужевым) были подготовлены к публикации и прокомментированы А. Г. Цейтлиным и Ю. Г. Оксманом (см.: Из неизданной переписки: Письма Рылеева // Литературное наследство. М., 1954. Т. 59, кн. 1. С. 138–140, 144–146).

[162] Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 196.

[163] Обоснование датировки см.: Из неизданной переписки: Письма Рылеева. С. 138.

[164] Там же. Это письмо позволяет скорректировать утверждение А. Г. Готовцевой и О. И. Киянской о том, что будто бы «неизвестно, кто именно предложил Вяземскому дать свои произведения в “Полярную Звезду”» (*Готовцева А. Г., Киянская О. И. «*Временные заседатели Парнаса»: К истории альманаха «Полярная звезда». С. 17).

[165] См.: *Бестужев-Марлинский А. А*. Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 385–386.

надежду на дальнейшее сотрудничество[166]. Сохранился и ответ Вяземского, где он в самых лестных выражениях отозвался о напечатанных в «Полярной звезде» произведениях самих издателей. О «Думах» Рылеева («Рогнеда», «Мстислав Удалой», «Борис Годунов» и «Иван Сусанин») он написал следующее: «С живым удовольствием читаю я “Думы”, которые постоянно обращали на себя и прежде мое внимание. Они носят на себе печать отличительную, столь необыкновенную посреди пошлых и одноличных или часто безличных стихотворений наших. Что и в хороших стихах, когда нет в них особенного характера? Стройные, но несвязные, но ничего не выражающие аккорды в поэзии хороши в ребячестве. В зрелости лет нужна цель, нужно намерение»»[167]. Не обошел вниманием Вяземский и Бестужева, написав лестный отзыв о «старинной повести» «Роман и Ольга» (но не упомянув ни «Взгляд…», ни «Вечер на бивуаке», опубликованные в той же книге): «Старинная прозаическая повесть прелестна. Если мои советы могли бы иметь влияние, то я стал бы убеждать любезного автора ея пристраститься к этому роду. В нем, кажется, развернется его дарование во всей силе своей. Пускай засядет он за нашу старину, напитается ею и Вальтер-Скотом и дарит нас историческими романами, подобными Кенильвортсткому замку и проч.; разумеется, не перекладывая английского на русские нравы, но заимствуя от английского живописца дар быть современником нравов старины, а нас делать их свидетелями. Взимайте оба дани с предков наших, один стихами, другой прозою, один легкими набегами, другой совершенным овладением всех сокровищ, таящихся под спудом, и пустите в ход мертвые капиталы нашей

[166] «Испытав, с какой благосклонностию наделили Вы нас своими произведениями, позвольте надеяться, князь, что и следующая звезда заблестит Вашими лучами» (Из неизданной переписки: Письма К. Ф. Рылеева. С. 140).

[167] Русская старина. 1888. Т. 60. Вып. 11. С. 312. Эта оценка совпадает с той, которую Вяземский дает «Думам» Рылеева в письме к А. И. Тургеневу от 3 июля 1822 г.: «Дай себе труд переправить ошибки переписчика, если окажутся, в списке моих стихов для Рылеева. У этого Рылеева есть кровь в жилах, и “Думы” мне его нравятся» (Остафьевский архив князей Вяземских: В 5 т. СПб., 1901. Т. 2. С. 270).

истории»[168].

После поездки в Москву общение продолжилось, а переписка между Вяземским и Бестужевым получила более личный характер. Установившееся между писателями сотрудничество оказалось плодотворным. Так, Вяземский не только регулярно присылал свои тексты для «Полярной звезды», но и привлекал новых сотрудников альманаха[169], а также время от времени выступал в качестве посредника между Бестужевым и московскими литераторами И. И. Дмитриевым[170], С. Д. Нечаевым[171], Д. В. Давыдовым[172]. В свою очередь и Бестужев, для которого эти отношения, кажется, были важнее, чем для Вяземского, выполнял для него разного рода поручения: прислал для него рукопись «Кориона», переведенной Фонвизиным повести Ж.-Б. Грессе «Сидней»[173], и пытался найти список утраченной комедии того же Фонвизина «Гофмейстер»[174], следил за судьбой жалобы на цензора Красовского[175]. Кроме

---

[168] Русская старина. 1888. Т. 60. Вып. 11. С. 312.

[169] См. письмо Рылеева к Вяземскому от 28 февраля 1825 г.: «За чужие гостинцы для “Звезды” нашей приносим благодарность» (Из неизданной переписки: Письма К. Ф. Рылеева. С. 144–145).

[170] См. письмо Бестужева к Вяземскому от 3 ноября 1824 г.: «В обозрении <“Взгляде на русскую словесность в течение 1824 и начало 1825 годов”. – *А. П.*> не премину сказать моего мнения о лике Лжедмитриева <М. А. Дмитриева. – *А. П.*>. Не даст ли настоящий своего “Каплуна”? <речь идет о басне И. И. Дмитриева “Орел и каплун”. – *А. П.*> – что смотреть на кочан, изъеденный червями латыни» (Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 226).

[171] См. письмо Бестужева к Вяземскому от 5 сентября 1823 г.: «Если увидите Ст<епана> Нечаева, сделайте одолжение, напомните ему об обещании собрать для нас у московских стихотворцев статьи» (Там же. 207).

[172] 5 апреля 1823 г. Бестужев писал Вяземскому: «Денису Васильевичу замолвите слово об обещанном» (Там же. С. 202), а 13 сентября того же года снова просил его: «Будьте моим предстателем у Дениса Васильевича» (Там же. С. 208).

[173] См. письмо Бестужева от 5 апреля 1823 г. (Там же. С. 201–202) и письмо Вяземского от 10 мая того же года (Русская старина. 1888. Т. 60. Вып. 11. С. 316).

[174] См. письмо Вяземского от 10 мая 1823 г. (Там же).

[175] В письме Бестужева к Вяземскому от 23 мая 1823 г. говорилось: «Просьба или, лучше сказать, жалоба Ваша лежит у министра, *«чающая движения воды»,* но ни один ангел не сходит возмутить ее» (Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 204). Как сказано в комментарии К. П. Богаевской к письму (Там же. С. 206), речь идет о «прошении Вяземского в Главное училищ правление с жалобой на цензора Красовского, не пропустившего какое-то его произведение в “Сыне отечества” (текст прошения см.: Русский архив. 1896. № 6. С. 293–295)». См. также письма Вяземского к А. И. Тургеневу от 21 января, 7 февраля, первой половины марта 1824 г. (Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 297, 299, 304).

того, Бестужев регулярно делился с Вяземским подробными литературными впечатлениями и новостями, в том числе связанными с деятельностью Вольного общества любителей российской словесности, почетным членом которого Вяземский состоял с 27 сентября 1820 г.[176] – и даже пытался сыграть некоторую роль в популяризации его творчества среди «соревнователей».

До 1823 г. сочинения Вяземского, кажется, не часто читались на собраниях ВОЛРС. Единственным исключением является отрывок из знаменитой статьи «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева», прочитанный вместе с «Надписью к портрету И. И. Дмитриева» П. И. Шаликова 2 октября 1822 г.[177]. Статья, по всей видимости, была передана Гнедичу через А. И. Тургенева[178] и получена Гнедичем в конце сентября[179]. Ситуация несколько меняется в 1823 г. В «Подробной ведомости сочинениям и переводам в прозе и стихах <...> Вольного общества любителей российской словесности <...> в течение 1823 года» указаны две басни Вяземского, «Мудрость» и «Надежда, или Соловья баснями не корми»[180]; первая из них была прочитана на публичном заседании общества 22 мая 1823 г. Из письма Вяземского к А. И. Тургеневу от 2 апреля 1823 г. известно, что эти тексты были переданы в Общество Бестужевым: «Если встретишь полярного Бестужева, скажи ему, чтобы он отдал две мои басни, взятые им у меня, в Общество Соревнователей для какого-то торжественного заседания, а я ему дам что-нибудь другое для будущей “Звезды”»[181].

Но однажды Бестужев проявил инициативу, которая не была Вяземским оценена. В уже упоминавшемся письме от 23 мая 1823 г. можно найти следующую реплику Бестужева: «Пошел перебор пьес (для прочтения на публичном заседании Вольного общества любителей российской словесности. –

---

[176] См.: *Базанов В. Г.* Ученая республика. С. 447.
[177] См.: Там же. С. 421.
[178] См. письмо Вяземского к А. И. Тургеневу от 27 июля 1822 г. (Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 272).
[179] См. письмо А. И. Тургенева к Вяземскому от 18 сентября 1822 г. (Там же. С. 273–274).
[180] См.: *Базанов В. Г.* Ученая республика. С. 427.
[181] Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 308.

А. П.). Я предложил между прочим отрывок из биогр<афии> почтенного нашего поэта И. И. Дмитриева, но как рукопись была в цензуре, он до последнего заседания не был читан <...> Греч читал Ваш отрывок. Цертелев воскликнул против неформы, говоря, что теперь уже поздно назначение, но я доказывал неправоту, Греч настоял в исполнении и пьеса избрана была 19-ю против 4–х»[182]. Однако Тургенев, присутствовавший на том же публичном заседании, 25 мая прислал Вяземскому письмо, в котором неодобрительно высказался о выбранном Бестужеве отрывке: «Отрывок из биографии Дмитриева нехорошо выбран и читан неудачно. Можно и должно было избрать другие места»[183]. Как видно из ответа Тургеневу от 31 мая, Вяземский также был весьма недоволен выбором Бестужева: «И, конечно, выбор из биографии был самый неудачный. Тут можно было бы прочесть то, до чего, вероятно, дотронется цензура»[184].

Осенью 1825 г. в отношениях литераторов, кажется, наступило некоторое охлаждение. Такой вывод можно сделать из содержания письма от 30 октября, где Бестужев в достаточно резких выражениях упрекнул Вяземского за то, что тот не нашел времени на визит и ничего не прислал для альманаха на 1826 г.: «Я очень сердит на вас, любезнейший князь, дважды Вы были в Петербурге и ни разу не удостоили меня посещением; это мне тем более чувствительно, что в последнюю побывку Вашу мне не удалось с вами слова сказать <...> Стихотворная часть больно слаба у нас[185] <...> Многие (в том числе и Вы)

---

[182] Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С.204.
[183] Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 325.
[184] Там же. С. 327.
[185] В «Звездочку», кроме уже упомянутых выше текстов В. Л. Пушкина и С. Д. Нечаева, были помещены следующие стихотворные произведения: отрывок из третьей главы «Евгения Онегина» (ночной разговор Татьяны с няней); послание И. И. Козлова «Княгине Зинаиде Александровне Волконской»; отрывок из восточной повести «Пустынник Канду» Д. П. Ознобишина; эпилог к стихотворной повести «Эда» и «Бал» Е. А. Баратынского; «Тоска души» Я. И. Ростовцева; «Элегия», «К С***», «Греческая ода» В. И. Туманского; «Зависть гения» М. Н. Языкова; «Эпиграмма» и «К Заре» А. С. Хомякова; два отрывка из «персидской повести» Пл. Г. Ободовского «Орсан и Леила»; «Две картины. Отрывок» Н. М. Языкова (без указания авторства); стихотворение Ф. Глинки (без указания авторства) «Какая это сторона?» («Прекрасны тихия равнины!..»); «Битва», отрывок из поэмы «Жизнь» Н. А. Маркевича. Стихотворные тексты и составляли основную часть известного нам содержания альманаха: в прозаический раздел были включены лишь ливонская повесть А. А. Бестужева «Кровь за

обещают – и только. Как думаете сдержать свое слово? Как князь или как поэт? <...> У вас “Океан”[186] есть, у Вас есть, несомненно, и другие, достойные Вас пьесы. Мне не верится, чтоб ревельские красоты не одушевили Ваше перо»[187].

Примерно в это же время Бестужев отослал письмо Нечаеву, нам неизвестное, в котором, судя по ответу[188], он расспрашивал и о Вяземском. Сохранился доброжелательный ответ Вяземского Бестужеву от 18 ноября 1825 г., в котором он объяснил раздосадованному адресату, почему не нашел времени для встречи: «Верьте, что я и сам сердечно желал вас видеть в Петербурге, но я никого не видал за краткостию времени, за разными недосугами и досадными заботами, которые сделали из меня в последнее пребывание мое в Петербурге человека ни на что негодного. За отъездом Тургеневых у меня даже не было комнаты своей, и я бивуакировал в одной канцелярии. Место ли это для дружеских свиданий? Усмирите сердце свое и примите мое оправдание и равно искреннее сожаление, что я не видался с вами»[189]. Кроме того, он пообещал прислать для «Полярной звезды» «капитальную пьесу»[190]. Это письмо, написанное уже накануне событий на Сенатской площади, стало последним: после 1825 г. переписка между писателями не возобновилась.

§ 2. «План» П. А. Вяземского; причины отказа от его осуществления

О замысле «московских записок» мы узнаем из письма Бестужева к

кровь» и «малороссийская быль» О. М. Сомова «Гайдамак». См.: Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и Рылеевым. С. 721–800.

[186] Возможно, речь идет о стихотворении «Море», начатом в августе 1825 г.

[187] Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 230. В «Звездочке» был помещено послание Вяземского – «Графине ***» («Что поднесет новорожденной милой...») и «Катай–валяй» (без подписи). См.: Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и Рылеевым. С. 773–775, 779–780.

[188] См. письмо Нечаева к Бестужеву от 9 ноября 1825 г.: «Вяземского в Москве не нашлось: он не возвращался из костромских своих вотчин» (Русская старина. 1889. Т. 61–62. Вып. 2. С. 320).

[189] Там же. С. 321.

[190]«Дело в том, что у меня на станке для вас пьеса капитальная, которую не хочется выпустить в безобразном виде, хотя наш капитальный губернатор и Безобразов. Через неделю доставлю свой оброк, а мелочных вкладчин моих у вас много, не так ли?» (Там же).

Вяземскому от 21 марта 1823 г. Судя по строкам «С грустью расстался я с Москвою <...> Я уехал неожиданно, чтобы не грустить <в> минуту решительности»[191], это первое письмо к Вяземскому по приезде Бестужева в Петербург. В то же время сомнения адресанта по поводу замысла «плана поездки» выглядят как продолжение разговора, уже имевшего место: «Обдумывая план поездки своей в татарский Рим Ваш, я вижу, что это – дело не легкое: описывать общество – весьма щекотливо, потому что, хваля его беспрестанно, наскучишь, а приправлять анекдотами и странностями – беда. Далее историческая сторона картины хороша, но что скажешь после Карамзина? Да и многие ли охотники до истории! – придется лепить мозаик из посторонних предметов, как видно, и только клеить его московскою мастикою»[192].

Подтверждением этого предположения может выступать ответное письмо Вяземского от 8 апреля. Будто бы желая подбодрить сомневающегося Бестужева и помочь ему в осуществлении замысла, он предлагает весьма подробный план:

> Не пугайтесь затруднениями и расскажите нам свою поездку в матушку-Москву. За одне личности будут в праве сердиться; их, верно, у вас не будет; а от неосновательного сердца дураков нигде и никак не упасешься. Нечего и глядеть на них; впрочем
>
> На то и дураки, чтобы дурачить их!
>
> Предания старины; 1812 год, который все еще не проломлен нашими писателями, хотя Антонский и начинает все речи свои от незабвенного года и вторжения всеобщего врага; русская литература, долго имевшая Москву столицею своею и колыбелью, вопреки мнению Булгарина в обозрении своем; некоторые лица, господствовавшие в ней: Новиков, Херасков и другие живые покойники; влияние Москвы на Россию, пагубное и целебное; целебное в отношении образованности, которая разлилась на губернии от нас, а не от вас; пагубное потому, что праздность, рассеянность, глупая роскошь, роговая музыка, крепостные виртуозы и в школе палок воспитанные актеры, одним словом, нелепое бригадирство с причетом своим от нас заразило Россию: все это может вставиться в раму вашу. Записка Карамзина о Москве может служить вам путеводителем, а не пугалом.[193]

Прокомментируем отсылку Вяземского к «записке Карамзина». По всей

---

[191] Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 200.
[192] Там же.
[193] Русская старина. 1888. Т. 60. Вып. 11. С. 313–314.

видимости, речь идет о «Записке о московских достопамятностях»[194]; думается, этот же текст имел в виду и Бестужев, сомневаясь, что сумеет написать что-либо достойное «после Карамзина». «Записка…» представляет собой чрезвычайно насыщенный подробностями очерк истории Москвы, ее окрестностей и достопримечательностей. Сухое перечисление фактов, дат, имен и названий несколько оживляют лирические отступления. Одно из них, самое пространное, завершающее записку, посвящено роли Москвы в становлении и просвещении современной России. Пассаж «Москва непосредственно дает губерниям и товары, и моды, и образ мыслей…»[195] был практически пересказан Вяземским в письме к Бестужеву: «влияние Москвы на Россию <...> целебное в отношении образованности, которая разлилась на губернии от нас...».

Несмотря на очевидное сходство плана Вяземского с «Запиской о московских достопамятностях» (в обоих случаях речь идет о «преданиях старины», войне 1812 г.[196] и просветительской роли Москвы), в целом Вяземский не следует за Карамзиным. По всей видимости, замысел, предложенный Бестужеву, должен был включать элементы сатирического очерка. Если у Карамзина «смесь пышности с неопрятностию» или «образования с грубостию» представлены исключительно как «нечто любопытное, особое, характерное», то в плане Вяземского эта оппозиция «целебного» и «пагубного» влияний обретает более острый характер.

План Вяземского повторяет мотивы одного его собственного произведения, а именно вольнолюбивого стихотворения «Петербург», впервые напечатанного с большим цензурным изъятием в том же 1823 г. в «Полярной

---

[194] Впервые «Записка…», написанная в 1817 г., была частично опубликована без ведома Карамзина в «Украинском вестнике» (1818. № 5. С. 121–143; № 6. С. 245–253). Следующая публикация состоялась в 1820 г. в 9-м томе сочинений писателя с авторским примечанием: «Автор согласился напечатать здесь эту записку единственно для того, что она, без его ведома, была напечатана в “Украинском Вестнике” с ошибками» (*Карамзин Н. М.*. Соч.: В 9 т. М., 1820. Т. 9. С. 280).

[195] *Карамзин Н. М*. Т. 9. С. 302.

[196] «Так мы видим здесь Александра в роковой, незабвенный год (1812), когда надлежало искусить великодушие и твердость Россиян! Здесь померкла блудящая звезда Наполеонова… Вот славнейшее из всех воспоминаний Кремлевских для веков грядущих!» (Там же. С. 290).

звезде». Композиция этого произведения включает те же «пункты», что и план «московских записок», которые, по замыслу Вяземского, должны были начаться с исторического экскурса и перейти от «преданий старины» к очерку современности через войну 1812 г.; «Петербург» построен схожим образом: от Петра и Полтавской битвы мысль поэта переходит к эпохе правления Александра I через предельно краткие упоминания Суворова, П. А. Румянцева[197] и победы в войне с Наполеоном[198] (в ранней редакции стихотворения имелись достаточно большие пассажи, посвященные Отечественной войне[199]).

При знакомстве с планом Вяземского, согласно которому «московские записки» Бестужева должны включать исторический экскурс, а также очерк современного состояния Москвы и России в целом, возникает еще одна параллель. Структурно и тематически замысел «московских записок» напоминает бестужевскую «Поездку в Ревель». Можно с большой долей вероятности утверждать, что Вяземский не был знаком с журнальной версией травелога Бестужева, потому что до августа 1821 г. не был подписан на «Соревнователь». Об этом говорит содержание писем к А. И. Тургеневу от 2

---

[197] «Рымникский пламенный и Задунайский твёрдый!» (*Вяземский П. А.* Стихотворения. Л., 1986. С. 119 (Библиотека поэта. Большая сер.).

[198] «С народов сорвал он <Александр I. – *А. П.*> оковы угнетенья» (Там же. С. 120).

[199] И, может быть, при вас Кутайсов в цвете лет
В волненье бранных дум, постигнув ваш привет,
На славу жизнь обрек и меч на честь отчизны.
Мужей великих прах – училище граждан.
Но где ж Смоленский? Где целитель наших ран?
Потщимся отвратить потомства укоризны,
Да памятник ему воздвигнется средь нас!
Другие вознесли, а он Россию спас.
И славная чета ждет славного собрата.
(Там же. С. 424)
Но да предупредит признательность Отчизны
Потомков строгий суд и глас их укоризны!
Да новый памятник восстанет среди нас,
Еще свежа Кутузова утрата;
Они прославили, а он Россию спас,
И славная чета ждет славного собрата.
(Там же)

марта и 2 августа этого года: «Вот письмо мое к Ф. Н. Глинке <...> узнай, что и как можно дать малую толику при подписке на журнал общества»; «Дай сто рублей Соревнователю за подписку на журнал»[200]. Каких-либо реплик по поводу отдельного издания «Поездки в Ревель» в сохранившихся письмах Вяземского конца 1821 – начала 1822 гг. нет. Но это еще не дает основания исключить его знакомство с произведением, возможно, инспирировавшим его предложение Бестужеву.

Более существенным представляется вопрос, почему же Бестужев так и не приступил к осуществлению этого замысла.

Думается, главной причиной могла стать потеря писательского интереса к подобного рода историческим текстам. Как было показано в первой главе, уже параллельно с работой над «Поездкой в Ревель» писатель постепенно уходит от жанра «ученого путешествия» и «ученого очерка» и сосредотачивается на написании ультраромантических беллетристических текстов «ливонских» повестей, в которых история становится лишь декорациями, иногда весьма условными. То же касается и темы 1812 г. – Бестужев неоднократно обращался к этой эпохе в рассказах и повестях: в «Вечере на бивуаке», «Втором вечере на бивуаке» (1823), «Латнике» (1832) и в «Выстреле», одной из глав незавершенного романа «Вадимов» (1833–1834), а также связывал с ней несколько нереализованных художественных замыслов[201].

Немаловажно и то, что Бестужев был уверен в отсутствии у читателя интереса к истории. Об этом прямо говорилось в его уже упомянутом письме к Вяземскому («Да и многие ли охотники до истории!»). Та же мысль позже промелькнула в письме от 23 мая 1823 г., в котором Бестужев делился своими впечатлениями о публичном заседании ВОЛРС, в частности – о чтении статьи

---

[200] Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 173, 194.

[201] Кроме уже упоминавшейся выше «пьесы» «Партизанский привал», в письме к Рылееву от 12 мая 1825 г., можно найти упоминание еще одного замысла, который, по всей видимости, мог быть посвящен событиям 1812 г.: «P. S. Брату Николаю кланяется Василевский. Я с ними ездил любоваться Кремлем. С военными сбираемся в Бородино – вот предмет для *филологической оды.* Я уже горю наперед…» (Письмо А. А. Бестужева-Марлинского к К. Ф. Рылееву. С. 259).

Булгарина «Отрывок о Марине Мнишек»: «Булгарина статья была очень занимательна, однакож у нас еще не умеют ценить исторические занятия»[202].

Отдельного комментария в письме Бестужева от 21 марта 1823 г. заслуживает реплика: «…описывать общество – весьма щекотливо, потому что, хваля его беспрестанно, наскучишь, а приправлять анекдотами и странностями – беда». Думается, подобная щепетильность объясняется заботой Бестужева о своей репутации издателя. Это подтверждают и опубликованные в альманахе тексты, в особенности программные «Взгляды», точнее – их тон, резко отличающийся от ранних обзоров Бестужева.

В советском литературоведении сложилось представление о «Полярной звезде» как о печатном органе Северного общества, пропагандировавшем революционные идеи[203]. В качестве доказательства приводился, в частности, тот факт, что участниками первой книги альманаха были члены ВОЛРС[204]. Но такому взгляду на издание Бестужева и Рылеева противоречат и оценки современников-читателей «Полярной звезды»[205], и состав альманаха, в котором число «вольнолюбивых» текстов было весьма невелико. В современной научной литературе уже отмечалось, что издатели «Полярной звезды» «предприняли попытку объединить литераторов разных эстетических воззрений <...> Кроме того, в альманахе было много писателей “второго ряда”, которые не

---

[202] Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 204. Ср. оценку Бестужева с отзывом А. И. Тургенева: «Польский Тацит-Бургарин смешон был своим желанием угодить полякам и русским, Руничу и Гречу» (Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 326).

[203] См., например: «Бестужев и Рылеев в “Полярной звезде” подняли знамя борьбы за гражданский романтизм в литературе, объединяя вокруг него все прогрессивные элементы, способные внести свой вклад в передовое движение. Борьба теоретическая в литературе была выражением общеполитической борьбы, в которой из всех членов Северного общества Рылеев и Бестужев занимали наиболее последовательные позиции, что и сказалось на выдержанности и принципиальности литературно-критических взглядов того и другого» (*Архипов В. А. Базанов В. Г., Левкович. Я. Л.* Литературно-эстетические позиции «Полярной звезды». С. 828).

[204] См.: Там же. С. 816–817.

[205] См., например: «Тогда никому и в голову не приходило соединять преступные деяния декабристов с их невинными литературными произведениями и еще тем более с такими изданиями их, как книжки “Полярной звезды”» (*Буслаев Ф. И.* Мои воспоминания. М., 1897. С. 370).

выражали четко той или иной эстетической платформы»[206].

Нужно сказать, что большинство рецензентов «Полярной звезды» на 1823 г. весьма благосклонно отозвалось о содержании альманаха: «Любительницы и любители отечественной словесности найдут в сей книжке прозу по большей части чистую, легкую и занимательную, а поэзию приятную, живую и – очень часто – вдохновенную <...> В нашем альманахе участвовали многие из первоклассных писателей»[207]. Тем не менее неравноценность публикуемых текстов была очевидна для современников. 2 сентября 1823 г. П. А. Вяземский, сообщая Бестужеву о том, какие произведения он готов предоставить для следующего выпуска «Полярной звезды», завершал свое письмо восклицанием: «Только, ради Бога, не впускайте Хвостова. Что за охота делать из книжки крестьянскую избу, которая служит и людскою обителию, и хлевом. Всякому свое место: люди с людьми, а прочее с прочим! Пускай хрюкает он у дверей, но вы мужайтесь и дверей не растворяйте»[208]. (Видимо, Бестужев прислушался к просьбе Вяземского: в «Полярной звезде» на 1824 и 1825 гг. стихотворения гр. Хвостова не появлялись.) 22 апреля 1824 г. В. А. Муханов писал брату Николаю: «Очень радуюсь, что мнение твое о “Полярной звезде” сходно с моим; там много прекрасного, больше посредственного и *велие* множество худого и плохого»[209]. П. А. Муханов, получив «Полярную звезду» на 1824 г., 24 января писал Рылееву: «…прошлогодняя была лучше; стихи очень плохи; образчики твоей поэмы мне очень понравились»[210].

---

[206] *Готовцева А. Г.* К финансовой истории альманаха К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева «Полярная звезда». С. 10.

[207] *[Плетнев П. А.]* Соревнователь. 1823. № 1. С. 98–99 (авторство Плетнева указано в издании: Полярная звезда, изданная К. Рылеевым и А. Бестужевым. С. 979). См. также отзыв «Сына отечества» (1823. № 3. С. 113): «… давно я не видал у нас книжки, которая заключала бы в себе столько приятного и занимательного!» (подпись: Ж. К.; в издании «Полярная звезда, изданная К. Рылеевым и А. Бестужевым» указано, что это псевдоним Н. И. Греча (С. 979), однако высказывалось и иное мнение; о разных версиях раскрытия псевдонима «Ж. К.» см.: Пушкин в прижизненной критике: 1820–1827. СПб., 2001. С. 430–431; примеч. Е. В. Лудиловой).

[208] Русская старина. 1888. Т. 60. Вып. 11. С. 319.

[209] Письма Владимира Алексеевича Муханова братьям 1824–1831 гг. // Щукинский сб. М., 1906. Вып. 5. С. 271.

[210] Русская старина. 1888. Вып. 60. Т. 11. С. 322. Ср. также резкий отзыв П. А. Катенина в

Литературные обзоры Бестужева, открывающие каждую новую книгу, касались широкого круга вопросов: истории российской словесности, причин упадка современной литературы, роли критики. Но несмотря на разнообразие тематики, все же основное место в статьях занимали обозрения книжных новинок, отражавшие общую позицию издателей. «Во взгляде на старую и новую словесность в России» едва ли не каждый автор – будь то Батюшков или граф Хвостов – удостаивается похвалы и одобрения. О Батюшкове Бестужев пишет с явным восторгом, уподобляя его поэзию «резвому водомету, который то ниспадает мерно, то плещется с ветерком. Как в брызгах оного преломляются лучи солнца, так сверкают в ней мысли новые, разнообразные»[211]. Но и для Хвостова критик находит вполне уважительные слова: «Граф Хвостов, трудолюбивый стихотворец наш, писал в различных родах, и в нем нередко встречаются новые мысли. Одами своими заслужил он недвусмысленную славу, и публика уже оценила все пиитические его произведения»[212]. Исключением оказывается только покойный Тредиаковский[213]. Таким образом, как остроумно заметил Н. А. Котляревский, Бестужев превратил свой обзор в «докладную записку о всех вышедших произведениях русской словесности, стараясь показать товар лицом и набивая иногда непомерную цену самых посредственных произведений»[214].

Обзор, помещенный в альманахе на 1823 г., вызвал немало нареканий. Высказывались упреки по поводу авторского слога[215] (претензии к которому

письме к Н. И. Бахтину от 13 июля 1824: «Звезда – дрянная компиляция» (Там же. 1911. № 4. С. 170).

[211] *Бестужев-Марлинский А. А*. Соч. Т. 2. С. 384–385.

[212] Там же. С. 381–382.

[213] «В то время как юный Ломоносов парил лебедем, бездарный Тредиаковский (род. 1703, ум. 1769 г.) пресмыкался, как муравей, разгадывал механизм, приличный русскому стихосложению, и оставил в себе пример трудолюбия и безвкусия. Смехотворными стихами своими, в отрицательном смысле, он преподал важный урок последующим писателям» (II, 378). Осмеяние «трудолюбивого» Тредиаковского характерно для «арзамасской» традиции.

[214] *Котляревский Н. А.* Декабристы. С. 328.

[215] «Слог сочинителя сей статьи больше всего походит на его мнения. *А. Бестужев* выражается обыкновенно <...> неровно <...> Он до пристрастия любит игру слов. В украшениях его слога нередко вырывается что-то слишком молодое и затейливое» ([*Плетнев П. А.*] Соревнователь. 1823. № 1. С. 105); «Вообще слог г-на Бестужева отличается

были Бестужеву уже привычны), но главное неудовольствие возникло по поводу выбора имен писателей и данных им оценок. А. И. Тургенев в письме к Вяземскому от 2 января 1823 г. высказался о содержании и тоне «Взгляда» резко отрицательно: «Читал ли “Звезду” и в начале – “Le petit dictionnaire des grands hommes” <“Малая энциклопедия великих людей” – *фр.*>, в роде “Les femmes savantes”<“Ученые женщины” – *фр.*>. Что за вздор, и что за язык, и что за грамматика, и что за имена»[216]. Недовольны были и представители другого литературного лагеря. Критик «Вестника Европы» писал: «Не со всем, однако ж я согласен с г-м Бестужевым. Например он поставил М. Н. Муравьева наряду с Подшиваловым <...> не упомянул ни слова о стихотворных произведениях первого, о которых Батюшков и другие отзывались с большой похвалою; но подобные пропуски были бы весьма простительны, если бы мы не встречали в сем обозрении имен многих и премногих поэтов»[217].

Откликаясь на следующий бестужевский обзор русской словесности (за 1823 г.), Вяземский писал автору 20 января 1824 г.:

> В вашей литературной статье много хорошего, но опять та же выисканность и аффектация в выражениях. Так же не одобряю какую-то подчиненность в суждениях. Что за охота выставлять Загоскина? Его «Послание к Людмилу» площадное, плоское по мыслям и стихосложению, взапуски выхваляемое петербургскими и московскими журналами, точно как будто переродило его. Дайте себе труд его прочесть и вы, верно, со мною согласитесь. «Деревенского философа», верно, вы и не читали, а то бы и не решились похвалить.[218]

В особенности Вяземского задела доброжелательная реплика в адрес

оригинальностью мыслей, живостию и новостью оборотов, но не везде гладок» (Вестник Европы. 1823. № 2. С. 136–137; подпись: П.); ««...желание быть оригинальным, блистать новизной и остротою часто заставляет его употреблять слова в смысле совершенно им несвойственненом и составлять выражения столько ж странные, сколько и выисканные. Сии погрешности г-на Бестужева в рассматриваемом мною сочинении дошли, так сказать, до невозможности» (Там же. С. 140; подпись: – и – е. –).

[216] Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 294. В подобном духе Тургенев выскажется и по выходе следующей книжки альманаха в письме к Вяземскому от 28 мая 1824 г. (см.: Там же. Т. 3, ч. 2. С. 129–130).

[217] Вестник Европы. 1823. № 2. С. 135–136; подпись: П.

[218] Русская старина. 1888. Т. 60. Т. 11. С. 322–323. «Послание Людмилу» – сатира на романтическую поэзию; «Деревенский философ» – комедия Загоскина, о которой Бестужев писал, что она «развертывает забавные черты наших баричей, доказывая комический дар автора» (II, 397).

Каченовского и его «Вестника Европы», с которым в 1824 г. велась бурная полемика по поводу предисловия Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану»:

> Что значит, что «Вестник Европы» идет своим твердым шагом, ослиным что ли? Нет тверже ослиного шага, а в доказательство служит то, что по горам их употребляют. Вы из Каченовского точно делаете помазанника. Как ни глуп, как ни скучен, как ни бесплоден, а все с каким-то благоговением говорится о его величестве. Как не видать, что «Вестник Европы» держится своею давностию и своею законностию (legitimité) как фамилии Атридов или Бурбонов. Сам собою он ничтожен: посмотрите его отчеты о московском театре. Какой неурожай на мысли и на слова! Какой запор в голове![219]

Вяземский недвусмысленно выражал свою позицию, призывая Бестужева к большей независимости:

> ...зачем же вам подчинять себя побочным условиям, околичностям? Оставим это поденщикам книжным, цеховым ремесленникам: но кому же быть независимым, если не нам, которые пишем из побуждений благородного честолюбия, бескорыстной потребности души? Хорошо «Благонамеренному» и ему подобным вытягиваться перед «Вестником Европы» с пальцами по квартирам и с улыбкою раболепства на холопских устах <...> Независимость – вот власть, которой мы должны служить верою и правдою. Без нее нет писателю спасения: и ум, и сердце его, и чернила – все без нее заплесневеет.[220]

В отношении к Каченовскому Бестужев был, по-видимому, достаточно искренен: «Я в нем нахожу кой-какие литературные заслуги – Вы не признаете вовсе никакого достоинства» – писал он в ответном письме к Вяземскому[221]. Но в других случаях его приватные оценки нередко существенно отличались от печатных. Так, о Б. М. Федорове во «Взгляде на старую и новую словесность» говорилось: «Борис Федоров писал много для сцены, но мало по вкусу публики. Однако ж в отрывках его “Юлия Цезаря” виден дар трагедии»[222]. Между тем рассказывая в письме к Вяземскому от 23 мая 1824 г. о «партии положительного безвкусия», составившейся в «Вольном обществе любителей российской словесности», Бестужев писал, что «у ней <...> хвост (тела нет) – Борис

---

[219] Русская старина. 1888. Т. 60. Вып. 11. С. 324.
[220] Там же.
[221] Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 212–213 (письмо от 28 января 1824 г.).
[222] *Бестужев-Марлинский А. А*. Соч. Т. 2. С. 390.

Федоров <...> Борис Федоров – гадок, словесный вор и чтец преотвратительный»[223]. В том же письме о чтении А. Е. Измайловым басен «Бегун и кляча», «Так да не так» и «Сметливый эконом» сообщалось: «Измайлов смешил более своею тушею, чем стихами»[224]. Но басни того же автора получили совершенно иную оценку во «Взгляде на старую и новую словесность»: «Баснописец Александр Измайлов рисует природу, как Теньер. Рассказ его плавен, естественен; подробности оного заставляют смеяться самому действию. Он избрал для предмета сказок низший класс общества и со временем будет иметь большую цену, как историк сего класса народа»[225]. Во «Взгляде на старую и новую словесность» «Родзянка – беспечный певец красоты и забавы: он пишет немного, но легко и приятно»[226], а в письме к Вяземскому от 1–18 января 1824 г., рассказывая о содержании «Полярной звезды» на 1824 г., Бестужев пишет о нем совсем иначе: «...местами напускали ряпушки в стерляжий садок свой. Так прокрался туда бессмысленный Родзянка…»[227].

Известна эпиграмма Пушкина, написанная весной 1825 г.:

Напрасно ахнула Европа,
Не унывайте, не беда!
От п<етербургского> потопа
Спаслась «П<олярная> з<везда>».
Бестужев, твой ковчег на бреге!
Парнасса блещут высоты!
И в благодетельном ковчеге
Спаслись и люди, и скоты.[228]

Существует достаточно справедливое мнение, что в последней строке речь идет об участниках альманаха[229]. Однако с не меньшим основанием можно считать, что поводом к эпиграмматической реплике о «людях» и «скотах» в «ковчеге Бестужева» послужили также публичные бестужевские суждения, высказанные

[223] Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825). С. 204.
[224] Там же.
[225] *Бестужев-Марлинский А. А.* Соч. Т. 2. С. 382.
[226] Там же. С. 387.
[227] Там же. С. 472.
[228] *Пушкин.* Полн. собр. соч. М., 1937. Т. 2. С. 386.
[229] См., например: *Маслов В. И.* Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. С. 361.

во «Взглядах»[230]. Конъюнктурность бестужевских обзоров Пушкин отмечал и в личной переписке с писателем – правда, в более мягкой форме. В письме, датированном концом мая – июнем 1825 г., он, высказывая свои замечания о «Взгляде», упрекнул Бестужева за недостаточно откровенный отзыв о «Евгении Онегине»: «Об “Онегине” ты не высказал всего, что имел на сердце; чувствую почему и благодарю — но зачем же ясно не обнаружить своего мнения? — покамест мы будем руководствоваться личными нашими отношениями, критики у нас не будет — а ты достоин ее создать»[231]. Этот упрек в предвзятости был справедлив. Если в личной переписке по поводу первой главы «Евгения Онегина» развернулась настоящая полемика[232], то во «Взгляде» Бестужев привычно обошел (или почти обошел) все острые углы: «Первая глава стихотворного <...> романа “Онегин”, недавно появившаяся, есть заманчивая одушевленная картина неодушевленного нашего света. Везде, где говорит чувство, где мечта уносит поэта из прозы описываемого общества, стихи загораются поэтическим жаром и звучнее текут в душу»[233].

Бестужева, естественно, чрезвычайно заботила успешность альманаха. Он был заинтересован в сохранении уже налаженных литературных и деловых контактов, а также в привлечении новых активных сотрудников[234] и, по

---

[230] Подробнее о связи эпиграммы и «Взглядов» А. Бестужева см.: *Полякова А. А.* «Люди» и «скоты» в ковчеге Александра Бестужева: (Об эпиграмме Пушкина «Напрасно ахнула Европа…») // Русская литература. 2018. № 2. С. 166–171.

[231] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 180.

[232] См. письмо А. С. Пушкина к К. Ф. Рылееву от 2 января 1825 г. (Там же. С. 134), Бестужева к Пушкину от 9 марта 1825 г. (Там же. С. 148– 149), Пушкина к Бестужеву от 24 марта 1825 г. (Там же. С. 155).

[233] *Бестужев-Марлинский А. А*. Соч. Т. 2. С. 407.

[234] Ср.: «Рылеев и Бестужев сумели привлечь к участию в альманахе все лучшие силы; издателей нельзя упрекнуть в неразборчивости и в отсутствии вкуса. Они поставили дело таким образом, что крупнейшие поэты того времени желали “видеть свое новорожденное дитя в изящно-модной колыбельке”, С другой стороны, следует учитывать, что в ту пору авторы в большинстве своем вышли из школы Жуковского-Карамзина, а именно к ним вынуждены были обращаться Рылеев и Бестужев с просьбой о присылке “пьес” и, “буде господа сочинители соблаговолят прислать свои пьесы”, издатели “предадут их тиснению”. А это, опять-таки, не могло не стеснять суждений, высказываемых в статье, предпосланной альманаху, не могло не отразиться на оценке трудов “господ сочинителей”» (*Архипов В. А., Базанов В. Г, Левкович Я. Л.* Литературно-эстетические позиции «Полярной звезды». С. 821–822).

замечанию В. Э. Вацуро, избегал полемики с конкурирующими изданиями[235]. Отсюда – сдержанный и доброжелательный тон его обзоров. Кроме того, по мнению Н. А. Котляревского, Бестужев желал выступать в них не столько критиком, сколько историком литературы, и потому стремился сдерживать проявления своих личных вкусов[236].

Возвращаясь к «московским запискам», можно предположить, что написание сатирического очерка о московских нравах, которые могли бы задеть или потенциального читателя, или потенциального автора, очевидно было не в интересах издателя «Полярной звезды».

---

[235] См.: *Вацуро В. Э.* «Северные цветы»: История альманаха Дельвига – Пушкина. М., 1978. С. 44.
[236] См.: *Котляревский Н. А.* Декабристы. С. 314–315.

Глава 3. Замысел «якутского» альманаха (1829) и творческие поиски А. А. Бестужева 1827–1829 гг.

Значение в творческой биографии опального декабриста первых годов его ссылки – сначала недолгого пребывания в Финляндии в крепости «Форт Слава», затем двухлетней жизни в Якутске (1827–1829 гг.) – определяется достаточно трудно. Во многом вторая половина 1820-х гг. оказалась для Бестужева временем творческого кризиса: прежняя слава осталась позади – и перед писателем встала необходимость не только осмыслить и принять свое новое положение, но и попытаться найти новый путь, новую форму высказывания.

Внешне эти поиски проявились в уходе от беллетристики к лирике. Несмотря на то, что Бестужев в той или иной степени обращался к поэзии на протяжении всего своего творческого пути, именно «якутский» период можно почти без оговорок назвать «стихотворным». В Якутске Бестужев создал ряд оригинальных и переводных лирических текстов в разных жанрах и отдельные главы стихотворной повести «Андрей Переяславский». Правда, может показаться, что его лирические тексты писались иногда от безысходности и едва ли не «с тоски»[237]. 25 января 1829 г. Бестужев признавался братьям Николаю и Михаилу: «Прозой вовсе ничего не пишу; для серьезных предметов не имею довольно источников и оснований, а для сантиментальных статеек я стал слишком сериозен»[238]. К своим поэтическим опытам он тоже относился как будто бы несерьезно: об этом говорит и одна из реплик в письме к братьям от 16 июня 1828 г. («...стихотворствую я очень много, и скорее для рассеянности, вообразив себя одно время влюбленным; время доказало, что это был только искусственный огонь»[239]), и ироничное сообщение о том, что своими

[237] «Бестужев с тоски, кажется, приналег на поэзию» (*Котляревский Н. А.* Декабристы. С. 118).
[238] Русский вестник. 1870. № 5. С. 249–250.
[239] Там же. С. 234.

стихотворениями он раскуривает на досуге трубку[240]. Важно, что «Русские повести и рассказы» Бестужева (М., 1832. Ч. 1–5; СПб., 1834. Ч. 6–8) были собранием именно прозаических текстов – впервые большая часть поэтического наследия, прежде разбросанная по страницам альманахов и журналов, оказалась собрана лишь в одном из томов посмертного полного собрания сочинений писателя, изданного в 1838–1840 гг.[241].

Что же касается нескольких глав из стихотворной повести «Андрей, князь Переяславский», то Бестужев и этот текст, кажется, не считал удачным. Так, в письме к К. А. Полевому от 12 февраля 1831 г., он, будто бы оправдываясь за несовершенство повести, признавался: «Писалась она в Финляндии, где у меня не было ни одной книги; написана она была жестяным обломком, на котором я зубами сделал расщеп, и на табачной обертке. Можете судить об отделке и вдохновении!»[242]. Судя по воспоминаниям И. Д. Якушкина[243], Бестужев вполне точно живописал обстоятельства, в которых текст создавался.

Однако, каким бы пренебрежительным ни было отношение Бестужева к своим стихотворным опытам второй половины 1820-х гг., в начале 1829 г. он, по всей видимости, собирался использовать эти поэтические тексты в рамках достаточно амбициозного проекта, о котором и пойдет далее речь.

§ 1 Финансовая история «якутского» альманаха (1829)

В исследованиях, посвященных А. А. Бестужеву, неоднократно

---

[240] Там же. С. 254 (письмо к братьям от 25 марта 1829 г.).

[241] *Марлинский А*. Полн. собр. соч. СПб., 1840. Ч. 11. В это издание вошли только 28 стихотворений Бестужева и главы стихотворной повести «Андрей, князь Переяславский». Полностью все известные поэтические тексты писателя опубликованы в издании: *Бестужев-Марлинский А. А*. Полн. собр. стихотворений / Вступит. статья и примеч. Н. И. Мордовченко; общая ред. М. А. Брискмана. Л., 1961 (Большая серия «Библиотеки поэта»).

[242] Русский вестник. 1861. № 3. С. 293.

[243] «Бестужев в это время пытался писать на клочках бумаги повесть в стихах из времен, весьма древних, в русской истории – “Андрей Переяславский”» (*Якушкин И. Д.* Записки // Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. СПб., 1951. С. 91 (Сер. «Литературные памятники»).

упоминается, что получив в 1828 г. запрет на издание своего собрания сочинений, он в начале 1829 г. взялся за работу над альманахом[244]. Впервые мысль издать альманах прозвучала в письме к сестре Елене Александровне от 25 февраля 1829 г.:

> ...узнайте-ка, не возьмется ли какой из грамотеев издать в свете книжечку, совершенно разнообразием своим похожую на мать всех нынешних альманахов – «Полярную Звезду», в которой проза и стихи будут без исключения писаны мною и которую постараюсь я сделать как возможно занимательную. Там будут повести всех цветов (of all humors <всех сортов – *англ.*>), критические взгляды и полезное с приятным в одной своре. В стихах постараюсь соблюсти еще как можно больше пестроты. Одним словом, имея некоторую опытность в этом роде изданий и довольно беспристрастия, чтобы разглядеть и свое дурное – я, вероятно, успею сдержать свое слово. Картинок, кроме заглавной, не думаю прилагать. <...> Все это или большая часть еще в голове моей, но решась, я скоро приведу мою мысль в дело. Не замедлите отвечать на вопрос мой. Я никак не полагаю, чтоб это предприятие могло быть запрещено <...> Впрочем, повторяю – это есть единственный способ моего существования, и не ставя нигде своего имени, я устраняю и последнюю тень надобности не дозволять появления. Думаю, это может доставить мне безбедной быт, а публике невинное чтение. Я далек от самолюбия, но далек и от унижения; я знаю себе цену в мире русской словесности, хотя цену случайную, происшедшую от совершенного безлюдья в прозаиках, и след., думаю, что сим окажу некоторую услугу языку отечественному; впрочем, как говорят немцы – Zeit bricht Rosen, т. е. буквально: время разбивает розы.[245]

Как следует из письма, Бестужев намеревался создать именно авторский альманах, наполненный только собственными текстами. Стоит отметить, что такой тип издания получил некоторое распространение лишь к концу 1830-х гг.[246], а до этого был явлением маргинальным. Существует единственный и вряд ли известный Бестужеву авторский альманах 1800–1820-х гг. – это вышедший в 1807 г. в Москве «Подарок милым сестрам Вар. Але. Шул. и Вар. Але. Каф. в

---

[244] См.: *Прохоров Г. В.* А. А. Бестужев в Якутске. С. 190–191; *Фризман Л. Г.* Литературная критика декабристов // Литературно-критические работы декабристов. М., 1978. С. 16; *Канунова Ф. З.* Бестужев – критик и теоретик романтизма // Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести. С. 553.

[245] Памяти декабристов. Вып. 2. С. 220–221.

[246] В 1830-е гг. в Петербурге и Москве вышло пять авторских альманахов: «Утренняя звезда» Д. И. Сигова (1831), «Метеор» Ф. Соловьева (1831), «Звезда любви, подарок прелестному полу» В. Гр-ва (1837), «Цевница» П. Я Шаршавого (1837) и «Невский альбом. Опыты в стихах и прозе» Н. Бобылева (1837). См.: *Смирнов-Сокольский Н. П.* Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв.: Библиогр. указатель. М., 1965. С. 165, 194–197.

день их имянин» А. А. Коптева.

Форма издания Коптева несколько отличалась от структуры обычного альманаха, заданной еще «Аонидами» и «Аглаей» Н. М. Карамзина и традиционно включавшей в себя издательское предисловие, стихотворный и иногда – прозаический разделы, перебиваемые виньетками и картинками[247]. В «Подарке милым сестрам...», который предсказуемо открывался трогательным поздравлением, стихотворные и прозаические тексты были скомпанованы по жанрово-тематическому принципу – «Меланхолические пьесы», «Смесь», «Идиллии», «Басни», «Славянские апологи», «Мелочи», «К портретам». Но как понятно из изложенной в письме программы, Бестужев ориентировался на традиционную структуру альманаха типа «Полярной звезды».

К сожалению, о возможном содержании «якутского» альманаха нам известно мало. К тому же коммерческая сторона проекта была продумана Бестужевым, как кажется, гораздо более тщательно, чем материалы для него. Однако и эта коммерческая сторона неосуществленного издательского проекта представляет известный интерес.

Причина, по которой уже во время пребывания в Якутске писатель задумался об издании собственных сочинений, очевидна. Несмотря на то, что общий тон писем 1827–1829 гг. нельзя назвать трагичным, – Бестужев охотно делился этнографическими наблюдениями, много читал, занимался немецким, итальянским и латинским языками, заводил знакомства, живо интересовался литературными новостями и книжными новинками – он достаточно часто сетовал на свое стесненное финансовое положение. О дороговизне и труднодоступности элементарных вещей Бестужев писал сестре Елене 25 мая 1828 г.:

> Я принужден здесь делать себе все платье и часть белья, и это все стало мне недешево, равно как и обзаведение хозяйством. Неприметные вещицы, как то: сита и чашки и плошки и пузырьки унесли не мало.[248]

---

[247] См.: *Гриц Т. С., Никитин М. М., Тренин В. В*. Словесность и коммерция: Книжная лавка А. Ф. Смирдина. М., 2001. С. 153.
[248] Памяти декабристов. Вып. 2. С. 200–201.

Финансовое благополучие Бестужева подрывали и несогласованные с автором издания его текстов. С литературной контрафакцией – правда, не как автор, а как издатель альманаха – он сталкивался и раньше[249]. Речь идет о публикации А. Ф. Воейковым отрывка из «Братьев-разбойников» Пушкина в составе «Путешествия из Саренты на развалины Шери-Сарая, бывшей столицы ханов Золотой орды»[250], который должен был появиться в «Полярной звезде» на 1825 г. и стать главным украшением альманаха. 15 сентября 1824 г. Бестужев и Рылеев отправили Воейкову письмо о разрыве отношений[251]. Кроме того, о перепечатках Воейкова Бестужев не преминул упомянуть во «Взгляде на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов»: «“Инвалид” наполнял свои листки и “Новости литературы” лежалою прозою и перепечатанными стихами»[252].

В ссылке, за тысячи километров от столицы положение Бестужева стало еще более уязвимым. 25 мая 1828 г. он сообщал сестре Елене неприятную новость: в «Невском альманахе на 1827 год» Е. В. Аладьиным был без подписи опубликован «Замок Эйзен»[253]. Под этим заглавием скрывалась повесть «Кровь за кровь», написанная для альманаха «Звездочка». К Аладьину текст попал, вероятно, через О. М. Сомова, у которого на руках остались корректурные листы повести[254].

Меньше чем через месяц Бестужев так же случайно узнал о выходе первой главы его стихотворной повести «Андрей, князь Переяславский». Гневу

---

[249] Юридически авторское право было закреплено в России лишь в положении о правах сочинителей, приложенном к Цензурному уставу 1828 г. Однако не согласованная с автором и наносящая ему финансовый ущерб перепечатка произведения вызывала естественное негодование. Примером может служить возмутившая Пушкина и его друзей перепечатка Е. Ольдекопом «Кавказского Пленника» в приложении к немецкому переводу поэмы. Фактически это являлось контрафакцией, но возможности юридически защитить свои права Пушкин был лишен.

[250] Новости литературы. 1823. Кн. 9. С. 1–24.

[251] См.: *Рылеев К. Ф.* Соч. Л., 1987. С. 309.

[252] *Бестужев-Марлинский А. А*. Соч. Т. 2. С. 410.

[253] См.: Памяти декабристов. Вып. 2. С. 201.

[254] См. комментарий В. И. Кулешова к рассказу «Кровь за кровь» (*Бестужев-Марлинский А. А.* Соч. Т. 1. 473).

автора не было предела:

> В газетах московских узнал я с немалым изумлением о появлении в свете стихотворной повести «Андрей, князь Переяславский». Прошу без замедления послать ее ко мне, и в то же время написать книгопродавцу Ширяеву вопрос, по какому праву он напечатал сию пьесу? Имеет ли он от сочинителя на то позволение, и если имеет, то кто выдает себя за автора оной? Я право не знаю, в каком веке мы живем? <...> Если это спекуляция, то она самая презрительная и вредная; если же услуга неудачных доброхотов, то к ней прекрасно применить стих Крылова: «Услужливый дурак опаснее врага».[255]

По всей видимости, Бестужев не знал, что в том же 1828 г. отрывок из его стихотворной повести вышел не только отдельным изданием, но и в составе альманаха А. И. Ивановского «Альбом северных муз» на 1828 г.

На этом история издания повести не закончилась. В 1830 г. в № 42 журнала С. Е. Раича «Галатея» появилась вторая глава «Андрея, князя Переяславского». В 1831 г. после того, как уже сам Бестужев выслал Н. А. Полевому пятую главу повести для публикации в «Московском телеграфе[256], те же отрывки были напечатаны Воейковым в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» за подписью Петрова из Енисейска[257]. Только в 1832 г., спустя пять лет после издания первой главы повести, Бестужев, опубликовав «апелляцию» и «Еще несколько слов его же <Александра Марлинского. – *А. П.*> к издателю “Московского телеграфа”»[258], смог восстановить справедливость и указать псевдоним настоящего автора повести.

Обеспокоенный стихийным изданием собственных текстов, Бестужев

---

[255] Письмо к сестре Елене от 10 июня 1828 г. (Памяти декабристов. Вып. 2. С. 205).

[256] См. письмо Бестужева к Полевому от 12 февраля 1831 г. (Русский вестник. 1861. № 3. С. 293–294). Глава была напечатана в 7-м и 9-м номерах «Московского телеграфа» за 1831 г.

[257] *Петров*. Отрывок из поэмы: Князь Андрей Переяславский // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1831. № 53, 4 июля. С. 412–413. Справедливости ради нужно отметить, что в оглавлении к «Прибавлениям» напротив отрывка из повести указаны инициалы Бестужева. Можно предположить, что замена имени автора была продиктована осторожностью Воейкова при публикации текста ссыльного декабриста. И. П. Петров (1803–1838) – красноярский поэт и прозаик, во второй половине 1820-х – первой половине 1830-х гг. печатавшийся в петербургских периодических изданиях; составитель «Енисейского альманаха на 1828 г.» (Красноярск, 1828).

[258] *Марлинский А.* Несколько слов от сочинителя повести: Андрей, князь Переяславский // Московский телеграф. 1832. Ч. 44. № 6. С. 293–300; Еще несколько слов его же к издателю «Московского телеграфа» // Там же. С. 300–301.

предпринимал достаточно активные попытки продать в журналы и альманахи свои стихотворения. Тексты, предназначенные к изданию, он присылал матери, сестре Елене Александровне и Елене Ивановне Булгариной, жене бывшего приятеля. Насколько можно судить по письмам, намерение осуществить эти публикации нужно рассматривать не только как желание вернуться на литературную арену, но и как попытку срочно поправить финансовое положение. Для Бестужева было совершенно не принципиально, появятся ли его тексты, разбросанные по журналам и альманахам, с подписью или без нее (после запрета на издание собрания сочинений было ясно, что публиковать стихотворения анонимно значительно проще). Гораздо важнее был для писателя гонорар, размер которого им каждый раз тщательно оговаривался. Так, 25 января 1829 г. Бестужев, выслав сестре Елене стихотворения «Алине» и «Финляндия», сопроводил их следующей инструкцией:

> При сем письме прилагаю два стихотворения <...> Имени подписывать ненадобно. Пусть лучше стихи дадут имя автору, а не имя будет служить вывескою для стихов. С будущей почтой пошлю еще кой-что и остановлюсь до вашего ответа. Цена обоим вместе 200 руб. Не любо – не бери.[259]

Надо сказать, что тексты Бестужева были не только востребованы – за них готовы были платить большие деньги. Елена Бестужева 31 мая 1829 г. писала о своем разговоре с издателем «Невского альманаха»:

> ...спросила у взявшего твой «Тост» и «Череп» г-на Аладьина, во что бы он ценил твой лист оригинальной прозы, на что он отвечал, что с охотою даст сто пятьдесят рублей.[260]

Гонорар, предлагаемый Аладьиным, был по меркам конца 1820-х гг. баснословным (впрочем, буквально через несколько лет Бестужев, уже Марлинский, потребовал от А. Ф. Смирдина 500 рублей за лист[261]). Например,

---

[259] Памяти декабристов. Вып. 2. С. 218. Впервые эти стихотворения были без подписи опубликованы в «Сыне отечества и Северном архиве» (1829. Т. 3. № 20. С. 373–374; т. 4. № 21. С. 47–48).
[260] Там же. С. 225.
[261] См. письма к брату Павлу от 23 ноября 1833 г. и 1 марта 1834 г. (Отечественные записки. 1860. № 6. С. 329, 341).

авторам «Полярной звезды» выплачивался гонорар в 100 рублей за лист[262]. Несколько позднее, в 1828 г., М. П. Погодин обещал участникам «Московского вестника» 100 рублей за один печатный лист оригинальной прозы – правда, при условии продажи всего тиража журнала (как вскоре стало понятно, журнал раскупался не очень охотно, в связи с чем уменьшилось и денежное вознаграждение за публикуемые материалы[263]). Но, по всей видимости, организованная подобным образом продажа произведений казалась Бестужеву недостаточно выгодной – ведь еще недавно они с Рылеевым получали 1500–2000 ассигнациями чистой прибыли за продажу «Полярной звезды»[264].

Несмотря на «некоторую опытность в этом роде издания», о которой Бестужев писал Елене Александровне, он наверняка понимал, что в своем начинании шел на известный риск. Безусловно, в свое время окрыленный беспрецедентным успехом «Полярной звезды», он должен был осознавать, что этот успех обусловлен не только его и Рылеева талантами. Во-первых, в 1823 г. это был единственный отечественный альманах; «Мнемозина» и «Северные цветы» воспринимались уже как «подражания», несмотря на то, что вышли практически сразу вслед за «Полярной звездой». Показательна реплика самого Бестужева, оброненная им во «Взгляде на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов»: «Пример “Полярной звезды” породил множество подражаний»; за ней следуют доброжелательный, но несколько снисходительный разбор «Мнемозины» и «Северных цветов» и лаконичное «нелестный попутчик для других альманахов», брошенное в сторону издания Аладьина[265]. Во-вторых, коммерческим успехом альманаха издатели были

---

[262] См.: *Рейтблат А. И.* Литературный гонорар в России XIX – начала XX в. // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX в.: Сб. науч. тр. Вып. 3: Книга в контексте общественного и культурного развития. Л., 1988. С. 132.

[263] См.: *Гессен С. Я.* Книгоиздатель Александр Пушкин: Литературные доходы Пушкина. М., 1987. С. 78.

[264] См.: *Оболенский Е. П.* Воспоминания о Кондратии Рылееве // Мемуары декабристов: Северное общество. М., 1981. С. 85.

[265] *Бестужев-Марлинский А. А.* Соч. Т. 2. С. 409–410. В письме к Я. Н. Толстому от 3 марта 1824 г. Бестужев отозвался о «Мнемозине» и «Северных цветах» еще более резко: «Наконец, Кюхельбекер издает альманах в 4 томах под заглавием “Мнемозина”, он еще не показался, а

обязаны во многом, если не в первую очередь, его участникам, лучшим литераторам того времени, одни имена которых гарантировали успешную продажу «Полярной звезды».

Но в 1829 г., когда «альманашный» рынок был заполнен (если не переполнен)[266], а ведущие позиции были прочно заняты «Северными цветами», главным конкурентом закрывшейся «Полярной звезды», всерьез рассчитывать на успех анонимного авторского альманаха было несколько опрометчиво.

Тем не менее Бестужев от своего плана не отказался – и вскоре прислал матери и сестре Елене, которым приходилось вести переговоры с издателями и книгопродавцами, письма, где чрезвычайно подробно описал финансовую сторону своего проекта. По этим письмам еще более очевидными становятся, с одной стороны, понятное желание Бестужева как можно скорее и выгоднее продать тираж, с другой – его самоуверенность.

В письме к Елене Александровне от 9 марта 1829 г. Бестужев дал сестре следующие наставления:

> Полагая, что ты уже получила мое предыдущее письмо и вложенные в него два стихотворения – пишу задним числом указания о них. Так как никто не обязан делать ничего из-за ничего, предложи тому, кто возьмет, пятую часть экземпляров или пятую часть чистой прибыли. Если это его не устроит, дай четвертую часть. Это более, чем достаточно. Если это осуществится, нужно отпечатать 2000 экземпляров на петергофской бумаге, в формате, подобном «<Полярной> Звезде», без роскоши, но тщательно. Не трудись переплетать – это дело книгопродавцев.[267]

Два месяца спустя, 9 мая того же года, немного измененную инструкцию Бестужев отправил и матери:

> Вы, конечно, уже получили письма, в коих я толковал о предполагаемом мною издании, и потому повторяю просьбу мою, чтобы распорядиться насчет приемки тетрадей и отсылки их в цензуру, чтобы это могло выйти в свет своевременно <...> О корректуре особенно прошу позаботиться,

---

г-н Сленин и Дельвиг издают на 25 год ”Северные цветы”, точно то же, что наша “Звезда”: это спекуляция промышленности. Им завидно, что в три недели мы продали 1500 экземпляров, – посмотрим удачи!..» (Русская старина. 1889. Т. 63–64. Вып. 11. С. 376).

[266] В 1828 г. в Москве и Петербурге вышло 9 различных альманахов; в следующем году их количество увеличилось до 12-ти (см.: *Смирнов-Сокольский Н. П.* Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв. С. 129–150).

[267] Памяти декабристов. Вып. 2. С. 222–223.

> наиболее в сличении с моим писанным текстом; имея свои особые странности в слоге и правописании, не хочу надевать чужих обносков, по пословице: «хоть худо, да свое». На всякий случай, – хоть это и сходно будет с охотником, продающим шкуру не убитого медведя, – вот наставление как обходиться с нацией книгопродавцев: кто берет *заранее 300* экземпляров на чистые деньги, сбросить 30 процентов с рубля с публичной цены (она назначится мною позже), кто 200, – уступить 25 процентов, кто менее – 20; за комиссию (что делать не ранее как по истечении месяца по выходе) давать 15 процентов. Кредит можно делать только Сленину и Смирдину, и по их поручительству. Да кроме того, во избежание лишней припечатки экземпляров, заглавный лист напечатать в другой типографии.[268]

Первое, что обращает на себя внимание – это очень большой для того времени тираж, 2000 экземпляров против стандартного 1200. Если говорить о «Полярной звезде», то первоначально ее тираж составлял общепринятые 1200 экземпляров[269] – но, вдохновленные успехом, в следующем году издатели напечатали уже 1500[270]. Однако если обратиться к материалам Цензурного комитета, можно убедиться в том, что часто тираж выпускавшихся в 1829 г. текстов не превышал и нескольких сотен экземпляров[271]. В связи с этим вспоминается история одной неудачи П. А. Плетнева как комиссионера А. С. Пушкина. Воодушевленный успехом «Кавказского пленника», в 1826 г. он решил пойти на немалый риск, попытавшись продать двойной тираж первой главы «Евгения Онегина». Но риск себя не оправдал: с 15 февраля по 1 августа из 2400 отпечатанных экземпляров было раскуплено только 1096. К концу 1826 г. даже несмотря на подоспевшую вторую главу романа и всевозможные ухищрения Плетнева в конце 1826 г. нераспроданными остались 750 экземпляров[272]. Таким образом, желание Бестужева быстро поправить свое положение за счет продажи 2000 экземпляров альманаха кажется

---

[268] Русский вестник. 1870. № 5. С. 261–262.
[269] См. письмо Бестужева к Войдзевичам от 13 февраля 1823 г. (РГАЛИ. Ф. 71 (Бестужев А. А.). Оп. 1. Ед. хр. 6).
[270] См. письмо Бестужева к Я. Н. Толстому от 3 марта 1824 г.: Русская старина. 1889. Т. 63–64. Вып. 11. С. 376.
[271] Прошения разных лиц о разрешении издания представленных ими рукописей и книг. Ч. 1–3 (РГИА. Ф. 777 (Петроградский комитет по делам печати (Петербургский цензурный комитет) МВД). Оп. 1 (1804–1849 гг.). Д. 770–772).
[272] См.: *Гессен С. Я.* Книгоиздатель Александр Пушкин. С. 70–72.

сомнительным, если не наивным.

К сожалению, из писем нам неизвестна запланированная розничная цена. Средняя стоимость альманаха в это время составляла около 10–12 рублей (в случае пересылки цена за издание увеличивалась); книжки «Полярной звезды» стоили 10–15 рублей – сумма по тем временам большая. Вполне вероятно, что Бестужев мог несколько снизить цену – с учетом, например, отсутствия красочного оформления или громких имен, – но предложенная им сложная система скидок была для книгопродавцев выгоднее общепринятой[273], поэтому если некоторое снижение цены за альманах и предполагалось, то наверняка не очень ощутимое.

Впрочем, и намеченная система скидок демонстрирует некоторый просчет Бестужева. Судя по всему, он исходил из того, что книгопродавцы будут закупать альманах достаточно большими партиями, по 200–300 экземпляров – однако такие крупные закупки в 1820-е гг. были скорее исключением из правил. Например, то, что московский книгопродавец Ширяев приобрел 200 экземпляров второго издания «Кавказского пленника», было не чем-то само собой разумеющимся, а своеобразным подтверждением коммерческого успеха издания[274]. Даже в 1830-е гг., несмотря на увеличение книгооборота и расширение читательской аудитории, гораздо более распространенной практикой оставалась покупка всего лишь 10–25 экземпляров, причем изданий, коммерчески успешных:

> В 30-х годах выход какого-либо нового романа, особенно Загоскина, или какой-нибудь другой книги, составляла эпоху. На приобретение этих новостей в достаточном количестве экземпляров все тогдашние

[273] Ср. письмо П. А. Плетнева к Пушкину от 27 февраля 1826 г.: «При продаже нынешней я руководствовался формою, которая изобретена была Гнедичем, по случаю продажи стихотворений Батюшкова и Жуковского. Вот она: 1) Покупщику, требующему менее 50 экз<емпляров>, нет уступки ни одного процента. 2) Кто берет на чистые деньги 50 экз<емпляров>, уступает ему 10 проц <ентов> 3) Кто 100 экз<емпляров>, уступается 15 проц<ентов>. 4) Кто 300 экз<емпляров>, уступается 20 проц<ентов> 5) Кто 500 экз<емпляров>, уступается 25 проц<ентов> 6). Кто 1000 экз<емпляров>, уступается 30 проц<ентов>. К нашему благополучию книгопродавцы наши так еще бедны или нерасчетливы, что из последних двух статей никто не явился, и все покупали по 4-й статье» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 263).

[274] См.: *Гессен С. Я.* Книгоиздатель Александр Пушкин. С. 46.

> книгопродавцы, кроме Смирдина, были скупы, в особенности для московских изданий: которой книги надо было выписать 200 экз., ее выпишут 10–25 экз., и держат под прилавком…[275]

Обращает на себя внимание и предложенный Бестужевым процент комиссионной уступки. Известно, что в среднем эта уступка равнялась 20%[276]. Изначально Бестужев советовал сестре договориться с комиссионером о 20–25% выплаты, что скорее соответствовало общепринятой практике и даже чуть превышало средний процент. Однако уже через месяц Бестужев пересматривает свою политику – и в письме к матери говорит о комиссии ниже среднего, в 15%, что, с одной стороны, как будто бы повышало выручку самого автора, но с другой, могло неблагоприятным образом сказаться на продажах: в случае отсутствия ажиотажа комиссионер, согласившийся работать за скромные проценты, вряд ли мог без ущерба для себя ощутимо снизить розничную цену издания.

Более того, Бестужев, по-видимому, надеялся и вовсе обойтись без услуг комиссионера, как было в случае с изданием второй и третьей книги «Полярной звезды» – правда, стоит напомнить, что этот опыт не вполне себя оправдал и вскоре лег тяжелой финансовой ношей на плечи издателей, в первую очередь Рылеева[277].

Несмотря на интерес к литературным новинкам, действительное положение на книжном рынке и то, насколько уместным был бы его собственный проект, Бестужев, находившийся в вынужденной изоляции, очевидно представлял себе плохо.

Трудно предположить, чем бы закончилась для Бестужева его предприятие – но, пожалуй, к счастью для самого писателя проект приостановится уже на этапе переговоров с издателями. Взявшая на себя все

---

[275] *Овсянников Н. Г.* Воспоминания старого книгопродавца о Петербургской книжной торговле за пятидесятилетие до 1870 // Материалы для истории русской книжной торговли. СПб, 1879. С. 8.

[276] См.: *Гессен С. Я.* Книгоиздатель Александр Пушкин. С. 22.

[277] См.: *Готовцева А. Г.* К финансовой истории альманаха К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева «Полярная звезда». С. 12.

хлопоты Елена Александровна 31 мая 1829 г. писала о своих попытках согласовать издание и продажу альманаха – и открыто заявила о нецелесообразности проекта. Она сообщала, что продажа отдельных текстов для публикации в альманахах и журналах кажется ей менее подверженной хлопотам и издержкам, чем задуманное братом издание:

> …по желанию твоему понаведовавшись у известного тебе книгопродавца С. противу ожидания моего вместо 5-й или 4-й доли, что мне прежде казалось большим для тебя ущербом, сказали, что со всеми издержками готовы трудиться за половину выгод, уверяя, что сие составит ту же 4-ю часть, что признаюсь для меня не слишком понятно.[278]

Смысл фразы, так смутившей Елену Александровны, довольно прозрачен: книгопродавец, очевидно, усомнившись в коммерческом успехе затеянного Бестужевым предприятия, предположил, что из всего тиража удастся продать в лучшем случае половину. К слову, именно эта реакция позволяет думать, что «книгопродавец С.» – скорее всего, комиссионер Иван Васильевич Слёнин. В письме к матери Бестужев советовал, кроме Слёнина, обратиться еще и к А. Ф. Смирдину, – однако осторожный ответ, данный Елене Александровне, вряд ли мог принадлежать последнему. Смирдин, расцвет деятельности которого пришелся на 1830-е гг., в 1829 г. согласился издать роман Бургарина «Иван Выжигин» тиражом в 2 тысячи экземпляров. Этот жест был вполне продуманной стратегией, основанной не только на прогнозируемой популярности издания[279]: как уже было отмечено в научной литературе[280], увеличение тиража, позволявшее снизить цену за издание и сделать его более доступным, было одной из стратегий Смирдина как успешного книгопродавца.

Кроме того, скорее о Слёнине, давнем знакомце Бестужева, издателе его «Поездки в Ревель», комиссионере журнала «Соревнователь просвещения и благотворения» и первой книги «Полярной звезды», Елена Александровна

---

[278] Памяти декабристов. Вып. 2. С. 225.

[279] Прогноз полностью подтвердился: увеличенного тиража оказалось недостаточно – и за выходом «Ивана Выжигина» последовали два переиздания (см.: *Рейтблат А. И.* Булгарин и его читатели // Рейтбат А. И. Фаддей Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. М., 2016. С. 111).

[280] См.: *Гриц Т. С., Никитин М. М., Тренин В.В.* Словесность и коммерция. С. 193.

могла написать брату как «об известном» ему «книгопродавце»: со Смирдиным Бестужев, кажется, не был знаком и в 1829 г. не состоял с ним в личной переписке.

На письме Елены Александровны история альманаха обрывается; в сохранившихся письмах самого Бестужева тоже больше не встречается упоминаний этого проекта. Возможно, причиной тому послужил перевод на Кавказ, состоявшийся почти сразу же после получения письма от сестры[281] – и на смену скучной, но размеренной жизни в Якутске пришла полная мытарств жизнь военная. Возможно и другое: Бестужев мог сам осознать бесперспективность затеянного им предприятия.

§ 2. Эстетическая позиция Бестужева второй половины 1820-х гг.

Какие тексты должны были входить в «якутский» альманах, не вполне ясно; по большому счету единственное, с чем мы имеем дело, – достаточно общие и пространные суждения, разбросанные по письмам первой половины 1829 г. Но назвать эти суждения совсем не информативными, пожалуй, нельзя: по ним видно, что в течение этого времени несколько менялся общий идейный замысел издания.

Напомним, что 9 марта 1829 г. Бестужев отправил Елене Александровне письмо, уточняя, помимо всего прочего, содержание будущего альманаха, о котором писал в конце февраля. Если первоначально Бестужев, несмотря на свою изолированность, считал нужным подготовить для нового издания «критические взгляды», то спустя буквально две недели решил то ли предварить будущий разбор развернутой теоретической преамбулой, то ли и вовсе отказаться от критического обзора и заменить его статьей, посвященной проблемам эстетики: «Я недавно написал рассуждение о романтизме, которое

[281] Памяти декабристов. Вып. 2. С. 226.

думаю предпослать к книге»[282].

Об этой же статье Бестужев сообщил – гораздо более пространно, но ничего не говоря о проекте альманаха – и в письме к братьям Николаю и Михаилу, датированном тем же 9 марта:

> Иногда я осмеливаюсь писать, но (только) прозою теперь, направляя свое письмо на романтизм и, кажется, нашел на моих усах северо-западный проход, разделяющих два материка, классиков и романтиков. Конечно, я никогда не стану уверять, чтобы я был изобретателем чего-нибудь подобного; но, по крайней мере, я очень доволен, что распутал этот хаос для своей собственной пользы. Прежде я шел ощупью. Мое суждение висело на воздухе, как гроб Магомета, и (по народному преданию) малейшее дыхание, пропитанное чесноком, низвергало его с воздушного местопребывания.[283]

Нетрудно понять, что речь идет о незаконченной или целиком до нас не дошедшей статье, получившей впоследствии редакторское заглавие «<О романтизме>», один из пассажей которой («Мало-помалу туман, скрывающий границу между классическим и романтическим, рассеивается»[284]) почти повторяет реплику из процитированного выше письма к братьям.

Несмотря на то, что содержание писем позволяет однозначно отнести время работы над статьей к концу февраля – началу марта 1829 г., в научной литературе, посвященной этому тексту, часто встречается неверная датировка. Так, в 1951 г. С. Я. Штрайх, опубликовавший статью по рукописи, хранящейся в ЦГИА, датировал текст 1826 г.[285] – и досадная ошибка прочно закрепилась. Несмотря на то, что уже в 1954 г. М. К. Азадовский опроверг эту датировку и, сославшись на упомянутые письма Бестужева к родным, обоснованно указал на 1829 г.[286], в некоторых научных работах по-прежнему фигурировал 1826 г. [287]. В 1978 г. Л. Г. Фризман, сославшись на Азадовского, повторно указал на 1829 г.

---

[282] Там же. С. 223.
[283] Русский вестник. 1870. № 5. С. 252.
[284] Литературно-критические работы декабристов. С. 82.
[285] Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 481–484.
[286] См.: *Азадовский М. К.* Затерянные и утраченные произведения декабристов: Историко-библиографический обзор // Литературное наследство. Т. 59. М., 1954. С. 724.
[287] См.: *Пульхритудова Е. М.* Литературная теория декабристского романтизма в 30-е годы XIX в. С. 250.

как на время написания статьи[288]. Но и замечание Фризмана оказалось без внимания. В двухтомнике Бестужева 1981 г. в комментарии В. И. Кулешова к статье сказано: «Время написания неизвестно. В архивных материалах есть пометка: 1826 год. На чем она основана и кому принадлежит – неизвестно. Возможно, что отрывок был написан значительно позднее, когда Бестужев работал над статьею о романе Полевого»[289].

При жизни Бестужева статья опубликована не была и появилась в печати только в 1839 г. на страницах альманаха Н. В. Кукольника «Новогодник»[290]. Оторванная от времени и контекста, в котором она создавалась, эта статья вызвала у первых читателей лишь недоумение. Весьма однозначно отозвался о ней Белинский в рецензии на альманах, подготовленной для № 4 журнала «Московский наблюдатель»:

> В этом небольшом отрывке – истинное вавилонское смешение понятий, мыслей, бессмыслия, бессмыслицы, слов. Тут борьба Лагарпа и Баттё с «Московским телеграфом», прошлого века с двадцатыми годами настоящего; тут перемешаны понятия об искусстве с понятиями о нравственности, парадоксальные суждения о произведениях искусства с азбучными правилами о прилежании и благонравии; анализ и синтез красуются с треугольником истины, блага и красоты; детские мысли борются с претензиями на гениальность в мышлении… Стоило ли все это быть напечатанным?..[291]

Статья действительно представляет собой несколько сумбурный конспект, составленный из общих мест эстетических концепций конца XVIII – первой четверти XIX в., связанных со спорами о романтизме и классицизме (что, впрочем, и сам Бестужев, утверждавший, что он не был «изобретателем чего-нибудь подобного», признавал).

Теоретические рассуждения Бестужева посвящены критике принципа подражания природе:

---

[288] Литературно-критические работы декабристов. С. 314.

[289] *Бестужев-Марлинский А. А.* Соч. Т. 2. С. 579. Статья о романе Полевого – «“Клятва при гробе господнем. Русская быль XV века”. Сочинения Н. Полевого. М., 1832».

[290] Новогодник, собрание сочинений в прозе и стихах современных русских писателей. СПб., 1839. С. 337–341. При публикации был выпущен последний абзац, что могло создать иллюзию завершенности текста.

[291] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 3. С. 148.

> Поэзия, объемля всю природу, не подражает ей, но только ее средствами облекает идеалы своего оригинального, творческого духа <...> там, где нет творчества, – нет поэзии, и вот почему науки описательные, точные, и вообще всякое подражание природе и произведениям людей <...> не входят в очаровательный круг прекрасного.[292]

Этот тезис действительно полемичен по отношению к одному из главных положений эстетики Ш. Баттё, который в труде «Cours de belles-lettres ou Principes de la littérature» («Курс изящной словесности, или Принципы литературы», 1748) назвал подражание природе основополагающим принципом искусства. Это положение стало важнейшим предметом тех эстетических споров, которые, казалось, к концу 1820-х гг. уже были исчерпаны[293]. Но письма Бестужева показывают, что в период, близкий ко времени замысла альманаха, проблема соотношения классицизма и романтизма сильно занимала его.

В течение 1828 г. Бестужев регулярно делился с близкими разного рода наблюдениями и замечаниями, многие из которых в дальнейшем отразятся в статье «<О романтизме>». Так, в письме к Елене Ивановне Булгариной, отправленном, предположительно, в феврале 1829 г.[294], он с сожалением отмечал:

> Розовое масло французов еще по сию пору предпочитают дыханию живых роз; еще по сию пору уверяют все, что грек пищит лучше по-поросячьи, чем сам поросенок; а время идет вперед гигантскими шагами, и это поколение устареет в ребячестве <...> Теперь уже не время равняться в косу Екатерининских времен, теперь должно пристроиваться плечом к веку.[295]

---

[292] Литературно-критические работы декабристов. С. 81.

[293] О спорах классиков и романтиков в русской критике 1820-х гг. см.: *Замотин И. И.* Романтизм двадцатых годов XIX столетия в русской литературе. Т. 1. С. 74–171.

[294] При публикации (*Прохоров Г. В.* А. А. Бестужев в Якутске. С. 202, 206–207) это письмо было ошибочно датировано 10 июня 1828 г. В архиве Бестужевых, находящемся в РО ИРЛИ, действительно хранится письмо к Булгариной от 10 июня 1828 г. (Ф. 604. Ед. хр. 27. Л. 1 – 1об.), но содержание его совершенно иное. Оригинал цитируемого письма к ней пока найти не удалось, но можно предположить, что оно было на отдельном листе прислано вместе с письмами к матери и сестрам и поэтому дата на нем Бестужевым проставлена не была. В машинописи собрания сочинений Бестужева, подготовленного Прохоровым, письмо датируется 25 февраля 1829 г. [см.: ОР РНБ. Ф. 69 (Бестужевы). Ед. хр. 35. Л. 252]; предположительная датировка устанавливается по упоминанию стихотворения «Череп» и статьи «<О романтизме>».

[295] *Прохоров Г. В.* А. А. Бестужев в Якутске. С. 206–207.

Очевидно, что ироничные оппозиции «розового масла французов» «живой розе», а «пищания» грека «пищанию» поросенка (ср. в статье «<О романтизме>»: «Подражание мяуканью может быть весьма точно, но какова цель его?»[296]) возникли в связи с размышлениями все над тем же классицистическим принципом подражания природе.

Определить, какие именно философские и эстетические трактаты того времени легли в основу статьи Бестужева, безусловно, достаточно трудно. Споры о классицизме и романтизме с начала 1820-х гг. велись настолько активно, что человек, принадлежащий к литературным кругам, просто не мог остаться неосведомленным в этой области. В то же время Бестужев, человек очень увлеченный и увлекающийся, но не отличавшийся ученостью в точном смысле этого слова, вряд ли обращался непосредственно к философским и эстетическим трудам. Письма Бестужева или воспоминания – его и о нем – это подтверждают, и потому, например, трудно согласиться с Г. В. Прохоровым, который утверждал, что в Якутске Бестужев читал труды Шиллера по эстетике[297].

Тем не менее можно назвать некоторые тексты, положения которых близки статье «<О романтизме>» и с которыми ее автор был, безусловно, знаком. Так, Бестужев говорит о двух средствах познания истины – опыте и воображении. В основе первого лежит чувственное познание мира, которое в силу своей ограниченности к истине нас только приближает – в отличие от воображения, которое не знает границ. С похожей оппозицией Бестужев мог столкнуться при знакомстве со статьей «О способах исследования природы» (подпись: π. π.), появившейся в 1824 г. на страницах «Мнемозины»[298] – альманаха, ему хорошо известного. Автор этой статьи, смотря на мир сквозь призму философии Платона, противопоставляет познание эмпирическое и умозрительное. Первое через чувственный опыт описывает внешнюю сторону

[296] Литературно-критические работы декабристов. С. 82.
[297] См.: *Прохоров Г. В*. А. А. Бестужев-Марлинский в Якутске. С. 190.
[298] Мнемозина. М., 1824. Ч. 2. С. 1–34.

природы, которая предстает перед таким наблюдателем как череда случайностей. Умозрение же, обращенное к идеальному, помогает увидеть в этом беспорядке высшие законы, которые незримо упорядочивают природный хаос и придают ему внутренний смысл:

> Аналитически или эмпирически исследующие природу утверждаются на опыте; опытность предметом может иметь только то, что подлежит чувствам; чувствам подлежит только внешнее в каждом виде существования (phoenomenon), а сие есть только случайное, несущественное в природе; сим путем следуя, т. е. путем опытности, можно дойти только до понятия о случайном; но случайным управляет нечто постоянное, это есть идеальное; а идеальное не подлежит опытам <...> для эмпирика природа – груда материи, которую он силится разложить и описать; для умозрителя она есть гиероглиф, начертанный Высочайшею мудростию, которого он силится постигнуть значение.[299]

Но в отличие от текста Бестужева, в статье «О способах исследования природы» не ставятся проблемы эстетические. Из этого вытекает и другое отличие, как кажется, даже более важное: π. π., апеллируя к законам логики, утверждает, что познание невозможно без взаимодействия опыта и умозрения; Бестужев, проецируя размышления о путях достижения истины на разговор о природе творчества, декларирует преимущество воображения перед чувственным опытом.

Еще Л. Г. Фризман заметил[300], что бестужевское противопоставление «отражательности» и «идеальности» близко к рассуждению Н.-Л.-М. Арто (Nicolas-Louis-Marie Artaud) об «описательном» и «мечтательном» роде поэзии из статьи «Essai littéraire sur le génie poétique au XIX siècle» («Литературное эссе о поэтическом гении в XIX веке» – *фр.*), опубликованной на страницах французского журнала «Revue Encyclopédique»[301] и почти сразу же переведенной Бестужевым под заглавием «О духе поэзии XIX века»[302].

Сопоставляя перевод Бестужева и его оригинальную статью 1829 г., Фризман говорит, что ко времени работы над ней несколько изменилось

---

[299] Там же. С. 19, 30.
[300] См.: Литературно-критические работы декабристов. С. 349.
[301] Revue Encyclopédique. 1825. T. 25. P. 601–619.
[302] *А. Б.* О духе поэзии XIX века // Сын отечества. 1825. Ч. 102. № 15. С. 276–288.

отношение писателя к «отражательности»: «Он считает ее законным и по-своему нужным видом искусства, хотя и не отводит ей главенствующей роли, которая принадлежит “идеальности”»[303]. Это утверждение не совсем точно. Как в переводе из Арто[304], так и в оригинальной статье Бестужева вполне однозначно критикуется классицистическое подражание природе.

Что же касается соотношения «мечтательного» и «идеального», то, кажется, Арто и Бестужев, говоря примерно об одном и том же, несколько по-разному расставляют акценты. По мнению обоих авторов, ведущую роль для поэта играет воображение. Но Арто считает, что оно помогает художнику выразить страсти и движения души – и тем самым оживить «отраженные» образы. Между тем, с точки зрения Бестужева, воображение служит главным образом для создания иной, совершенной действительности, недоступной чувственному, эмпирическому познанию:

«О духе поэзии XIX века»	«<О романтизме>»
«...способность отражать подобно верному зеркалу, впечатления чувственного мира и видеть в них символы страстей душевных, находить для выражения мыслей и чувств наших обороты самые живые, картины самые прозрачные, – есть воображение; оно цветит и одушевляет все, до чего не коснется, оно дает сущность понятиям самым отвлеченным, чувствованиям самым тонким <...> Что наиболее отличает мечтательную поэзию <...> так это ее личность, то есть выражение личных положений и ощущений автора <...> Его творения есть история его сердца, его сомнений, его страхов, его надежд».[305].	«...творческое воображение далеко опередило опыт, не имея никаких данных <...> убедилось в беспредельности миров за границею зрения и бессмертия духа, непостижимого чувствам <...> Поэзия <...> создает свой условный мир, свое образцовой человечество, и каждый шаг к собственному усовершенствованию открывает ей новый горизонт идеального совершенства».[306]

Кроме того, в статье «<О романтизме>» в пассаже, посвященном

[303] Литературно-критические работы декабристов. С. 315; примеч. Л. Г. Фризмана.
[304] Ср.: «В недавнем еще времени люди <...> вздумали открыть в природе новый клад поэзии. Они схватились за предметы наружные, описали преточно их приметы и вид – и вот появился у нас род поэзии описательный. Что сказать об этом роде поэзии <...>, где сочинитель <...> рассматривает цветок, деревце, птичку только из удовольствия описать их?» (Литературно-критические работы декабристов. С. 297).
[305] Там же. С. 294, 298–299
[306] Там же. С. 80, 81.

противопоставлению классицизма и романтизма, высказана, как кажется, очень важная для Бестужева мысль о соотношении формы и содержания:

> Всегда ли же беспредельная мысль может вместиться в известные пределы выражения? Конечно, нет. При этом представляются три случая: или выражение превзойдет мысль, и тогда следствием того будет смешная надутость <...> или мысль найдет в себе равносильное выражение, и тогда чем совершеннее будет союз их, тем прекраснее, тем ощутительнее окажется достоинство обеих. Простота и единство суть отличительные качества подобного выражения. Вид этот я назову отражательностию <...> или, наконец, мысль огромностию своею превысит объем выражения <...> Неясность и многосторонность должны быть спутниками такого слияния бесконечного с конечным <...> Назовем его идеальностию, потому что идея или мысль превышает здесь свое выражение.[307]

Если обратиться к языку семиотики, можно сказать, что для Бестужева романтическим является искусство, в котором план содержания оказывается шире плана выражения, – в отличие классицизма, в котором эти планы «равносильны». В переводе из Арто такого тезиса нет. Но о соотношении формы и содержании в романтизме и классицизме прямо говорится в одной из публикаций «Московского телеграфа» – издания, безусловно, Бестужеву знакомого и, что важно, доступного ему в ссылке[308]. Речь идет об опубликованной в 1828 г. статье «Классицизм и романтизм (соч. А. Пинкета)»[309], отдельные положения которой Бестужев практически цитирует:

> …все возможные различия представляются в трех видах: или идея превышает форму, или обе они находятся в равном отношении и, так сказать, в равновесии, или, наконец, форма превышает идею <…> Когда идея не превышает сферы видимого мира, тогда легко находит она для себя выражение в форме, ее облекающей <…> Искусственные произведения, будучи следствием сего первоначального отношения, представляют совершенное соединение, и чем сия связь совершеннее, тем более искусственное произведение приближается к степени изящества <…> Существенные характеры сего рода изящного суть *единство* и *простота* <…> Но когда идея, оставляя мир вещественный, стремится к бесконечному, тогда представляется новая задача, неразрешимая по своей сущности, ибо, каким образом форма, всегда необходимо ограниченная, в состоянии выразить то, что отвергает всякое ограничение? Каким образом *конечное* будет служить облачением, изображением для *бесконечного*?

---

[307] Там же. С. 80–81.

[308] См., например, письмо к сестре Елене от 25 мая 1828 г., в котором Бестужев делится своими впечатлениями от книжных новинок («Телеграф поправляется») – Памяти декабристов. Вып. 2. С. 202).

[309] Московский телеграф. 1828. Ч. 23. № 17. С. 3–35. Пер. с фр. И. Б-н.

> Между тем сему чудесному явлению следует совершиться, и бесконечному сделаться видимым, ощутительным <…> Несмотря на объемность формы, на все богатство ее преобразований, бесконечное всегда превышает, и идея не находит для себя удовлетворительного выражения <…> Таким образом, обозрением сущности обоих родов, хотя весьма несовершенно, мы обозначаем отличительные свойства изящества классического и романтического.[310]

Эстетические взгляды Бестужева нашли свое отражение и в полемике вокруг «Евгения Онегина». Известно, что к пушкинскому роману Бестужев относился без особых симпатий – и его неудовольствие с появлением новых глав только усиливалось. В 1825 г. после выхода первой главы Бестужев вступил с Пушкиным с переписку по поводу этого текста. Сохранившееся письмо от 9 марта 1825 г., судя по реплике «Ты очень искусно отбиваешь возражения насчет предмета...», было не первым, посвященным спору вокруг «Евгения Онегина». В пространном рассуждении Бестужева обращает на себя внимание укор за недостаточную поэтичность романа и его «бессодержательность»:

> Нет, Пушкин, никогда не соглашусь, что поэма заключаются в предмете, а не в исполнении! Что свет можно описывать в поэтических формах, это несомненно; но дал ли ты «Онегину» поэтические формы, кроме стихов? Поставил ты его в контраст со светом, чтоб в резком злословии показать его резкие черты? <...> Конечно, многие картины прелестны; но они неполны, ты схватил петербургский свет, но не проник в него. Прочти Бейрона <...> У него даже притворное пустословие скрывает в себе замечания философские, а про сатиру и говорить нечего. Я не знаю человека, который лучше его, портретнее его очеркивал характеры, схватывал в них новые проблески страстей и страстишек. И как зла, как свежа его сатира! Не думай, однако ж, что мне не нравится твой «Онегин», напротив. Вся ее мечтательная часть прелестна, но в этой части я не вижу уже «Онегина», а только тебя.[311]

---

[310] Там же. С. 23–25. Похожая мысль – с отсылкой к эстетике братьев Шлегелей – вскользь прозвучала и в анонимном переводе статьи «О драматической литературе новых народов» барона Экштейна, опубликованной годом позже на страницах все того «Московского телеграфа» (1829. Ч. 27. № 9): «В искусстве древних преимуществует форма. Благородство, идеальность, чистота формы, совершенство красоты, согласие частей, способствующее общности создания: вот к чему особенно стремились они. Напротив в искусстве новых господствует душа. Их искусство, как религия, от которой оно происходит, стремится к бесконечному, не ограничиваясь конечным эллинского язычества; в нем все живописно; можно было бы сказать, что оно стремится выразить невыразимое» (С. 5).

[311] *Бестужев-Марлинский А. А*. Соч. Т. 2. С. 482–483.

Кроме сетований Бестужева на недостаток сатиры в описании петербургского света (того, что он, видимо, ценил, в «Горе от ума» А. С. Грибоедова[312]), в письме есть и претензии, как кажется, близкие положениям Арто. Так, упреки Бестужева «картины прелестны <...> но неполны» и пример Байрона как писателя, который смог «схватить <...> проблески страстей и страстишек» созвучны пассажу из бестужевского перевода: «Но поэзия не вся в картинах. Больше всего она живет страстями и сильными движениями»[313].

Следил Бестужев за «Евгением Онегиным» и в ссылке – но мнения своего не изменил: наоборот, его оценки стали еще категоричнее. В письме к братьям Николаю и Михаилу от 25 декабря 1828 г. Бестужев язвил:

> Я не мучаю строфами своими даже диких уток, как это делает Пушкин, который, мимоходом сказать, ведет своего “Онегина” чем далее, тем хуже. В 3-х последних главах не найти и полдюжины поэтических строф. Стихи игривы, но обременены пустяками.[314]

Если продолжить сопоставление положений, выдвинутых в письме к Пушкину от 9 марта 1825 г. и в статье «О духе поэзии XIX века», то «Евгений Онегин», уже в первой главе которого Пушкин изобразил петербургский свет, но «не проник в него», должен был для Бестужева воплощать род поэзии, лишь «созерцающий внешнюю природу» – в отличие от поэзии как «отзыва живых ощущений, требующих разлиться вне»[315]. В претензиях Бестужева к роману в стихах очевидно выражен тот пункт, в котором писатели принципиально разошлись. В пушкинском романе ведется игра с привычными литературными конвенциями и продемонстрирована свобода от них – но Бестужев увидел в этом, кажется, отказ от создания идеального поэтического мира и возвращение к подражанию действительности[316].

---

[312] См. в «Знакомстве с Грибоедовым»: «Я поглотил эти отрывки <из комедии>; я трижды перечитал их. Вольность русского разговорного языка, пронзительное остроумие, оригинальность характеров и это *благородное негодование ко всему низкому, эта гордая смелость Чацкого* проникли в меня до глубины души» (Воспоминания Бестужевых. С. 526–527; курсив мой – *А. П.*).

[313] Литературно-критические работы декабристов. С. 294.

[314] Русский вестник. 1870. № 5. С. 249.

[315] Литературно-критические работы декабристов. С. 295.

[316] Похожий тезис был выдвинут Е.М. Пульхритудовой: «Не найдя в “Онегине” и “Повестях

В 1829 г. размышления Бестужева о проблеме подражания могли быть связаны и с увлечением немецкой словесностью, в первую очередь – произведениями И. В. Гете.

В работах, посвященных русской рецепции творчества Гете и немецкой философской эстетики, обычно подчеркивается неприятие этой традиции писателями декабристского круга. Так, в монографии В. М. Жирмунского «Гете в русской литературе» раздел, посвященный поэтам декабристского круга, открывается категоричным утверждением: «Равнодушие поэтов-декабристов к Гете подчеркивается молчанием о нем обширной мемуарной литературы <...> а также полным отсутствием отголосков немецкой музы у таких поэтов, как К. Рылеев, А. Бестужев, А. Одоевский»[317]. Говоря о Бестужеве – читателе текстов Гете, исследователь ограничивается упоминанием нескольких переводов-стилизаций и подчеркивает отрицательное отношение Бестужева к «Фаусту»[318]. Но по его письмам периода якутской ссылки становится очевидным явный интерес к произведениям Гете; более того – Бестужев не только читал тексты немецкого классика, но, кажется, пытался их творчески переосмыслить[319].

Белкина" любезных ему романтических "неясности и многосторонности", Бестужев зачисляет пушкинские создания по ведомству "отражательности". Ясность, простота, уравновешенность стиля, в представлении критика – выражение отсутствия авторской оценки, неизменные спутники "отражательности"» (*Пульхритудова Е. М.* Литературная теория декабристского романтизма в 30-е годы XIX века. С. 255–256). Но в исследовательской литературе высказывалось и другое мнение. Так, по мнению Н. Н. Мазур, «Бестужев относил к "поэтическим формам" предмет изображения и авторскую точку зрения». «Поэтическую форму» Бестужев «в самую последнюю очередь» связывал «собственно со стихом», что видно из его вопроса: «Дал ли ты Онегину поэтические формы, кроме стихов?» (*Пушкин*. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 149). «Отказываясь оценить достоинства "Онегина" с этой точки зрения, Бестужев отнес заботу об отделке стиха к устарелой школе классицизма» (*Мазур Н. И.* Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине»: полемические функции // Пушкин и его современники: Сб. научных трудов. Вып. 5 (44). СПб., 2009. С. 186).

[317] *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. Л., 1981. С. 117.

[318] См.: Там же. С. 117–118.

[319] Е. М. Пульхритудова отмечала, что в ссылке «...А. Бестужев воспринял диалектические идеи немецких философов прежде всего в их литературном преломлении. В тюрьме и на поселении он увлекается творчеством Гёте и Шиллера, к которым до 1825 года относился весьма прохладно» (*Пульхритудова Е. М.* Литературная теория декабристского романтизма в 30-е годы XIX века. С. 248). Однако тезис о связи художественных текстов Гете и эстетических воззрений Бестужева не был развит исследовательницей.

Хотя в воспоминаниях Бестужева ретроспективно описаны горячие споры первой половины 1820-х гг. о достоинствах поэзии Байрона и Гете[320], до 1828 г. он, кажется, с немецкой словесностью был знаком скорее понаслышке.

Несмотря на явные способности к изучению языков, немецкий давался Бестужеву с большим трудом[321]. Но в начале 1828 г. он адресовал матери следующую просьбу:

> На счет умственного занятия, столь же необходимого моему одиночеству, как воздух моему существованию, на первый случай, много меня одолжите, доставив лексикон немецкий (ручной) <...> Из книг – какие-нибудь творения Шиллера (кроме 30-летней войны, которая со мною) и Гетева «Фауста».[322]

Просьба была выполнена – и в течение 1828 г. Бестужев, погруженный в чтение, регулярно делился со своими родными разного рода наблюдениями и замечаниями. Например, в письме к матери и сестрам от 10 декабря он оставил пространный комментарий, посвященный впечатлению от знакомства с немецкой словесностью:

> Что до меня, я поправился <...> сижу безвылазно дома и с утра до позднего вечера читаю Шиллера и Гете. С первым чувствую, с другим мышлю. Я до сих пор не знал основательно немецкого языка, чтобы понимать высокий слог; и теперь мне открылось в нем новое наслаждение, новый мир душе. Я давно собирался впиться в германскую словесность, но вихор света и поток обстоятельств несли меня вперед и вперед. Теперь есть досуг и расположение, и я пользуюсь обоими: читаю медленно, чувствую глубоко; и фантастические создания двух великих поэтов составляют теперь весь быт мой, оне мои друзья и знакомые, оне мой род и племя, мое ремесло, мое богатство. Шиллер хорошо знал сердце человека, Гете обнажил ум его. <...> «Фауст» Гете приносит много чести уму и мало утешения душе человеческой; это ужасная картина необузданной гордости воображения и адского пирронизма.[323]

Об очевидном интересе к «Фаусту» свидетельствует и высказанное в том же письме желание перевести отдельные фрагменты из поэмы, «собственно до

---

[320] См.: *Бестужев А*. Знакомство с Грибоедовым // Воспоминания Бестужевых. С. 524–525.
[321] См.: *Бестужев М. А*. Детство и юность А. А. Бестужева (Марлинского) // Воспоминания Бестужевых. С. 212.
[322] Памяти декабристов. Вып. 2. С. 193.
[323] Там же. С. 214–215.

поэзии касающиеся»[324]. Если переводы из поэмы и были осуществлены, то до нас они не дошли. Но думается, говоря о фрагментах, «до поэзии касающихся», Бестужев прежде всего имел в виду «Пролог в театре».

Пролог представляет собой разговор Директора с Поэтом и Комиком и посвящен обсуждению роли искусства. Поэт, приняв узнаваемую позу романтического творца, не скрывает презрения к толпе («O sprich mir nicht von jener bunten Menge, / Bei deren Anblick uns der Geist entflieht[325]) и говорит о поэзии как о высоком даре, гармонизирующем мир и наделяющем его смыслом. Для Комика и Директора главная цель искусства, напротив, – угождать самым разнообразным запросам публики (на счет которой у них нет никаких иллюзий), а главное – веселить ее и развлекать:

D i r e k t o r

<...>
Bedenkt, Ihr habet weiches Holz zu spalten,
Und seht nur hin, für wen Ihr schreibt!
Wenn diesen Langeweile treibt,
Kommt jener satt vom übertischten Mahle,
Und, was das Allerschlimmste bleibt,
Gar mancher kommt vom Lesen der Journale.
Man eilt zerstreut zu uns, wie zu den Maskenfesten,
Und Neugier nur beflügelt jeden Schritt;
Die Damen geben sich und ihren Putz zum besten
Und spielen ohne Gage mit.
Was träumet Ihr auf Eurer Dichterhöhe?
Was macht ein volles Haus Euch froh?
Beseht die Gönner in der Nähe!
Halb sind sie kalt, halb sind sie roh.
Der, nach dem Schauspiel, hofft ein Kartenspiel,
Der eine wilde Nacht an einer Dirne Busen.
Was plagt ihr armen Toren viel,
Zu solchem Zweck, die holden Musen?
Ich sag` Euch, gebt nur mehr und immer, immer mehr,
So könnt Ihr Euch vom Ziele nie verirren.
Sucht nur die Menschen zu verwirren,
Sie zu befriedigen, ist schwer –
Was fällt Euch an? Entzückung oder Schmerzen?

D i c h t e r

[324] Там же. С. 215.
[325] *Goethe*. Faust // Goethes Werke. München, 1981. Bd 3. S. 10. Перевод Н. А. Холодковского: «Не говори мне о толпе безумной, – / Она в нас мысли лучшие гнетет» (*Гете И. В.* Собр. соч.: В 13 т. М., 1947. Т. 5. С. 50).

Geh hin und such dir einen andern Knecht!
Der Dichter sollte wohl das höchste Recht,
Das Menschenrecht, das ihm Natur vergönnt,
Um deinetwillen freventlich verscherzen!
Wodurch bewegt er alle Herzen?
Wodurch besiegt er jedes Element?
Ist es der Einklang nicht, der aus dem Busen dringt,
Und in sein Herz die Welt zurücke schlingt?
Wenn die Natur des Fadens ew'ge Länge,
Gleichgültig drehend, auf die Spindel zwingt,
Wenn aller Wesen unharmon'sche Menge
Verdrießlich durcheinander klingt –
Wer teilt die fließend immer gleiche Reihe
Belebend ab, daß sie sich rhythmisch regt?
Wer ruft das Einzelne zur allgemeinen Weihe,
Wo es in herrlichen Akkorden schlägt?
Wer läßt den Sturm zu Leidenschaften wüten?
Das Abendrot im ernsten Sinne glühn?
Wer schüttet alle schönen Frühlingsblüten
Auf der Geliebten Pfade hin?
Wer flicht die unbedeutend grünen Blätter
Zum Ehrenkranz Verdiensten jeder Art?
Wer sichert den Olymp? vereinet Götter?
Des Menschen Kraft, im Dichter offenbart.

Lustige Person

So braucht sie denn, die schönen Kräfte
Und treibt die dichtrischen Geschäfte
Wie man ein Liebesabenteuer treibt.[326]

---

[326]*Goethe*. Faust. S. 12–13. Перевод Н. А. Холодковского:

Директор

<...>

Кто ваша публика, позвольте вас спросить?
Один приходит к нам, чтоб скуку утолить,
Другой, набив живот потуже,
Спешит сюда переварить обед,
А третий – что для нас всего, пожалуй, хуже –
Приходит нас судить по толкам из газет.
Для них одно – театр, балы и маскарады:
Лишь любопытством весь народ гоним;
А дамы – те идут показывать наряды:
Чтоб роль играть, не нужно платы им.
О чём вы грезите? Спуститесь-ка пониже!
Вам хорошо смотреть с надзвёздной вышины!
Нет, вы взгляните-ка поближе!
Те грубы, эти холодны!
Тот хочет пьянствовать недели,
А тот в игорный дом идёт...

С «Прологом в театре» Бестужев был хорошо знаком и до ссылки. Несколько вольный перевод этой сцены, сделанный А. С. Грибоедовым, опубликован в «Полярной звезде» на 1825 г.[327]. А во «Взгляде на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» Бестужев, посвящая несколько строк «Разговору Книгопродавца с Поэтом» Пушкина, назвал это

Смешно, когда поэт зовёт
Великих муз к ничтожной цели!
Прошу вас об одном: побольше сочинить,
Как можно более – вот в чём моё стремленье!
Запутайте толпу, введите в заблужденье;
Иначе – верьте мне – ей трудно угодить.
Что с вами? Или вас коснулось вдохновенье?

Поэт

Иди других ищи себе рабов:
Мне высшие права природа уделила.
Предам ли на позор высокий дар богов?
Продажна ли певца святая сила?
Чем трогает сердца восторженный поэт?
Какая сила в нём стихиями владеет?
Не та ль гармония, что в сердце он лелеет,
Которою, творя, объемлет он весь свет?
Когда природа-мать движеньем равнодушным
Нить вечную влечёт веретеном послушным,
Когда всё сущее, сменяясь каждый час,
В нестройный, резкий хор сливается вкруг нас, -
Кто звуки мерные в порядке размещает,
Чьей речи верный ритм живителен и твёрд?
Кто единичное искусно обобщает,
Объединяя всё в торжественный аккорд?
Кто бурю выразит в борьбе страстей кипучей,
В теченье строгих дум – зари вечерней свет?
Весны роскошный, лучший цвет
К ногам возлюбленной бросает кто, могучий?
Кто цену придаёт незначащим листам,
В прославленный венок вплетая листья эти?
Кто стережёт Олимп, кто друг и связь богам?
Мощь человечества, живущая в поэте!

Комик

И долг ваш – эту мощь на деле применить!
Итак, ловите же минуты вдохновенья,
Как ловит ловелас предлог для похожденья!
(*Гете*. Собр. соч. Т. 5. С. 51–53)

[327] Полярная звезда на 1825 г. С. 306–312.

стихотворение, предварявшее первую главу «Онегина», «счастливым подражанием Гете»[328].

Казалось бы, Бестужев, чья позиция издателя была описана в предыдущей главе, должен был с известной долей сочувствия отнестись ко взглядам Директора и Комика. Но письма якутского периода говорят об обратном. Изображенная Гете полемика между творцом и дельцом резонирует с сетованиями Бестужева на недостаток вкуса у современной публики, которыми он поделился с Еленой Булгариной в феврале 1829 г. (отметим, что эти рассуждения появляются в письме, посвященном стихотворению самого Бестужева «Череп», которое он, в отличие от большинства других своих стихотворений, ценил достаточно высоко – и которое, как будет показано, во многом стало своеобразным поэтическим манифестом писателя):

> Что же до посылаемых здесь стихов, то они довольно звучны, но «Череп», я думаю, найдет немногих читателей: этот род размышлений требует и в самом чтеце особое расположение к глубокомыслию и особенное просвещение, ибо отвлеченные предметы ловятся не ушами, а душою. К тому же надобен и прирученный к романтизму вкус, которого вовсе не замечаю я у русских...[329]

Мысли, изложенные в статье «<О романтизме>», перекликаются с еще одним текстом Гете, переведенным С. П. Шевыревым. Речь идет о «Разговоре об истине и правдоподобии в искусстве» («Ueber Wahrheit und Wahrscheinlichkeit der Kunstwerke»), опубликованном в № 8 «Московского вестника» за 1827 г. Напомним, что статья представляет собой беседу между Зрителем и Адвокатом, которые пытаются определить, в чем же состоит главная ценность искусства и насколько она связана с верным отражением действительности. На примере оперы, очевидно лишенной любых претензий на правдоподобие, но вместе с тем бесконечно притягательной, собеседники

---

[328] *Бестужев-Марлинский А. А*. Соч. Т. 2. С. 407. О связи стихотворения Пушкина и «Пролога в театре» см., например: *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. С. 112; *Потапова Г. Е.* Литературный образец и «литературный быт» в «Разговоре Книгопродавца с Поэтом» А. С. Пушкина // Концепция и смысл: Сб. статей в честь 60-летия профессора В. М. Марковича. СПб., 1996. С. 48–64.

[329] Памяти декабристов. Вып. 2. С. 206.

совместными усилиями приходят к главному закону истинного искусства – созданию собственной поэтической реальности, не подражающей природе:

Адвокат

Мы прежде сказали, что в опере нет истины, и все, что она ни представляет, чуждо всякого вероятия; но можем ли мы опровергнуть в ней ту внутреннюю истину, которая нераздельна с сущностью, с цельностью всякого произведения искусства?

Зритель

Конечно, прекрасная опера заключает в себе свой малый мир, где все совершается по особым законам, по которым и должно судить обо всех явлениях этого особого мира с особыми свойствами.

Адвокат

Не прямо ли следует отсюда, что истина в искусстве и истина в природе совершенно различны, что художник совсем не должен списывать своих произведений с произведений природы? <...> один только необразованный зритель думает видеть в произведении искусства произведение природы...[330]

Мог ли Бестужев знать этот перевод и был ли он вообще знаком с материалами, публикуемыми на страницах «Московского вестника»? Из писем к родным 1827–1829 гг. не очень ясно, получал ли он номера этого журнала, но одно косвенное подтверждение знакомства с ним существует – эпиграмма Бестужева «Клим зернами идей стихи свои назвал...», содержащая явную отсылку к стихотворению Шевырева «Мысль» («Падет в наш ум чуть видное зерно...»), опубликованному в 1828 г. в «Московском вестнике»[331]. Правда, этот текст Бестужев мог знать и по газетной публикации: 15 мая 1828 г. в № 58 «Северной пчелы» появилось «Письмо к издателям», в котором некий Б. Зернов-Раменин буквально камня на камне не оставил от стихотворения Шевырева. Каких-то лексических или тематических совпадений между этой рецензией и эпиграммой Бестужева нет, но важно, что текст стихотворения был приведен в рецензии полностью. Примечательно, что эпиграмма «Клим

[330] Московский вестник. 1827. № 8. С. 341–342.
[331] Там же. 1828. № 8. С. 357–358. Связь этих стихотворений была отмечена в примеч. Н. В. Мордовченко – см.: *Бестужев-Марлинский А. А.* Полн. собр. стихотворений. С. 285.

зернами идей стихи свои назвал...» впервые опубликована за подписью «А. Б.» в «Сыне отечества»[332], издававшемся Булгариным и Гречем. Существенно и то, что Бестужев явно плохо представлял себе, кто такой Шевырев. В письме к Н. А. Полевому предположительно от 2 ноября 1833 г. он спрашивал: «Кто такой Брамбеус? Не Шевырев ли?»[333].

Итак, знакомство Бестужева с эстетическими работами Гете не находит прочного подтверждения, но «Фауста» он читал внимательно, размышлял над ним – и эти размышления отразились в его оригинальном творчестве. Как будет показано ниже, в 1828–1829 гг. Бестужев, работая над собственными поэтическими текстами, нарочито не выходил из сферы «идеального» – и будто бы вслед за Гете последовательно творил автономный поэтический мир.

В исследовательской литературе уже говорилось о стихотворении Бестужева «Череп» как об ответе на одноименный текст Баратынского[334], впервые опубликованный в «Северных цветах» на 1825 г. – и, как известно, разочаровавший Бестужева, хотя во «Взгляде на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» он привычно ограничился похвалой («Из стихотворений прелестны наиболее Пушкина дума “Олег” и “Демон”, “Русские песни” Дельвига и “Череп” Баратынского»[335]). В письме к Пушкину от 25 марта 1825 г. Бестужев отметил, что автор «Черепа» «вконец исфранцузился» и назвал финал стихотворения «мишурой»[336]. Неприемлемым для Бестужева стал демонстративный и принципиальный отказ Баратынского от попыток даже мысленно пересечь границу чувственного мира и вкусить «всезнания»[337]. В этом он оказался близок французским скептицистам, в чем, видимо, и состояло его «исфранцуживание». Высказывалось мнение, что реакция Бестужева на «Череп» могла быть вызвана личной обидой: в 1824 г. Баратынский без всяких

---

[332] Сын отечества. 1831. № 24. С. 246.
[333] Русское обозрение. 1894. № 10. С. 831.
[334] См., например: *Мордовченко Н. И.* А. А. Бестужев-Марлинский // Бестужев-Марлинский А. А. Полн. собр. стихотворений. С. 30–31.
[335] *Бестужев-Марлинский А. А*. Соч. Т. 2. С. 410.
[336] Там же. С. 483.
[337] См. об этом: *Семенко И. М*. Поэты пушкинской поры. М., 1970. С. 246.

объяснений увез тетрадь со стихами, предназначавшимися для публикации поэтического сборника, которое должны были подготовить издатели «Полярной звезды»[338]. Существует и другая версия: «Бестужеву, настаивавшему <…> на необходимости “высоких” дидактических предметов для истиной поэзии, не нравилась ни общая “элегическая” тенденция Баратынского, ставшая особенно заметной 1824–1825 гг., ни те мелочи, которые он отдал в “Полярную звезду на 1825 год” <…> ни новая поэма – “Эда”…»[339].

Не оспаривая эти версии, заметим, что после 1825 г. претензии Бестужева к Баратынскому носили уже принципиально иной характер. Если посмотреть на «Череп» самого Бестужева под углом зрения, заданным статьей «<О романтизме>», очевидной станет поэтическая полемика.

Давно отмечено, что лирический герой Бестужева становится тем самым «изыскателем», который не удовлетворяется финальной сентенцией Баратынского: «Пусть радости живущим жизнь дарит, / А смерть сама их умереть научит!»[340]. Однако суть спора этим не исчерпывается.

Полемично выглядит уже выбор источников. Как отмечали и современники Баратынского, и позднее – исследователи творчества поэта, его «Череп» отсылает к английской традиции (правда, воспринятой через французские переводы): к «Надписи на кубке из черепа» и «Паломничеству Чайд-Гарольда» Байрона, к «Гамлету» Шекспира и к текстам юнговой поэтической школы[341]. Что же касается Бестужева, то его стихотворение, как легко понять по эпиграфу, стало своеобразной вариацией на тему, заданную фрагментом из «Фауста» Гете. Речь идет о монологе главного героя из сцены

---

[338] Это предположение было высказано в докладе А. И. Мартыненко «Первый поэтический сборник Е. А. Баратынского как несостоявшийся издательский проект А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева», прочитанном на Международной конференции молодых филологов в Тартуском университете (22–24 апреля 2016 г.). Текст доклада, к сожалению, не опубликован.

[339] *Бодрова А. С.* Военная служба Е. А. Баратынского: Между биографией и поэзией // Чины и музы: Сб. ст. СПб.; Тверь. 2017. С. 153.

[340] *Боратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 2002. Т. 2, ч. 1. С. 100; см.: *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М., 1941. С. 421.

[341] См.: *Манежина Д.* К интерпретации стихотворения Е. Баратынского «Череп» // Летняя школа по русской литературе. СПб., 2015. Т. 11, № 1. С. 52–62.

«Ночь», в котором он обращается к черепу, страдая от невозможности приподнять таинственный покров природы и (в отличие от героя Баратынского) оказывается не в состоянии с этим смириться. Думается, этот вариант сюжета оказался близок Бестужеву, в частности, и потому, что Фауст в своем монологе прямо заявляет об ограниченности эмпирического опыта (эти строки следуют сразу за приведенными в эпиграфе):

Ihr Instrumente freilich spottet mein
Mit Rad und Kämmen, Walz` und Bügel:
Ich stand am Tor, ihr solltet Schlüssel sein;
Zwar euer Bart ist kraus, doch hebt ihr nicht die Riegel.
Geheimnisvoll am lichten Tag
Läßt sich Natur des Schleiers nicht berauben,
Und was sie deinem Geist nicht offenbaren mag,
Das zwingst du ihr nicht ab mit Hebeln und mit Schrauben.
Du alt Geräte, das ich nicht gebraucht,
Du stehst nur hier, weil dich mein Vater brauchte.
Du alte Rolle, du wirst angeraucht,
Solang`an diesem Pult die trübe Lampe schmauchte.[342]

Но совсем другой мир предстает перед мысленным взором Фауста – мир, доступный тому, кому хватит смелости разбить земные оковы:

Ins hohe Meer werd` ich hinausgewiesen,
Die Spiegelflut erglänzt zu meinen Füßen,
Zu neuen Ufern lockt ein neuer Tag.

Ein Feuerwagen schwebt auf leichten Schwingen
An mich heran! Ich fühle mich bereit,
Auf neuer Bahn den Äther zu durchdringen,
Zu neuen Sphären reiner Tätigkeit.
Dies hohe Leben, diese Götterwonne,

---

[342] *Goethe*. Faust. S. 28. Перевод Н. А. Холодковского:
Винты и рычаги, машины и колеса.
Пред дверью я стоял, за ключ надёжный свой
Считал вас... Ключ хитер, но всё же двери той
Не отопрёт замка, не разрешит вопроса!
При свете дня покрыта тайна мглой,
Природа свой покров не снимет перед нами,
Увы, чего не мог постигнуть ты душой
Не объяснить тебе винтом и рычагами!
Вот старый инструмент, не нужный мне торчит:
Когда-то с ним отец мой много повозился;
Вот этот свёрток здесь давным-давно лежит
И весь от лампы копотью покрылся.
(*Гете И. В.* Собр. соч. Т. 5. С. 72)

Du, erst noch Wurm, und die verdienest du?
Ja, kehre nur der holden Erdensonne
Entschlossen deinen Rücken zu!
Vermesse dich, die Pforten aufzureißen,
Vor denen jeder gern vorüberschleicht.
Hier ist es Zeit, durch Taten zu beweisen,
Daß Manneswürde nicht der Götterhöhe weicht,
Vor jener dunkeln Höhle nicht zu beben,
In der sich Phantasie zu eigner Qual verdammt,
Nach jenem Durchgang hinzustreben,
Um dessen engen Mund die ganze Hölle flammt;
Zu diesem Schritt sich heiter zu entschließen,
Und wär` es mit Gefahr, ins Nichts dahinzufließen.[343]

Противопоставление бессильной эмпирики и мысли, устремленной за пределы жизненного круга, несомненно близко к оппозиции опыта и воображения в статье Бестужева «<О романтизме>». Как мы помним, опыт и воображение соответствуют, по Бестужеву, двум разным системам координат – «классицистической» и «романтической», или, в иных его терминах, «отражательности» и «идеальности».

Полемический ответ Бестужева Баратынскому выстроен с учетом этого круга идей. Несмотря на всю поэтическую условность художественного мира

---

[343] *Goethe*. Faust. S. 29–30. Перевод Н. А. Холодковского:
Готов я в дальний путь! Вот океан кристальный
Блестит у ног моих поверхностью зеркальной,
И светит новый день в безвестной стороне!
Вот колесница в пламени сиянья
Ко мне слетает! Предо мной эфир
И новый путь в пространствах мирозданья.
Туда готов лететь я – в новый мир.
О наслажденье жизнью неземною!
Ты стоишь ли его, ты, жалкий червь земли?
Да, решено: оборотись спиною
К земному солнцу, что блестит вдали,
И грозные врата, которых избегает
Со страхом смертный, смело нам открой
И докажи, пожертвовав собой,
Что человек богам не уступает.
Пусть перед тем порогом роковым
Фантазия в испуге замирает;
Пусть целый ад с огнем своим
Вокруг него сверкает и зияет, –
Мужайся, соверши с весельем смелый шаг,
Хотя б грозил тебе уничтоженья мрак!
(*Гете И. В.* Собр. соч. Т. 5. С. 73)

стихотворения Баратынского, этот мир не лишен «вещественной», «материальной» составляющей. Очевидно, что лирический герой стоит на краю разрытой могилы; вместе с ним мы видим на пожелтевшем черепе пыль и остатки человеческих волос. Согласно взглядам, изложенным в статье «<О романтизме>», все это можно назвать «подражанием природе».

В мире стихотворения Бестужева эмпирическому, «непоэтическому» не остается места. Изображенное пространство выглядит абстрактным, существующим вне зримых и понятных координат. Череп же словно лишается своей «неидеальной» составляющей, он становится «храмом запустения», «разбитой урной», превращается в «след / По океану правды зыбкой». Как понятно из цитировавшегося письма к Елене Булгариной, такая «отвлеченность» описания была сознательным ходом поэта. Мысленный взор лирического героя Бестужева, в отличие от героя Баратынского, как будто бы целиком обращен к умозрительному, в принципе не поддающемуся чувственному описанию, – и в финале стихотворения мы словно видим возможность выхода мысли в область воображаемого и идеального: «Но мысль, как вдохновленный сон / Летает над своей покинутой отчизной»[344].

Менее очевидной кажется разница между двумя другими одноименными текстами двух поэтов – «Финляндией» Баратынского[345] и «Финляндией» Бестужева (1829). Лирический герой стихотворения Баратынского, обращаясь то к прошлому, то к будущему, выводит главный закон бытия – «закон уничиженья», поэтому единственное, что оказывается по-настоящему ценным и что принадлежит лирическому герою до конца, – это настоящее мгновение, жизнь здесь и сейчас.

Полемично по отношению к «Финляндии» Баратынского звучит финал стихотворения Бестужева. Описывая пейзаж, он будто бы на практике подтверждает собственный тезис о соотношении формы и содержания в

---

[344] *Бестужев-Марлинский А. А*. Полн. собр. стихотворений. С. 146.

[345] Ранняя редакция впервые опубликована: Соревнователь. 1820. Ч. 10. № 5. С. 168–170; вторая редакция впервые опубликована: Стихотворения Евгения Баратынского. М., 1827. С. 9–12.

романтической поэзии. Глядя на молнии, океан и скалы, лирический герой способен увидеть в них не только «материальную» составляющую, но и недоступные чувственному восприятию отсветы, отголоски идеального – поэтому окружающий его мир северной природы становится проводником к всезнанию:

Вам жаркие и влажные *перуны*
Нарезали чуть видимые руны.

Я понял их: на западе сияло
Светило дня, златя ступени скал,
И океан, как вечности зерцало,
Его огнем живительным пылал,
И древних гор заветные скрижали
Мне дивные пророчества роптали![346]

Таким образом, лирический герой стихотворения Бестужева, «эмпирик» и «умозритель» одновременно, описывает мир словно по тому же алгоритму, который был задан в статье «О способах исследования природы» – он совершает движение от «груды материи» к таинственному «гиероглифу, начертанному Высочайшею мудростию». Правда, прикоснувшись к этой мудрости, он не обращается вновь к земному материальному миру.

Темы «Фауста» оставались важными для Бестужева и в 1830-е гг. Уезжая из Якутска, он отослал в Петербург достаточно большое количество книг – но Гете забрал с собой на Кавказ[347]. Обосновавшись в 1830 г. в Дербенте, 24 декабря Бестужев написал матери и сестрам, что просит прислать историческую драму Гете «Гец фон Берлихинген» и роман Фридриха Клингера «Фауст»[348].

Имя Гете, стоящее в одном ряду с Гомером, Мильтоном, Шекспиром или Байроном, упоминается и в художественных текстах Бестужева 1830-х гг.: в

---

[346] *Бестужев-Марлинский А. А.* Полн. собр. стихотворений. С. 157; курсив мой – *А. П.*
[347] См. список отосланных книг в письме к матери от 3 июня 1829 г (Памяти декабристов. Вып. 2. С. 226). См. также письмо к Н. А. Полевому от 23 апреля 1831 г.: «Теперь со мной несколько томов Гете, Шиллера, Байрона, отрывки из литературы английской, Мур и несколько книг натуральной истории» (*Бестужев-Марлинский А. А.* Кавказские повести. С. 498).
[348] См.: Там же. С. 491.

отрывках «Выстрел»[349] и «Журнал Вадимова»[350] – главах незавершенного романа «Вадимов». Но более подробно хотелось бы остановиться на отсылке к «Фаусту» в повести «Он был убит» (1834–1835), в текст которой Бестужев включил строки «Отдай мой рай, отдай мой ад, / Отдай мне молодость назад!».

Как определила Ф. З. Канунова, Бестужев процитировал здесь перевод отрывка «Пролога в театре», подготовленный А. А. Шишковым и опубликованный в «Одесском альманахе» на 1831 г.[351]. Этими строками завершался элегический монолог Поэта о безвозвратно ушедшей счастливой молодости:

Отдай же мне златые годы,
Когда я сам в грядущем жил;
Когда, беспечный сын природы,
Я сладость песней полюбил;
Когда оне, из полной груди
Лились кипящею струей,
Когда туманом мир и люди
Сокрыты были предо мной;
Когда веселою рукою
Срывал душистые цветы,
И был доволен я собою,
И был богат средь нищеты –
Влеченьем к истине высокой,
Мечтами дивными богат!
Отдай же мне, отдай назад
Мое мучительное счастье,
И силу злости и любви,
И прежний жар моей крови,
И прежний пламень сладострастья –
Отдай мой рай, отдай мой ад,
Отдай мне молодость назад![352]

Строки из «Пролога» Бестужев привел во второй части повести «Он был убит», представляющей собой дневник поэта, погибшего в сражении. Именно вторую часть этого текста Бестужев ценил очень высоко. Отсылая 5 декабря 1835 г. К. А. Полевому отрывок для публикации в «Московском телеграфе»,

[349] «...высекайте из мрамора Лаокоона или двух борцов, создавайте Отелло, Гяура, Фауста...» (Там же. С. 333).
[350] «Гомер, Данте, Мильтон, Шекспир, Байрон, Гете, – яркое созвездие, венчающее человечество, великаны, которым не верит свет!» (Там же. С. 339).
[351] Там же. С. 651.
[352] *Шишков А.* Из Гётева «Фауста» // Одесский альманах на 1831 г. С. 318–319.

Бестужев отметил в своем письме: «Теперь посылаю еще отрывки из журнала убитого, и если вы не будете плакать, их читая, – или вы, или я без сердца!»[353]. А 9 февраля 1836 г. он писал сестре Елене: «Знатоки единогласно говорят, что “Он был убит” лучшее мое произведение, а продолжение его, по моему мнению, лучше первой половины»[354].

Стихи «Отдай мой рай...» завершают «Второй отрывок» из дневника убитого офицера, в котором воспоминания о возлюбленной чередуются с суждениями героя о «Божественной комедии» Данте – в контексте этих размышлений автор дневника и припоминает стихи из Гете:

> Кстати об аде: научите меня, почему география человеческих предрассудков заключила его в сердце земли? О самолюбие, самолюбие, где ты не повторяешь себя? В чем не находишь своего микрокосма и тождества? Однако же и рай в сердце человека, а он ищет его над головою.
>
> ...Отдай мой рай, отдай мой ад,
> Отдай мне молодость назад![355]

Включение цитаты из «Пролога в театре» в этот отрывок как будто мотивировано желанием автора подчеркнуть элегическую тоску героя по безвозвратно ушедшему прошлому. В сходной «элегической» ситуации Бестужев ранее приводил эти же строки в письме к Н. Полевому от 16 декабря 1831 г.:

> Ветреность моя была домино для светского карнавала, в котором вертелся я для биржевых сделок. Свет забавлял меня очень редко, но не пленял никогда. В кругу своих я был собою, но вполне разоблаченную душу видел только один[356], и этот один уже в лоне Бога. Ребенком бываю порой и до сих пор... и как бы желал быть им чаще, быть им более... с игрушками веет мне невинность ребячества… Кратки, кратки мне эти минуты. Ах, я слишком хорошо знаю людей, чтобы долго обманываться. «Отдай мой рай, отдай мой ад, Отдай мне молодость назад!» – восклицаю я с Гете.[357.]

На первый взгляд кажется, что строки из Гете, перенесенные в письмо или в повесть, потеряли связь с «Прологом в театре». Но в последнем случае

---

[353] Русский вестник. 1861. № 4. С. 476.
[354] *Бестужев-Марлинский А. А*. Кавказские повести. С. 648.
[355] Там же. С. 302.
[356] По всей видимости, имеется в виду К. Ф. Рылеев.
[357] *Бестужев-Марлинский А. А*. Кавказские повести. С. 507.

эта связь сохраняется. Как уже было сказано, строки из «Пролога» помещены во втором отрывке из дневника погибшего. Первый же отрывок – это развернутая исповедь поэта, который свою недолгую жизнь повел в борьбе между желанием поведать миру «историю сердца» и необходимостью писать для света, для невежды и «чесоточного журналиста»[358] – а именно этот конфликт и лежит в основе «Пролога в театре». Показательно, что в том же первом отрывке приведена не вполне точная цитата из пушкинского «Разговора Книгопродавца с Поэтом» («Что слава? Яркая заплата / На бедном рубище певца – / Нам нужно злата, злата, злата:/ Копите злато до конца»[359]), который, как уже упоминалось, в 1825 г. Бестужев назвал «счастливым подражанием Гете».

Анализ замыслов и идей Бестужева второй половины 1820-х гг. обнаруживает некоторую внутреннюю противоречивость его творческих установок. С одной стороны, писатель, задумавший альманах, очевидно рассчитанный на широкий круг читателей, собирался идти по уже известному ему пути коммерчески успешного автора и издателя. От этого он не отказывался и позднее. В достаточно известном письме к А. М. Андрееву от 9 апреля 1831 г. Бестужев со всей очевидностью позиционирует себя как писателя, ориентированного на публику и ее вкусы. Говоря о перспективе сотрудничать с «Сыном отечества», он пишет:

> Из приложенной записки знакомой руки[360] я впервые получил дельное наставление насчет сочинений моих: мне необходимо руководство, во-первых, потому, что я не имею, благодаря Бога, слепой самонадеянности, во-вторых, потому, что в течение с лишком пяти лет не живу на свете, не только в свете. И вот почему мне хотелось бы, чтобы г<оспо>да издатели сказали мне: «Нам нужны вот такие статьи, – публика любит то и то».[361]

С другой стороны, как мы пытались показать, уже во второй половине

---

[358] Там же. С. 293.
[359] Там же. С. 296.
[360] По содержанию письма можно предположить, что автором этой записки был Н. И. Греч .
[361] *Бестужев-Марлинский А. А*. Кавказские повести. С. 496.

1820-х гг. Бестужев, противопоставляя себя писателям-современникам, размышлял над искусством иного рода – и даже создавал образцы такой «отвлеченной», литературы, для которой необходимы «глубокомыслие», просвещение и литературный вкус. В 1830-е гг. это колебание между установкой на элитарного или массового читателя не исчезло, оно стало даже более выраженным. И рассказ «Он был убит» не единственное тому подтверждение.

Мы имеем в виду роман «Вадимов», – текст, оставшийся незавершенным, но, по всей видимости, ставший для самого Бестужева главным произведением 1830-х гг.

Глава 4. Незавершенный роман «Вадимов» (1833–1834)

Не завершенный Бестужевым роман «Вадимов» до сих пор оставался на периферии изучения творчества писателя. В каком-то смысле это не удивительно: сохранившиеся четыре небольших отрывка на первый взгляд никак не связаны между собой ни сюжетно, ни идейно; узнаваемые бестужевские слог и коллизии не позволяют увидеть в «Вадимове» что-то специфическое, отличное от других образцов прозы писателя и заслуживающее отдельного внимания. Однако пристальное рассмотрение этого замысла показывает, что работа над романом была важной частью творческой эволюции Бестужева 1830-х гг. Вполне очевидно также, что сам писатель придавал своему замыслу очень большое значение.

§ 1. Творческая история романа. История публикаций.

Первые – довольно общие – размышления Бестужева о жанре романа встречаются в его переписке 1831 г.[362], но работу над «Вадимовым» писатель начал, по всей видимости, лишь в феврале 1833 г.[363] Впрочем, довольно скоро этот замысел был заброшен: 1833 г. оказался едва ли не самым тяжелым за всю ссыльную жизнь Бестужева. Финансовым бременем легло на его плечи издание собрания сочинений, оказавшееся, вопреки ожиданиям, предприятием провальным; кроме того, весной этого же года Бестужев был втянут в разбирательства по делу о гибели Ольги Нестерцовой[364]. 18 мая 1833 г. он

[362] См. письмо к А. М. Андрееву от 9 марта 1831 г.: «…иное дело повесть, иное роман. Мне кажется, краткость первой, не давая места развернуться описаниям, завязке и страстям, должна вцепляться в память остротами <…> В романе можно быть без курбетов и прыжков: в нем занимательность последовательная из характеров, из положений» (*Бестужев-Марлинский А. А*. Кавказские повести. С. 496).

[363] 2 февраля 1831 г. Бестужев сообщал К. А. Полевому: «с 1-го февраля принялся за роман; канва в голове натянута: надобно изузорить ее получше» (Русский вестник. 1861. № 4. С. 432).

[364] См. письма Бестужева к брату Павлу от 2 марта 1833 г. (*Бестужев-Марлинский А. А*. Соч.:

сообщал Н. А. Полевому: «О своем романе ни слова: враждебные обстоятельства мешают мне жить, не только писать»[365]. Через год, в письме к И. П. Жукову от 6 июня 1834 г., Бестужев сетовал: «“Вадимов” в застое. На станке почти ничего нет; не знаю, что выльется вперед»[366]. Роман действительно не был завершен: до нас дошли лишь несколько разрозненных отрывков, посвященных событиям, относящимся к русско-турецкой войне 1828–1829 гг.

Сохранились только черновые рукописи романа[367], при взгляде на которые создается впечатление, что перед нами довольно ранний этап работы над текстом: страницы рукописи испещрены многочисленными исправлениями; на первых листах обозначены поля, вероятно, для внесения дальнейшей правки[368]; исписанные листы чередуются с чистыми. Кроме того, части одной главы иногда разбросаны по отдельным тетрадям[369].

При жизни автора была опубликована лишь одна, первая глава романа, названная (вероятно, редактором) «Отрывок из не сочиненного еще романа»[370]. Сопоставление черновика с этой прижизненной публикацией дает результат, похожий на итоги сравнения двух редакций «Поездки в Ревель»: сюжетная канва в обоих случаях остается без изменений, но более поздний текст дополняется историческими подробностями, характеристиками героев и красочными развернутыми метафорами. В качестве примера приведем несколько показательных фрагментов из начала главы «Осада»[371]:

В 2 т. М., 1958. Т. 2. С.645–646), от 9, 16 и 30 марта того же года (Отечественные записки. 1860. № 5. 163–165; № 6. С. 229–300). См. также: *Андреев В*. Воспоминания о кавказской старине // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 160; *Костенецкий Я. И*. Из «Воспоминаний» // Там же. С. 162–164.

[365] *Бестужев-Марлинский А. А*. Кавказские повести. С. 526.

[366] Там же. С. 535.

[367] ИРЛИ РАН. Ф. 604. Ед. хр. 7. Л. 27–39; 90–106; о черновике главы «Выстрел» см. ниже.

[368] В дальнейшем Бестужев писал сплошным текстом.

[369] Так, в той тетради, где Бестужев поместил главу «Журнал Вадимова» (Л. 36–39), на л. 37 с пометой: «к картине приезда 2» появляется эпизод, начинающийся со слов: «Вадимов безмолвно стоял <*нрзб*> локоть на рукоять турецкого кинжала…». Позднее этот эпизод при публикации вошел в состав главы «Осада».

[370] Московский телеграф. 1834. Ч. 55. № 2. С. 222–240; подпись: А. Марлинский.

[371] В левом столбце приводится сводка по верхнему слою чернового автографа.

Автограф
(РО ИРЛИ. Ф. 604. Ед. хр. 7)

Л. 90

Заря чуть занималась против твердынь Ахалциха обложенных русскими войсками. Только в вышине можно было различить минареты и зубч<атые> стены замка – краснеющие неверным огоньком Востока – остальное сливалось с окрестными горами со св<е>т<о>м<?> кров<авым> разб<росанным?> по хол<мам?>. Город чернел будто застывшее озеро нефти… Все было тихо и мрачно окрест… все казалось спало свинцовым сном одолеваюш<им> великана перед смертию – это было утро Ахалцихского приступа.

Пули против восточного вала города. На окопанной батарее артиллерийцы прикорнув к орудиям дремали с банникам<и> и зарядными сумами под рукой. Фитили вотк<н>ут<ые> в землю роняли искры на ветер.

Л. 90–90 об.

Подле амбразур спал, сидя на ведре, завернув<шись> в шинель и с головою артиллерийской подполковник – К батарее подъехал в это время огр<омного> роста офицер – спрыг<нул> с лошади и пригляд<евшись> кругом подошел к полков<нику> – Просн<итесь> Ива<н>Ильич – проснитесь – не слышит Винградов – закричал он наконец ему на ухо, тряхнув его между тем за плечо.

Винградов проснулся.

Пора что ли?.. сказал он... вскакивая – по местам, батарея! –

Тише, ради бога, тише – ты напрасно

Отрывок из не сочиненного еще сочинения // Московский телеграф. 1834. Ч. 55. № 2.

С. 222–223

Заря чуть занималась против твердынь Ахалциха, обложенного русскими войсками. Только в вышине, над морем мрака и дыма, можно было различить зубчатые стены замка и головы минаретов, краснеющие то неверным отблеском Востока, то кровавым огнем повременных выстрелов. Замок этот походил тогда на исполинский корабль с обломанными мачтами, реющий по волнам и бьющийся, утопая. Это было в роковое утро ахалцихского приступа, 15 августа 1828 года. Батареи наши, устроенные против северного вала города, неумолчно громили оный целые сутки, во-первых, чтобы разрушить бастион, который прикрывал куртину, обреченную на приступ, во-вторых, чтобы мешать врагам и ночью исправлять разрушенное. Но к рассвету велено было пальбу разредить, вероятно, для того, чтобы до решительной минуты утаить истинные замыслы. Батарея правого крыла замолкла вовсе.

На этой-то батарее, окопанной земляным бруствером с короною из туров, артиллеристы, прикорнув к орудиям, дремали с банниками и зарядными сумами под рукой. Пальники, воткнутые в землю, роняли искры на ветер.

С. 223–225

Подле одной из амбразур спал, сидя на земле, командир батареи подполковник Винградов, завернувшись в шинель и опустив голову в колена. Турецкие ядра, гудя в ночном воздухе, прыгали через его голову; гранаты, брошенные наудачу, лопались на лету или ударяли в ограду, осыпая его землей и осколками, – но он спал.

В это время, с холма, отделявшего стан от окопов, прискакал к батарее офицер высокого роста, спрянул с коня, бросил повод в руки барабанщика и наконец доискался подполковника Винградова. Добудиться его, впрочем, было не так легко,

переполоши<ишь> колонны. Я только что привел свой батальон и приехал сам по себе хорошенько расспросить тебя и разглядеть где выгоднее провести его в дело.

как найти. Несколько раз кликал он и дергал за плечо сонливца – все напрасно. «Проснитесь, подполковник!.. Иван Ильич! Взгляни пожалуйста! Не слышит! – Винградов!» наконец закричал он тому на ухо так звонко, что многие канонеры бросились по местам.

Винградов проснулся.

«Пора, что ли?» сказал он, вскакивая… «К орудиям! Смирно! Батарея, залп будет?».

У Винградова был чертовский голос. Бывало, под Эриванью, где он командовал брешь-батареей, чуть раздавался любимый привет его: «Батарея! Залп будет!» неприятельская стена пустела и крепостные орудия замолкали вдруг. Все бежало долой или падало ниц – пушкари и стрелки – так хорошо знали они голос русского топчи; так боялись меткости его выстрелов. И тут спросонков он гаркнул прямо по-богатырски: казалось, что клик его покрыл рев пальбы, и что дрогнувший над ним свод пороховых облаков сыплется, роняет камни. Как нарочно будто лопнула в воздухе граната на заключение оглушающего crescendo Винградова, и чугунные иверни ее, форча мимо ушей, вонзились в землю.

– Тише, ради Бога, тише! – произнес приехавший офицер. – Ты до поры до времени переполошишь турок. Я не привез тебе очереди стрелять; я приехал сам от себя, хорошенько разглядеть позицию, где бы всего выгоднее и всего короче провести свой батальон, когда пойдем на приступ.

Уже после гибели писателя, в 1839 г. на страницах «Отечественных записок» появилась другая глава – «Журнал Вадимова». Публикация сопровождалась редакторским примечанием: «Этот отрывок найден по смерти автора в его бумагах, и, кроме этого отрывка, ничего не осталось от этого неизвестного романа…»[372]. Но в том же году другие сохранившиеся главы вошли в последнюю, двенадцатую часть полного собрания сочинений А.

[372] Отечественные записки. 1839. Т. 1. С. 74.

Марлинского, где они были помещены в раздел «Повести и прозаические отрывки, оставшиеся после смерти автора»[373].

Некоторые сложности связаны с определением состава романа. Если атрибуция глав «Осада», «Журнал Вадимова» и «Свидание» сомнений не вызывала – хотя бы по той причине, что в каждой из них появляется главный герой Вадимов, то вопрос о главе «Выстрел», черновик которой записан не в тетрадях, а на отдельных листах[374], решался по-разному. В «Полном собрании сочинений А. Марлинского» эта глава не была включена в состав романа; позднее таким же образом поступили и архивисты, квалифицировав главу «Выстрел» как отдельное произведение, а не фрагмент романа[375]. Однако уже в 1960-е гг. в немногочисленных работах, в которых встречаются упоминания «Вадимова», «Выстрел» рассматривается как часть романного замысла[376]. Эта глава фигурирует как часть романа и в подготовленном Ф. З. Кануновой тексте «Вадимова»[377]. Думается, для такого решения действительно есть основания. Общим для «Выстрела» и несомненно «романной» главы «Осада» является сопоставление русско-турецкой кампании и Отечественной войны; как мы постараемся показать, эта параллель не случайна, она важна для предполагаемого замысла. С нашей точки зрения, все четыре главы входят в состав романа, ни одна из них не была отвергнутым вариантом, все они мыслились как части единого целого.

---

[373] *Марлинский А*. Полн. собр.соч.: В 12 ч. СПб., 1839. Ч. 12. С. 181–199; 215–234.
[374] РО ИРЛИ РАН. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 7. Л. 52–72.
[375] Там же. Л. 27–39; 90–106.
[376]См.: *Пульхритудова Е. М.* 1) «Валерик» М. Ю. Лермонтова и становление психологического реализма в русской литературе 30-х годов XIX века // Михаил Юрьевич Лермонтов. 1814–1841: Сб. статей и материалов. Ставрополь, 1960. С. 61; 2) Литературная теория декабристского романтизма в 30-е годы XIX века // Проблемы романтизма: Сб. ст. М., 1967. [Вып.] 1. С. 253–275; *Вацуро В. Э.* Лермонтов и Марлинский // Творчество М. Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения. 1814–1841. М., 1964. С. 346–347, 349–350, 352, 356; *Канунова Ф. З.* А. А. Бестужев-Марлинский и его «Кавказские повести» // Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести. С. 580–582.
[377] *Бестужев-Марлинский А. А*. Кавказские повести. С. 318–351.

§ 2. Историософские взгляды Бестужева: между Н. М. Карамзиным и Н. А. Полевым

Сообщение о «Вадимове» в письме к К. А. Полевому от 9 марта 1833 г. по риторике напоминает письма Бестужева конца 1820-х гг., в которых он рассуждал об «отвлеченной» романтической поэзии: «Недели через две получите отрывок из романа. Я, признаться, думаю, что его не поймут и потому не оценят; но неужели я должен ходить на четвереньках, чтоб овцы могли видеть лицо мое. Если два-три человека скажут “Это не худо”, я заплачен»[378].

Кажется, это сходство неслучайно. Еще в 1967 г. Е. М. Пульхритудова показала, что размышления Бестужева об «отражательности» и «идеальности» в искусстве, развитые им в статье «<О романтизме>», о которой шла речь в третьей глава настоящей работы, оставались важными для него и в 1830-е гг.[379] Отголоски этой концепции, согласно которой «отражательность» проявляется в «натуралистическом воспроизведении действительности со всеми ее мелочными подробностями»[380], слышны и в программной статье 1833 г., посвященной разбору романа Н. А. Полевого «Клятва при гробе Господнем» – Бестужев едва ли не дословно процитировал здесь главные тезисы своей более ранней статьи[381].

Критика «отражательности» в искусстве содержится и в романе

---

[378] Там же. С. 522–523.

[379] *Пульхритудова Е. М.* Литературная теория декабристского романтизма в 30-е годы XIX века. С. 253–259.

[380] Там же. С. 254.

[381] «…под именем романтизма разумею я стремление бесконечного духа человеческого выразиться в конечных формах» (*Бестужев-Марлинский А. А.* «Клятва при гробе господнем. Русская быль XV века». Сочинения Н. Полевого. М., 1832 // Бестужев-Марлинский А. А. Собр.соч. Т. 2. С. 416); «Несноснее всего мне писаки, заставляющие нас целиком глотать самые пустые разговоры самых ничтожных лиц, равно в шинке жида и в гостиной знатного барина; и все для того, чтобы сказать: “это с природы!” <...> Природа! После этого тот, кто хорошо хрюкает поросенком, величайший из виртуозов и фельдшер, снявший алебастровую маску с Наполеона, первый ваятель!! Искусство не рабски передразнивает природу, а создает свое из ее материалов <…> Дайте нам не условный мир, но избранный мир!» (Там же. С. 462).

«Вадимов». Так, один из героев главы «Выстрел», участник русско-турецкой войны, в раздражении разрывает литографию с изображением двух армий:

> Вот вам одна из лучших литографий – нечего сказать, загляденье – в подписи ни одной грамматической ошибки, да и нарисовано-то чистенько, отчетисто; на руке у каждого ровно пять пальцев, всех лошадей по четыре ноги сполна, даже сабли на левом боку, и со всем тем, сударь, по мне – лучше суздальские лубочные картинки <…> Глупо, зато смешно; зато на этом лубке не подписано: «Рисовано с природы», как на вашей литографии, между тем в ней столько же природы, сколько в вольтеровской трагедии.[382]

Пульхритудова упомянула и о том, что в «Вадимове» Бестужев попытался выразить собственное представление об историософии, интерес к которой возник параллельно с работой над романом: «Историческое же направление литературы он связывает с попытками современных писателей “пробиться мыслью в будущее”, понять связь между различными историческими эпохами <…> “историческое направление” – это не просто обращение к прошлому, это так же и “угадывание” будущего» [383]. Подтверждение этой мысли исследовательница снова находит на страницах романа, на этот раз – в главе «Журнал Вадимова», в которой главный герой, умирающий в зачумленном городе, делится замыслом ненаписанной поэмы «Человечество»:

> Да, огромную, необъятную поэму замышлял начертать я: «Человечество» было бы имя ее, человечество во всех его возрастах, во всех кризисах. Я бы сплавил в этой поэме небо с землей, поднял бы из праха века, допытался бы от судьбы не разгаданных доселе приговоров ее; зажег бы над мертвецом минувшего погасшие лучи жизни, озарил бы молниями будущее…[384]

Описывая искания Бестужева, Пульхритудова говорит об их сходстве с историческими воззрениями Кюхельбекера[385]. Но, как кажется, разговор о нашедших отражение в «Вадимове» историософских взглядах Бестужева требует обращения к более широкому контексту: у нас уже была возможность

---

[382] *Бестужев-Марлинский А. А*. Кавказские повести. С. 330–331.
[383] *Пульхритудова Е. М*. Литературная теория декабристского романтизма в 30-е годы XIX века. С. 272.
[384] *Бестужев-Марлинский А. А.*. Кавказские повести. С. 339–340.
[385] *Пульхритудова Е. М*. Литературная теория декабристского романтизма в 30-е годы XIX века. С. 275–283.

убедиться в том, что его главное дарование как критика и писателя заключалось не столько в оригинальности его идей, сколько в том, что он, даже находясь на периферии литературного мира, очень верно чувствовал эстетический запрос времени – и пытался ему соответствовать.

За несколько лет до начала работы над романом, 25 января 1829 г., Бестужев в письме к сестре Елене достаточно резко отозвался о Карамзине-историке, которого еще в начале 1820-х гг. ценил весьма высоко:

> Порой у меня пробуждается страсть и к историческим исследованиям <...> Карамзин был великий писатель: слог его образовал язык, а неутолимая деятельность даровала первую историю России <...> Но у него нет крупности (l'ensemble) в обзоре; он, увлекаясь лицами, им попеременно изображенными, беспрестанно противоречит сам себе во мнениях <...> Одним словом, видно, что он писал лист за листом, не сливая их единобытным понятием общей судьбы и общих явлений природы обществ <...> Историк есть пророк минувшего, говорит М. Сталь, и справедливо. Он должен парить над веками, а не с толпой проходить их <...> В этом отношении Карамзин не без упрека.[386]

Бестужев вспоминает Карамзина не случайно: в 1828 г. посмертно вышел последний, двенадцатый том «Истории государства Российского», и в 1829 г. вокруг этого тома развернулась журнальная полемика.

И. В. Киреевский в своем «Обозрении русской словесности на 1829 год»[387] разделил всех критиков труда Карамзина на две группы. Представители первой нападают на отдельные частности и неточности[388], представители второй – «на систему и план целого, на понятия историографа об истории вообще».

---

[386] Памяти декабристов. Сб. 2. С. 217–218.

[387] Впервые опубликовано в альманахе «Денница» на 1830 г. (С. X–LXXXIV).

[388] К этой группе критиков принадлежит, например, Н. С. Арцыбашев, сотрудничавший с «Московским вестником» и опубликовавший на страницах журнала «Замечания на "Историю государства Российского", соч. Н. М. Карамзиным» (Московский вестник. 1828. Ч.11. № 19–20. С. 285–318; Ч. 12. № 21. С. 52–91; № 22. С.254–285). Статья Арцыбашева вызвала волну критических отзывов, см., например: *Беринг И.* Новости и перемены в русской журналистике на 1829 год // Московский телеграф. 1828. Ч. 23. № 20. С. 488–489; Смесь: известия, замечания и проч. // Сын отечества и Северный архив, 1829. Т. 1. № 3. С. 122–125 (без подписи); *Руссов С. В.* 1) Примечание на пятое письмо к издателю «Московского вестника», напечатанное в 23 и 24 книжках того «Вестника» на 1828 год // Сын отечества и Северный архив. 1829. Т. 1. № 4. С. 239–241; 2) О критике г. Арцыбашева на «Историю государства Российского», сочиненную Н. М. Карамзиным и напечатанную в «Московском вестнике», 1828, № 19–21. СПб., 1829.

Последние «обвиняют Карамзина в том, что он не обнимает *всех* сторон и оттенков нашей прошедшей жизни»[389]. Киреевский опровергает эти, казалась бы, совершенно несправедливые обвинения:

> …критики не чувствуют, что если упреки их справедливы, то служат не порицанием, а похвалою «Истории российского государства». Ибо невозможно обнять народной жизни во всех ее подробностях, покуда частные отрасли ее развития не обработаны в отдельных творениях и не сведены к последним выкладкам <...> Если Карамзин <…> ограничился преимущественным изложением политических событий и недосказал многого в других отношениях, то это ограничение было единственным условием его успеха; и нам кажется весьма странным упрекать Карамзина за неполноту его картины тогда, когда и с этой неполной картины мы еще до сих пор не можем снять даже легкого очерка, чтобы оценить ее как должно[390].

Критиком, упрекнувшим Карамзина за «неполноту», был Н. А. Полевой, чья рецензия на «Историю государства российского» появилась в № 12 «Московского телеграфа» за 1829 г. Но при обращении к тексту рецензии становится понятно, что Полевой писал не о той «неполноте», которую имеет в виду Киреевский.

Редактор «Московского телеграфа», в течение 1820-х гг. работавший над собственной «Историей русского народа»[391], не отрицая безусловных заслуг Карамзина как писателя и как историка, заявлял о том, что его многотомный труд, начатый двадцать пять лет назад, уже не соответствует новым представлениям об историографии. «История государства Российского» – это «летопись, написанная мастерски»[392], в которой нет «общего начала, из которого истекали бы все события русской истории». Современная же историография, «высшая» история описывает «ход человечества, общественность, нравы, понятия каждого века и народа, выводит цепь причин, производивших и производящих события»[393]. Теперь в центре внимания

---

[389] *Киреевский И. В*. Обозрение русской словесности на 1829 год // *Киреевский И. В*. Критика и эстетика. М., 1998. С. 63–64.
[390] Там же.
[391] Первый том вышел как раз в 1829 г.
[392] Московский телеграф. 1829. Ч. 27. № 12. С. 486.
[393] Там же. С. 476–477.

историка, с точки зрения Полевого, должна находиться всеобщая история в ее связи с бесчисленным множеством историй:

> Всеобщая история есть тот огромный круг, в коем вращаются другие бесчисленные круги: истории частные, народов, государств, земель, верований, знаний. Условия всеобщей истории уже определяют, каковы должны быть сии частные истории. Они должны стремиться к основе всеобщей истории, как радиусы к центру: они показывают философу: какое место в мире вечного бытия занимал тот или другой народ, то или другое государство, тот или другой человек, ибо для человечества равно выражает идею – и целый народ, и человек исторический: человечество живет в народах, а народы в представителях, двигающих грубый материал и образующих из него отдельные нравственные миры.[394]

В изложении же Карамзина история России оказалась исключенной из хода большой истории, истории человечества – именно в этом и заключалась «неполнота» труда историка, по мнению Полевого. «Историю государства Российского» он противопоставлял впечатлившим его трудам Гизо, Шлецера, Гердера, Нибура, в которых, напротив, выявляется связь между частным и общим.

В научной литературе уже отмечалось, что «на рубеже 20-х и 30-х гг., отношение к Карамзину получило новый поворот; оно теснейшим образом связывалось с дискуссиями по важнейшим философско-историческим вопросам: Россия и Запад, место России в мировом историческом процессе, судьбы российской государственности и т. п.»[395].

Рецензия на «Историю государства российского» стала не единственным в «Московском телеграфе» материалом подобного рода. Уже с 1827 г. на страницах журнала начали появляться тексты, посвященные новому подходу к исторической проблематике. Так, в № 6 «Московского телеграфа» за 1827 г. вышел анонимный перевод французской статьи «Философия истории», в которой выдвинуты уже знакомые нам тезисы:

> Знаменитые историки, творческим духом увековечившие происшествия и узаконения некоторых племен Греции! Блестящи картины ваши и мысли часто глубоки! <…> но в заключение, что значит один народ в сравнении

---

[394] Там же. С. 477.

[395] *Тойбин И. М.* Пушкин и философско-историческая мысль в России на рубеже 1820 и 1830 годов. Воронеж, 1980. С. 107.

с целым человечеством, что значат сии Афины, сей Лакедемон в недрах всеобщего просвещения? Временные ли это явления, случаем порожденные, случаем низвергнутые? Или они имели свое предназначение и место определенное? Представляют ли они какую-нибудь идею в стройной целости всемирной жизни? Сию-то идею следовало бы определить, и тогда надлежало бы постигнуть и описать различные идеи, различными народами выраженные. Вот что можно б было назвать истинною историею человечества, его историею внутреннею, которая относительно к другой то же, что минералогия и химия относительно к простым ощущениям чувств.[396]

В 1828 г. в том же журнале вышел перевод швейцарской статьи о методе Гердера и его значении для новой историографии:

…он <Гердер. – *А. П.*> первый сказал великую мысль, что жизнь человека в частности и жизнь всего человеческого рода подчинены одинаковым законам развития. Ум общий называет он началом ума частного. Первый, как вечное Провидение, непосредственно раскрывается в жизни народов; второй, как божья искра, тлеет в душе человеческой, и оба, исходя из единого ума всемирного, действуя друг на друга, стремятся к цели высочайшей: благородствованию, изяществу человеческой жизни <…> Гердер проникал в глубины души нашей, следил развитие частной жизни, нравов, воспитания, правлений, религий, наук и искусств, истории постановлений и рода человеческого вообще, всюду показывая одно направление, одно животворящее начало. На всякое частное смотрел он, только как на часть целого.[397]

Свою роль в осмыслении нового подхода к истории сыграл и «Московский вестник» – издание, как было упомянуто выше, по всей вероятности незнакомое и недоступное Бестужеву, но важное в контексте эстетических споров конца 1820–1830-х гг. Редактор журнала и автор «Исторических афоризмов» М. П. Погодин находился под несомненным влиянием историософских идей Шлецера и Гердера[398] – и это увлечение во многом определило программу издания. В 1827 г. в 5-й части журнала появился подготовленный Н. Пельтом конспект

[396] Московский телеграф. 1827. Ч. 14. № 6. Отд. I. С. 110–111 (без подписи).
[397] Гердер /Пер. с нем. М. Р. // Московский телеграф. 1828. Ч. 20. № 6. С. 144.
[398] Об исторических взглядах Погодина и их связи с немецкой традицией см, например: *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой. Л., 1931. Кн. 2. С. 331–335; *Тойбин И. М.* Пушкин и философско-историческая мысль в России на рубеже 1820 и 1830 годов. С. 14–19, 27–28; *Виролайнен М. Н.* «Сделаем себе имя»: (Миф числа у Михаила Погодина и Велимира Хлебникова) // Виролайнен М. Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб., 2003. С. 411–415.

«Понятие о всеобщей истории (из Шлецера)»[399]. Красной нитью через этот конспект прошла мысль о сочетании хронологического и синхронического подходов к истории, о связи частных историй с историей всемирной – и о необходимости осмыслить и описать эти связи:

> Найти в частных летописях сии взаимные действия частей, первой на вторую, второй на третью и т. д., по всем направлением от Запада к Востоку и проч., объяснить их, собрать и привести в гармонический порядок, — вот великий предмет Всемирной Истории.[400]

> Но все сии происшествия, от Сотворения мира до наших времен, должна душа воображать себе в беспрерывности; Всемирная история должна быть одною картиною, должна составлять один continuum. Естественно, что здесь должно делить на части, великую картину раздробить на малые, из коих каждая будет составлять меньшее целое; но и при первом преподавании должно уже иметь в виду, чтобы после ни одно происшествие не оставалось островом, а представилось тотчас со всех сторон в соединении с другими и наконец, по совершении труда, из многих малых картин составилась бы одна большая.[401]

В том же номере «Московского вестника» появилась рецензия С. П. Шевырева на первую часть «Атласа всемирной истории, или собрания карт, таблиц и проч…» Рюна фон Лиллиенттерна[402]. По мнению рецензента, этот атлас стал прекрасным примером нового подхода к историографии:

> В этом атласе мы видим начало предприятия, служащего новым доказательством любви к наукам историческим, господствующей особенно в Германии. – Издатель имеет целию – представить *видимо* всю Историю всемирную <…> *Предисловие* заключает в себе состав сего обширного плана и превосходное рассуждение о существе Истории и способе ее рассматривать: здесь решительно доказано, что она, как наука, не одни факты излагать должна, но взаимную связь их между собою – в противность историкам эмпирическим.[403]

Всех этих достоинств оказывается лишено «Руководство по познанию всеобщей политической истории» И. К. Кайданова, на третье издание которой Погодиным был написан разгромный отзыв, опубликованный в следующей,

---

[399] Московский вестник. 1827. Ч. 5. № 18. С. 157–175.
[400] Там же. С. 160.
[401] Там же. С. 173.
[402] Там же. С. 194—200; подпись: Ш.
[403] Там же. С. 194—195.

шестой части «Московского вестника»[404]:

> История, говорил он <Кайданов. – *А. П.*> (I, XI) вообще есть повествование о достопамятных явлениях в свете. И так книжка, в которой после столпотворения Вавилонского рассказано будет сражение под Ватерлоо и обращение крови в теле, а после взятия русскими Эривана действия электричества и жертвоприношение Авраамово, имеет полное право на титло Истории?! Вот до какой несообразности с первого раза доводит это обветшалое определение, с большими или меньшими изменениями повторяющееся у нас с прошлого века во всякой учебной исторической книжке![405]
>
> Вообще читатель видит кое-как египтян, финикиян, греков; но не видит рода человеческого.[406]

В 1829 г. вышел первый том «Истории русского народа» Н. Полевого, посвященный «первому историку нашего века» Нибуру. Свой опыт «Истории» Полевой противопоставляет не только труду Карамзина, но и историческим сочинениям «каждого русского историка прошедшего века, от Хилкова до Стриттера»[407]. Как уже было отмечено Тойбиным, Полевой в своей «Истории» попытался «отожествить историю России с историей Запада и применить к ней формулы французской исторической школы»[408], изложенные, в частности, в «Письмах по истории Франции» О. Тьерри (1827). Это стремление отразилось и на структуре труда: каждому большому разделу о том или ином этапе русской истории предшествовала глава, посвященная европейским событиям того времени – и для этого, как заявляет Полевой в «Предисловии» к первому тому «Истории русского народа», был свой резон:

> Необходимость рассматривать события русские в связи с событиями других государств заставляла меня вносить <…> подробности, не прямо к России относящиеся; повторяю: это было необходимо. Дела из истории греческой, польской, венгерской, монгольской, турецкой, шведской, истории Европы вообще, особенно XVIII-го и XIX-го века, поясняют нашу историю; рассказывая их, историк как будто поднимает завесы, которыми отделяется позорище действий в России, и читатель видит перед собою перспективы всеобщей истории народов, видит, как действия

---

[404] Там же. Ч. 6. № 18. С. 50—71. Подпись: М. П.
[405] Там же. С. 51.
[406] Там же. С. 63.
[407] *Полевой Н. А.*. История русского народа. М., 1829. Т. 1. С. 32.
[408] *Тойбин И. М.* Пушкин и философско-историческая мысль в России на рубеже 1820 и 1830 годов. С.71.

на Руси, по видимому отдельные, были следствиями или причинами событий, в других странах совершившихся.[409]

Этот вызов Карамзину стал предметом язвительной критики[410]. Самый известный отзыв на первый том «Истории русского народа» принадлежит Пушкину, поместившему на страницах «Литературной газеты» две статьи[411] и остроумную заметку «Англия есть отечество карикатуры…»[412]. Труд Полевого, в котором Пушкин увидел самонадеянное «желание отличиться от Карамзина», был не единожды назван пародией – как на историографию Гизо и Тьерри[413], так и на «Историю государства российского» Карамзина[414]. В черновике статьи «<О втором томе “Истории русского народа” Полевого>» Пушкин несколько смягчил резкость своих оценок[415], но продолжал настаивать не только на невозможности спроецировать методы европейской историографии на материал русской истории, но и на невозможности найти универсальные законы всеобщей истории:

---

[409] *Полевой Н. А*. История русского народа. Т. 1. С. 45.

[410] См., например, отрицательный отзыв Погодина в «Московском вестнике» (1830. Ч. 1. № 2) и в ч. 3 № 11 того же журнала за тот же год – отрицательный отзыв С. Т. Аксакова (подпись: 200-1); о других отзывах см.: *Ларионова Е. О.* Полевой, Николай Алексеевич // Русские писатели: 1800–1917. Библиографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 35.

[411] Литературная газета. 1830. № 4, 10 января, отдел «Библиография», подпись: Р; № 12, 25 февраля, отдел «Библиография», без подписи.

[412] Литературная газета, 1830. № 12, 25 февраля, отдел «Смесь», без подписи.

[413] «…г-н Полевой очень забавно пародировал Гизота и Тьерри» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 118); «Г-н Полевой сильно почувствовал достоинства Баранта и Тьерри и принял их образ мнений с неограниченным энтузиазмом молодого неофита» (Там же. С. 121). Похожую оценку дал этому труду и Шевырев в своем дневнике: «В книге его вы увидите, что он схватил все мнения новые: он бредит и Шеллингом, и Шлегелем, и Гердером, и Гереном, Нибуром; он говорит о Деппинге, Тиерри, Клапроте, Ремюза – и ничего не прочел порядочно. Везде лак, везде наружность, но внутри невежество темное» (*Шевырев С. П.* Дневник / Публ., подгот. текста, коммент. М. И. Медового // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. 2000. Vol. 3. № 3. С. 208; запись от 19 октября 1830 г.).

[414] «…и как заглавие его книги есть не что иное, как пустая пародия заглавия “Истории государства российского”, так и рассказ г-н Полевого слишком часто не что иное, как пародия рассказа историографа» (*Пушкин А. С*. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 121).

[415] «Несмотря на сии недостатки “Ист<ория> русск<ого> нар<ода>” заслуживала внимания по многим остроумным замечаниям <…> по своей живости, хоть и неправильной, по взгляду и по воззрению недальному и часто неверному, но вообще новому и достойному критических исследований. Второй том, ныне вышедший из печати, имеет, по нашему мнению, большое преимущество перед первым» (Там же. С. 125); «Самый рассказ не есть уже пародия рассказа К<арамзина>, но нечто собственно принадлежащее г. П<олевому> <…> Г. Полевой предчувствует присутствие истины, но не умеет ее отыскать и вьется около» (Там же. С. 126).

> Вы поняли великое достоинство фр<анцузского> историка <Гизо. – *А. П.*>. Поймите же и то, что Россия никогда не имела ничего общего с остальною Европою; что история ее требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенных Гизотом из истории християнского Запада. – Не говорите: иначе нельзя было быть. Коли было бы это правда, то историк был бы астроном, и события жизни человеч<ества> были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но провидение не алгебра. Ум ч<еловеческий>, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из оного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть случая – мощного, мгновенного орудия провидения. Один из остроумнейших людей XVIII ст<олетия> предсказал Камеру ф<ранцузских> депутатов и могущественное развитие <?> России, но никто не предсказал ни Нап<олеона>, ни Полиньяка.[416]

Несмотря на такое скептичное отношение первых читателей к «Истории русского народа» Полевого, Бестужева, кажется, незнакомого с приведенными выше отзывами, этот труд не только привел в восторг, но даже послужил поводом возобновления отношений с братьями Полевыми. Об этом мы знаем из «Предисловия» к письмам Бестужева к ним, которые, напомним, были опубликованы К. А. Полевым на страницах «Русского вестника»:

> Душевно скорбя о нем <Бестужеве. – *А. П.*>, мы даже не знали, где он находился до 1831 года. Между тем «Московский Телеграф» существовал уже шесть лет, и были изданы первые тома «Истории русского народа». В это-то время Н<иколай>. А.<Алексеевич Полевой. – *А. П.*> получил по почте первое письмо от Бестужева из Дербента. К величайшему моему сожалению, именно это письмо, которое могло бы служить ключом ко всем следующим, затерялось, и я должен изложить здесь главное содержание его, очень памятное мне. Бестужев начинал его, говоря, что почитал бы себя недостойным имени русского, если бы не отдавал справедливости издателю «Московского Телеграфа», распространяющего так много новых светлых и полезных идей и сведений, и не сочувствовал автору «Истории русского народа», *первой попытки создать истинную русскую историю.* Распространившись по-своему о достоинстве трудов и сочинений Ник<олая>. Ал<ексеевича>ча, Бестужев прибавлял, что похвалы его беспристрастны, потому что он, в своем положении, «непораним» (именно его выражение) для критики, и его мнение не есть корыстное задобривание журналиста в пользу своих сочинений. Примите выражение его как долг с моей стороны, говорил он, тем более обязательный, что по последним литературным сношениям вы могли почитать меня неприязненным к себе. Будьте же уверены в моем искреннем уважении к вам и утешьте в ответе, что я так же не потерял

[416] Там же. С. 127.

> вашего уважения и сочувствия. В заключение он вызывался прислать несколько своих сочинений для напечатания в «Телеграфе» и упоминал, что писать к нему можно прямо в Дербент, на его имя.[417]

Сохранилось письмо Н. А. Полевого от 20 декабря 1830 г., в котором он, помимо всего прочего, обращается к Бестужеву как к своему союзнику и противнику Карамзина:

> Как скоро почтамт станет принимать посылки, отправлю к вам мою «Историю», которой 3-го тома за холерою не мог я ныне достать: все болело, бежало, не работало. В будущем году надеюсь выдать пять или шесть томов, ибо остальные, думаю, затруднятся разными обстоятельствами. Мы живем в исторические годы, и цензора наши страх как не любят таких годов. Чем ближе к новому, тем труднее писать. Но – испытаем. Помню, что Вы разгадывали и прежде Карамзина[418]! *Его* время прошло без возврата. *Слов* становится недостаточно, надобны *мысли*. Вы не поверите, как Карамзин и все карамзинское ныне упало. Может быть, мы вытягиваемся на цыпочки – все однакож лучше, нежели сгибаться, чтобы уравнять себя с пигмеями.[419]

Самую высокую оценку труда Полевого, каждый том которого он с нетерпением ждал, а после делился в письмах своими впечатлениями от прочитанного[420], Бестужев повторил спустя несколько лет, и уже публично, в статье, посвященной «Клятве при гробе господнем», в которой он противопоставил «Историю русского народа» «Истории государства Российского»:

> …Н. Полевой <…> сводил нас не на шапочное знакомство, а на приязнь с европейцами, – Полевой издал три тома «Истории русского народа». То уже не был златопернатый рассказ Карамзина, но повествование, пернатое светлыми идеями. Не из толпы и не с приходской колокольни смотрел он на торжественный ход веков, но с

---

[417] Русский вестник. 1861. № 3. С. 286. Курсив мой – *А. П.*

[418] Возможно, Н. Полевой имеет в виду «Взгляд на старую и новую словесность в России», в котором Бестужев, отдавая должное Карамзину-писателю, довольно сдержанно отозвался об «Истории государства российского»: «Время рассудит Карамзина как историка» (*Бестужев-Марлинский А. А.* Соч. Т. 2. С. 381).

[419] *Полевой Н. А.* Избранные произведения и письма. Л., 1986. С. 503.

[420] См., например, письма Бестужева к братьям Николаю и Михаилу от 12 февраля 1831 г. (Русский вестник. 1870. № 6. С. 509), к Н. А. Полевому от 9 июня 1831 г. (*Бестужев-Марлинский А. А.* Кавказские повести. С. 503), к нему же от 13 августа 1831 г. (Русский вестник. 1861. № 3. С. 303–304), к брату Павлу от 19 октября 1833 г. (Отечественные записки. 1860. № 6. С. 326), к К. А. Полевому от 2 ноября 1833 г. (Русское обозрение. 1894. Т. 29. №10. С. 830).

> выси гор. Взор его проникал в сердце народов, обнимал все ристалище человечества <…> Напутствуемый Барантом, Тьерри, Нибуром, Савиньи, он дорывался смыслу не в словах, а в событиях, решал не по замыслам, а по следствиям – словом, подарил нас начатками истории, достойной своего века.[421]

То же противопоставление можно встретить и в личной переписке, где оценки Бестужева еще более резки и желчны – а порой он и вовсе переходил на личности, вызывая недоумение у своих корреспондентов:

> Никогда не любил я бабушку Карамзина, человека без всякой философии, который писал свою историю страница за страницей, не думая о будущей и не справляясь с предыдущей. Он был пустозвон красноречивый, трудолюбивый, мелочной, скрывавший под шумихою сентенций чужих свою собственную ничтожность. Не таков Полевой. Я никогда не ожидал от него столько глубокомыслия и зоркости, столько добросовестности и ясности в изложении. Я бы мог быть предубежден за критику на меня, во многих местах несправедливую; но это самое заставило меня быть беспристрастнее, и я с гордостью указываю на него как на первого дельного русского писателя. Это правда, что его долго не поймут; но тем не менее достоинство его книги от того не умалится.[422]

Но «История русского народа» была не единственным для Бестужева образцом современной историографии – благодаря Полевым был он знаком и с трудами европейский историков. В письме к Н. Полевому от 29 января 1831 г. Бестужев попросил прислать ему «Римскую историю» Нибура[423] – и в скором времени его просьба была выполнена[424], о чем Бестужев сообщил матери в письме от 1 мая 1831 г.:

> К счастью Полевой наслал мне книг, и я разговлялся душевно Нибуром и Гофманом: это два полюса – один философической точности, другой мечтательного сумасбродства – но для освежения ума, для укрыления воображения то и другое необходимо. Сам я был

---

[421] *Бестужев-Марлинский А. А*. Соч. Т. 2. С. 449.

[422] Письмо к матери от 19 января 1831 г. (Русский вестник. 1870. № 6. С. 506–507).

[423] «За предложение насчет комиссий словесных благодарю братски: постарайтесь купить в счет “Историю рим<скую>” Нибура и еще какой-нибудь дельный увраж» (*Бестужев-Марлинский А. А.* Кавказские повести. С. 495).

[424] См. письмо Н. Полевого от 13 марта 1831 г.: «Сегодня, с тяжелою почтою, послал я к вам требуемого *Нибура* (свой экземпляр, ибо его здесь всего раскупили, а из Петербурга ждать было бы долго). К этому присовокупляю 6 книжек “Revue Française” (это лучший журнал в Европе, его издает Гизо)…» (*Полевой Н. А.* Избранные произведения и письма. С. 505).

> это время под гнетом какой-то стени (кошемара) бездействия – теперь пробуждаюсь.[425]

Об отношении к «Римской истории» говорят досада и раздражение на брата Павла, который с присущей ему беспечностью раздарил всему Кавказу библиотеку брата, с таким трудом им собираемую:

> Начавши ворчаньем, надо продолжать в том же тоне. Я дал тебе книги: ты обещал мне возвратить их скоро; что же вышло? Ты разбросал их по всей дороге от Дербента до Тифлиса. Они, как почтовые лошади, разъезжают от города к городу, возя на себе невежд, которые для того только берут их, чтоб сказать: я читал Нибура, я читал Кювье.[426]

Был знаком Бестужев и с трудами Тьерри. В письме от 22 июня 1832 г. К. А. Полевой сообщал Бестужеву:

> С сею же почтою посылаю к вам <…> «Lettres sur l'Hisroire de France» par A. Tierry <«Письма по истории Франции» О. Тьерри – *фр.*>, сочинение не вчерашнего дня, но, я думаю, новое для вас. Тьери гений и преобразитель французской истории. Брат мой обязан ему многим и обожает его. В этой небольшой книге найдете вы толпу новых идей.[427]

Бестужев книгу оценил, о чем и сообщил в письме к Н. А. Полевому от 1 сентября 1832 г.: «За книги много благодарю; всех более понравилась мне Thierri <так! – *А. П.*> – это Франклин в истории: так же добросовестен, прост и убедителен; у него идеи в фактах»[428].

Взгляды Бестужева на предмет истории и назначение историка нашли свое отражение в «Вадимове». Но «Вадимов» – это прежде всего роман. Поэтому разговор о преломлении в нем историософских идей Бестужева невозможен без обращения к собственно литературному контексту, к спорам вокруг жанра исторического романа.

---

[425] РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед.хр. 12. Л. 124–124 об.
[426] Отечественные записки. 1860. № 6. С. 320–321.
[427] РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 5. Л. 56.
[428] *Бестужев-Марлинский А. А.* Кавказские повести. С. 518.

§ 3. Полемика вокруг «Петра Ивановича Выжигина»; споры об историческом романе начала 1830-х гг.

Как уже отмечалось в научной литературе, на рубеже 1820–1830-х гг., параллельно со спорами о романтизме и классицизме и о новых подходах к историографии велись споры о романе – жанре, которому в классицистических поэтиках отводилось самое незавидное место[429]. Как показал Ю. В. Манн, русские критики в своих наблюдениях продолжали традиции, заложенные эстетиками Шеллинга, Гегеля, Ф. Шлегеля[430]. Начало этих споров принято относить к 1827–1828 гг., когда на страницах «Московского вестника» появились статьи Титова и Шевырева (еще раньше, в 1825 г., проблемы романа коснулся Галич в «Опыте науки изящного»). Позднее спор был подхвачен Пушкиным, а в начале 1830-х гг. началась ожесточенная полемика между «Телескопом» и «Московским телеграфом», посвященная судьбе русского исторического романа, к которой в 1833 г. присоединился и Бестужев в своей статье, посвященной разбору романа Н. Полевого «Клятва при гробе Господнем». В рамках данной работы формирование русских представлений о жанре романа во всей полноте описано не будет – тем более, что по понятным причинам многое из споров вокруг этого жанра было Бестужеву или неизвестно вовсе, или известно только понаслышке. Реконструируя представления писателя о специфике исторического романа, мы коснемся лишь той части полемики, которая связана с одним из эпизодов творческой истории «Вадимова».

В рукописи главы «Осада» подполковник Винградов, вспоминая Бородинское сражение, с раздражением упоминает роман Ф. В. Булгарина «Петр Иванович Выжигин», вышедший в Петербурге 1831 г.: «Я бесился когда

---

[429] См.: *Манн Ю. В*. Русская философская эстетика. М., 1998. С. 313–321; *Морозов В. Д.* «Московский вестник» и его роль в развитии русской критики. Новосибирск, 1990. С. 166–178.

[430] *Манн Ю. В*. Русская философская эстетика. С. 313.

нашел в Выжигине описание этой ночи – автор говорит что все готов<ились><?> радостн<о> в бо<й>, что в стане слыш<али>сь<?> песни и клики – это<?> горькая неправда... Только однажды во всю мою служ<бу><?> видел я бивачны<е> огни без солдатских игор, только однажды лагерь был погруже<н> в смертную тишину – и это было в ночь Бородинскую»[431].

В печатном тексте главы прямое указание на роман исчезло – но, кажется, Бестужев сохранил намек на Булгарина – «не русского», чье участие в событиях 1812 г. носило двусмысленный характер:

> Я бесился, читая в некоторых романах и журналах описания Бородинской ночи: слушать их, так у нас в лагере был тогда чуть не пир горой! и песни да шутки, и смехи да потехи!! Писали это или не русские, или не очевидцы, или какие-нибудь дутики, лишенные всякой наблюдательности, которые грелись тогда не у бивачного огня, а у генеральского самовара; люди, которые даже из крови умеют пускать мыльные пузыри, надутые пошлыми газетными восклицаниями. Неправда ж, горькая неправда, будто мы тогда радовались.[432]

С романом «Петр Иванович Выжигин» Бестужев был знаком – и остался им недоволен[433]. Но если мы обратимся к тексту романа, то легко убедимся в том, что претензии к Булгарину не вполне справедливы. Несмотря на то, что он описывает царившее в рядах русской армии торжественно-радостное настроение, никаких деталей вроде «песен да шуток» или «пира горой» в его тексте нет.

> Ярко пылали огни в русском лагере, образуя светлую дугу по полям и холмам Бородинским. Французские огни блистали слабым, неровным светом. Бивачные огни суть верное изображение духа войска. В радости, в надежде огни пылают ярко, в сомнении и горести воин ищет мрака.[434]
>
> День, предшествовавший Бородинскому сражению, был днем тожества в русском лагере. Относя к Богу все успехи, и от Бога ожидая спасения отечества, русский вождь повелел совершить молебствие на том поле,

---

[431] РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 7. Л. 91.

[432] Московский телеграф. 1834. Ч. 55. № 2. С. 228.

[433] См. письмо Бестужева к Н. А. Полевому от 9 июня 1831: «…получил *Петра Ивановича*; грызу <…> и не варится в желудке» (*Бестужев-Марлинский А. А*. Кавказские повести. С. 503).

[434] *Булгарин Ф. В*. Петр Иванович Выжигин, нравоописательный исторический роман XIX века. СПб., 1831. Ч. 3. С. 104–105.

которое долженствовало быть незабвенным памятником славы русских воинов, и для многих из них могилою <...> В душе каждого воина, чувство благоговения к Всевышнему и надежда на святое его Провидение заглушали все земные помыслы <...> Русские солдаты, уверенные в победе, под начальством любимого вождя, единодушно отвечали: рады умереть![435]

По-видимому, суть этого литературного спора не сводится к описанию ночи перед Бородинским сражением.

Выход в 1829 г. «Ивана Выжигина» стал явлением небывалым. С одной стороны, роман имел феноменальный успех у массового читателя, на которого Булгарин, как уже было давно отмечено, совершенно сознательно ориентировался[436]. О популярности «Ивана Выжигина» у самой невзыскательной публики упоминалась – правда, не в качестве комплимента – едва ли не в каждой рецензии на роман:

Что есть люди, которые читают «Выжигина» с удовольствием и, следовательно, с пользою, это доказывается тем, что «Выжигин» расходится. Но где же эти люди, спросят меня. Мы не видим их точно так же, как и тех, которые наслаждаются «Сонником» и книгою «О клопах»; но они есть, ибо и «Сонник», и «Выжигин», и «О клопах» раскупаются во всех лавках.[437]

Трудно найти критика, который был бы настроен по отношению к роману хотя бы в самой малой степени доброжелательно. «Пустота, безвкусие, бездушность, нравственные сентенции, выбранные из детских прописей,

---

[435] Там же. С. 122–123.

[436] См.: *Рейтблат А. И.* Булгарин и его читатели // *Рейтблат А. И.* Фаддей Венедиктович Булгарин: Идеолог, журналист, консультант секретной полиции. М., 2016. С. 117–121.

[437] *Киреевский И. В.* Обозрение русской словесности на 1829 год // Киреевский И. В. Критика и эстетика. С. 78. См. также: *[Полевой Н. А.]* Сочинения Ф. Булгарина. 10 частей. 1827 и 1828 голов; «Иван Выжигин». 4 части, 1829 год. Два издания //Московский телеграф. 1829. Ч. 28. № 13. С. 65; подпись: NN; *Надеждин Н. И.* «Иван Выжигин», нравственно-сатирический роман (сочинение Фаддея Булгарина IV части, СПб., в типографии вдовы Плюшар, 1829) // Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 86 (впервые: Вестник Европы. 1829. № 10. С. 114–133; № 11. С. 197–228). Нужно понимать, что рецензенты из стремления уколоть Булгарина существенно занижали место читателей его романов в социальной иерархии. Как подчеркивает А. И. Рейтблат, для социальных низов, которые упоминаются в указанных отзывах, роман Булгарина был слишком сложен – и основным читателем «Ивана Выжигина» были скорее мелкие чиновники, купцы, мещане и провинциальное дворянство; впрочем, поклонников творчества Булгарина можно было найти и среди людей действительно образованных (см.: *Рейтблат А. И.* Булгарин и его читатели. С. 113–119).

неверность описания, приторность шуток – вот качества сего сочинения…»[438] – такова типовая характеристика «Ивана Выжигина» [439].

Но если «Иван Выжигин» был образцом романа авантюрного, плутовского, то в новом романе Булгарин попытался переплести любовно-авантюрную линию с линией исторической, а жанр произведения определил как «нравоописательный исторический роман», о чем обстоятельно рассказал в предисловии:

> Я потому назвал роман мой *историческим*, что в нем помещено несколько истинных событий из Отечественной войны, выведено на сцену несколько исторических лиц, и речи их выписаны из современных записок и актов с дипломатической точностью. Все, что говорят в романе Наполеон и его приближенные не вымышлено мною, но почерпнуто из сочинений, на которые я ссылаюсь. Я дал только разговорную форму речам.
>
> Толки французов и русского народа вообще суть верный отпечаток мыслей тогдашнего времени, и заимствованы мною из рассказов очевидных свидетелей.
>
> Почитая неприличным и несообразным с достоинством современной истории выводить в романе на сцену русских героев 1812 года, в столь близкое от Отечественной войны время, я упоминал об них только в рассказах, заставляя вымышленные лица повторять то, что говорили знаменитые мужи Отечественной войны, и описывать их подвиги, – но не смел заставить их самих говорить и действовать. – Впрочем война 1812 года в моем романе есть только эпизод, а сам роман *нравоописательный*.[440]

Но, несмотря на все оговорки, именно историческая часть вызвала сомнения – в том числе и у Бестужева. Кроме реплики в адрес Булгарина, которая звучит из уст героя «Осады», нам известно еще несколько отзывов Бестужева на этот роман. Своими впечатлениями от романов Булгарина, в том числе – и «Петра Ивановича Выжигина», он поделился в письме к Полевому от 29 января 1831 г. Судя по письму, Бестужева более всего возмущает интерпретация событий 1812 г., данная Булгариным, их фактографическая несообразность: «Наполеон, обманутый рассказами своих агентов, идет на Россию – какая нелепая мысль! Если бы Россия была в пять раз сильнее, чем

---

[438] *Киреевский И. В*. Обозрение русской словесности на 1829 год. С. 78.
[439] См.: *Рейтблат А. И*. Булгарин и его читатели. С. 112–113.
[440] *Булгарин Ф. В*. Петр Иванович Выжигин, нравоописательный исторический роман XIX века. СПб, 1831. Ч. 1. С. 1–2.

она была, Наполеон пошел бы на нее тем охотнее: он не терпел совместничества, и чем труднее успех, тем лестнее была для него победа. Если б он верил, что Россию можно завоевать своими светлыми очами, он не двинул бы на нее всей Европы»[441].

Упоминает Бестужев «Петра Ивановича Выжигина» и в рецензии на «Клятву при гробе Господнем». Находя добрые слова для Булгарина («…романы Булгарина в частностях носят отпечаток даровитого юмора, и многие из лиц его обратились в пословицу. Мы обязаны ему благодарностию за пробуждение в русских охоты к родным историческим романам. Он первый прошел по скользкому льду…»[442]), критик тем не менее замечает, отчасти повторяя упреки, высказанные в письме к Полевому:

> В «Петре Ивановиче Выжигине» историческая часть и вовсе чахоточна. Уверять, что Наполеон пошел на Россию, обманутый Коленкуром, будто его примут с отверстыми объятиями, можно было в 1812 году, не позже; да и тогда слухам этим верили только на гостином дворе. В подобном тоне писаны почти все портретные сцены с Наполеоном, а Наполеон занимает в «Выжигине» более места, чем сам герой повести. Русских едва видно, и то они теряются в возгласах или впадают в карикатуру.[443]

Следом за этим лаконичным отзывом следует разбор исторических романов М. Н. Загоскина: «Неужели три-четыре черты могут составить картину? Неужели пара помещиков, да пары две офицеров, да один уголок траншеи под Данцигом могут дать полное понятие о русских, о войне громового 1812 года? Помилуй бог!»[444].

Как кажется, эти критические отклики объединяет с гневной репликой Винградова, адресованной «не русским» или «дутикам», «лишенным всякой наблюдательности», общая мысль о неверном изображении русского народа. Историческая линия в романе Булгарина названа «чахоточной», вероятно, не только из-за неверной интерпретации тех или иных событий, но и потому, что

---

[441] *Бестужев-Марлинский А. А*. Кавказские повести. С. 494.
[442] *Бестужев-Марлинский А. А.* Соч. Т. 2. С. 448.
[443] Там же.
[444] Там же.

«русских едва видно». Бестужев считает, что портрет Наполеона составляет для романиста гораздо больший интерес, чем изображение русской армии. Не дает представления о русских и автор «Рославлева», который, сосредоточившись на малозначительных частностях, не смог создать общую картину. Реплика Винградова, собственно, объединяет эти два упрека (не потому ли в печатном варианте Бестужев отказался от упоминания «Петра Ивановича Выжигина», заменив его на «некоторые романы и журналы»?). Возмутившие Винградова пирушки накануне Бородинского сражения – такая же малозначительная подробность, как описание траншеи под Данцигом, то и другое совершенно не отражает общей картины и общего настроения, а только ее искажает.

После выхода «Петра Ивановича Выжигина» в № 6 «Московского телеграфа» на 1831 г. появился разбор Н. Полевого, в котором критик ставит вопрос: «…отдал ли сочинитель себе отчет в сущности романа, коего содержание взято из истории?»[445] – и отвечает на него отрицательно.

По представлению Полевого, существует две формы романного описания истории. Первый тип – изображение «большой» истории, которая складывается из частностей, «исчезающих в общем»[446]. В качестве примеров такого рода текста он приводит, с одной стороны, «записки о современной истории (memoires)», знакомящие читателя с «лицами и картинами»; с другой – говорит о романе, подобном «Дону Алонзо» Н.-А. Сальванди, где через «*исполинские образы* главных действователей и из сближения дел и людей» автор выводит «черты, которые не всегда сказывает, не всегда и замечает история», не забывая при этом изобразить «местность и общий характер событий» [447].

Второй тип (по представлениям Полевого, менее удачный, но все-таки имеющий право на существование) – описание частной истории вымышленных персонажей, при котором «большая» история становится лишь фоном, декорациями, «отблеском» (в качестве примера Полевой приводит роман

[445] Московский телеграф. 1831. Ч. 38. № 6. С. 232.
[446] Там же. С. 233.
[447] Там же. С. 232; курсив мой. – *А. П.*

Вальтера Скотта «Эдинбургская тюрьма»). Рецензент подчеркивает, что в этом случае романист не должен включать «огромных исторических действователей в <…> тесную раму бедного, мелкого мира, где была буря в стакане воды, когда в то же время пламенел горизонт целого государства или государств от пожара, рушившего царства и изменившего судьбы народов!»[448].

Ошибка Булгарина, по мнению Полевого, состоит в том, что он попытался с одинаковой степенью подробности изобразить события Отечественной войны и любовные похождения Петра Выжигина:

> Он хотел притом непременно вместить в одно и то же сочинение – и картины нравов, и события исполинского 1812 года, и любовные похождения героев романа, и великие исторические лица! Вышла такая смесь, что читаете и изумляетесь намерению автора! <…> Всего несообразнее то, что весь 1812 год вмещен в роман, со всеми его ужасами и чудесами (по крайней мере автор старался об этом), и эти чудеса истории перепутаны с мелкими приключениями двух любовников. От сего являются в романе два главные героя: *Наполеон* и *Петр Иванович Выжигин!* Они идут рука об руку, не могут расстаться и заставляют нас дивиться тому, как не усмотрел этой несообразности сочинитель![449]

Нет сомнений в том, что Бестужев читал эту рецензию Н. Полевого; кроме того, с большой долей вероятности он был знаком с другим откликом на роман Булгарина – статьей «П. И. Выжигин и Рославлев. Несколько замечаний», автором которой был Н. И. Надеждин, редактор «Телескопа»[450] и главный оппонент «Московского телеграфа».

Как и Полевой, Надеждин в своей рецензии пытается дать определение историческому роману и приходит к выводу, что он представляет собой синтез эпопеи и драмы (исторический роман – «это *драма в эпосе*» [451]); предметом же

---

[448] Там же. С. 233.

[449] Там же. С. 233–234.

[450] О знакомстве с журналом Надеждина свидетельствует следующая реплика Бестужева в письме к Н. А. Полевому от 26 сентября 1831 г.: «Недавно я читал “Телескоп”, в нем есть дельные статьи, но этот грязный дух партий, в нем главенствующий, несносен» (*Бестужев-Марлинский А. А*. Кавказские повести. С. 505).

[451] Телескоп. 1831. Ч. 3. № 11. С. 364. О синтезе разных родов и жанров как о романтическом преодолении строгой классицистической иерархии жанров чуть позже напишет и Н. А. Полевой в статье «О романах Виктора Гюго и вообще о новейших романах»: «…романтизм отвергает все классические условия и формы, смешивает драму с романом, трагедию с

изображения для романа становится не история (задача романиста – не описать историю такою, какая она была на самом деле, а такой, какой она могла бы быть[452]), а жизнь народа и отдельных, самых ярких его представителей.

> Эпопея *рассказывает* происшествие; драма *представляет в лицах* деяния героев, то, что как бы всплывает над происшествием; роман, и преимущественно *исторический*, заставляет народ, в лице нескольких его членов, представителей толпы, действовать <…> В эпопее герои только представляют народ: они его орудие и исполнители; в драме герои выступают из среды оного, суть самодержавные вожди его; в романе *историческом* – народ есть все <…> самые герои становятся лишь согражданами, более или менее возвышающимися над толпою, но не управляющими ею. Если сравнить сии роды поэзии с историей, из коей они заимствуют содержание, то найдем, что эпопея соответствует истории народа в его правителях, государях; драма – биографии великих людей; роман – той же историей народа, <…> в которой представляются не одни государи, не одни вожди, не одни войны и перемирия, но где народ идет вровень со своими представителями… [453]

Оценивая «Петра Ивановича Выжигина» и «Рославлева» в свете этого определения, Надеждин приходит к выводу, что ни то, ни другое произведение нельзя назвать историческим романом в точном смысле слова. В романе Булгарина Надеждин, как и Полевой, находит неудачным совмещение двух линий, мало связанных между собой: «Сцены *исторические*, или вообще все, что относится к войне 1812-го года, так резко отделяется от всего остального – *нравоописательного*, как масло от воды»[454]. Но сцены и зарисовки из народной жизни, все то, что романист видел и слышал сам, удаются Булгарину хорошо – поэтому в конце разбора «Петра Ивановича Выжигина» рецензент советует автору бросить писать «полуисторические» и «полувымышленные» романы, а приняться за «исторические сцены» (ср. с «memoires», упомянутыми в рецензии

комедиею, историю с поэзиею, делит творения, как ему угодно, и свободно создает по неизменным законам духа человеческого» (Московский телеграф. 1832. Ч. 43. № 3. С. 372).

[452] Телескоп. 1831. Ч. 3. № 11. С. 366.

[453] Там же. С. 363–364. Ср. с определением романов Вальтера Скотта, данного Полевым в статье «О романах Виктора Гюго и вообще о новейших романах»: «Человек как он есть; роман как изображение того, что допускает возможным история; верное изображение народности; местная декорация нравов и обычаев – вот основание романов В. Скотта» (Московский телеграф. 1832. Ч. 43. № 2. С. 233).

[454] Телескоп. 1831. Ч. 3. № 11. С. 357.

Полевого), в которых Булгарину удастся в полной мере реализовать свой талант.

Похожие претензии предъявляет Надеждин и к роману Загоскина. Как и в «Петре Ивановиче Выжигине», в «Рославлеве» «интерес разрывается между историей и вымыслом», но у Загоскина оказываются друг другу противопоставлены народ и главный герой романа, с которым связано развитие интриги. Как и Булгарин, Загоскин смог мастерски изобразить жанровые и бытовые сцены, в них действительно проглядывает народный дух (тезис, с которым, очевидно, не согласился бы Бестужев) – но цельной картины не получилось: «Вышел роман, прекрасный в частях, но неудачный в целом <…> “Рославлев” походит на картинную галерею фламандской школы: здесь видишь внутренность таверны, там псовую охоту, здесь битву, там портрет, время от времени мелькают очерки исторических картин, или ветхая церковь в бурную ночь, или город, объятый пламенем»[455].

Но, несмотря на внешнее сходство этих рецензий (прежде всего – в оценке конкретных текстов), обращение к другим статьям Полевого и Надеждина показывает, что критики совершенно не совпадали в одном очень важном пункте – в вопросе о том, можно ли вообще написать хороший роман на материале русской истории. Ответ на этот вопрос связан с пониманием того, как русская история соотносится с историей всеобщей – а Полевой и Надеждин понимали это по-разному.

Надеждину, как человеку своего времени, не была чужда идея о единстве законов развития истории[456]. Но смотря на прошлое России сквозь призму романтической историографии и пытаясь описать ее через историко-философские категории немецкого идеализма, Надеждин приходит к неутешительному выводу: Россия, чье историческое бытие началось только с Петровской эпохи, пока не в состоянии вписаться в мировое поступательное движение истории. Поэтому русский народ, в отличие народов Древнего

[455] Там же. С. 370.
[456] См.: *Манн Ю. В*. Русская философская эстетика. С. 96–97, 319–320.

Востока, Древней Греции и европейских стран не является «представителем всемирной жизни». Эта мысль звучит не в одной статье Надеждина 1831 г. Так, например, этот тезис встречается в большой статье «Современное направление просвещения», появившейся в № 1 журнала «Телескоп» на 1831 г., в которой Надеждин берется описать через историю просвещения едва ли не историю всего человечества. Но, по представлению Надеждина, России едва ли найдется место в этой истории: «Наше Отечество совсем недавно привилось к живому организму Европы; и посему просвещению еще некогда было <…> разростись и вызреть»[457]. Впрочем, в скором успехе русского просвещения у автора статьи нет никаких сомнений – но и обосновывает этот успех он тоже весьма симптоматично («Скажем смело: если мы не имеем прошедшего, коим бы могли гордиться, то будущность для нас более чем утешительна»[458]). Позднее Надеждин, разбирая новейшие исторические романы – «Клятву при гробе господнем» Н. А. Полевого, «Последний Новик» И. И. Лажечникова, «Стрельцов» К. П. Масальского и «Шемякин суд» П. П. Свиньина, – сравнит историю России до XVIII века с внутриутробной жизнью младенца, которая так же мало значит для биографии человека, как несколько веков допетровской Руси для истории человечества[459].

Поэтому Надеждин, говоря о том, что «в русских романах нет “единства живого действия”, “действия и жизни” <…> имеет в виду далеко не только художественные просчеты. Речь идет о недостатке романного содержания, то есть тех начал движения и общественности в национальной жизни, которые порождают роман»[460]. Если вернуться к рецензии на романы Булгарина и Загоскина, то восхищение отдельными картинами, не выстраивающимися в единое целое, в свете представлений Надеждина о малом «романном» потенциале русской истории выглядят закономерным – вероятно, по логике критика, литератору, пытающемуся написать роман на материале русской

[457] Телескоп. 1831. Ч. 1. № 1. С. 40.
[458] Там же.
[459] Телескоп. 1832. Ч. 10. № 14. С. 238.
[460] *Манн Ю. В*. Русская философская эстетика. С. 320.

истории, скорее всего, придется остаться в рамках такого жанра, как «исторические сцены».

Кажется, не должно быть сомнений в том, что именно в адрес Надеждина адресована реплика в рецензии Бестужева на роман Полевого: «Мысль <написать «Клятву при гробе господнем»> была счастливая. Элементов (не скажу – материала) для воплощения этой мысли – множество, вопреки мнению многих грамотеев наших, будто создание романа, или живопись исторических сцен, на Руси невозможны»[461]. Аргументы, которые приводит Бестужев, оказываются близки описанным выше историософским рассуждениям Н. Полевого:

> Мы видели, как всякое событие давало свою собственную грань и характерам, и словесностям народов; ужели ж мы одни даром прожили века? Ужели роковые перевороты над нами таяли, как вешние снега, бесследно? Или князья наши не имеют никакой занимательности оттого, что они читали «Отче наш», а не «Pater noster»? оттого, что жили в деревянных дворцах, а не в плитных замках? Или крестьяне наше были животнее европейских рабов, робче их, беднее их? Я думаю вовсе напротив. Русь была отчуждена от Европы, не от человечества, и оно при подобных европейских обстоятельствах выражалось подобными же переворотами. За исключением крестовых походов и реформации, чего у нас не было, что было в Европе?[462]

Напомним, что Полевой, в отличие от Надеждина, считал русскую историю частью истории европейской. Исходя из этой предпосылки, он пишет сначала «Историю русского народа», а потом на материале русской истории XV в. – собственный роман «Клятва при гробе Господнем». И, думается, Полевой не случайно, говоря о романе Булгарина, судит его по «европейской» мерке, приводя в качестве жанровых образцов «Жилбаза революции» Пикара, «Дона Алонзо» Сальванди и «Эдинбургскую тюрьму» Вальтера Скотта.

Но вернемся к Бестужеву: необходимо понять, чем для него самого был исторический роман, и как его представление об этом жанре соотносится, с

---

[461] *Бестужев-Марлинский А. А.* Соч. Т. 2. С. 450
[462] Там же.

одной стороны, с оценкой романа Булгарина, с другой, – с его собственным романом.

Чтобы ответить на этот вопрос, остановимся на одном критическом наброске писателя, вероятно, предшествовавшем статье 1833 г. и до сих пор не привлекавшем серьезного исследовательского внимания. Речь идет о «<Мыслях и заметках>», впервые опубликованных Л. Г. Фризманом в 1978 г.[463] и датируемых им концом 1820–началом 1830-х гг. Чуть больше трети этого небольшого текста, отдельные части которого мало друг с другом связаны, посвящено рассуждениям об историческом романе. Позволим себе привести целиком соответствующий фрагмент этого наброска:

> Господин К. строит свое верование на острие шутки. Исторический роман называет он…
>
> Но это верование и эта шутка вовсе не нова, ново только примечание. Точно то же и точно так же говорили о смешении трагедии с комедиею в драме, но драма, несмотря на это, живет себе и проживет еще веки, посмеиваясь сквозь слезы. А в доказательство, что она не ублюдок, не туман, она дает потомство, которое не прекратится до тех пор, покуда у гениев будет душа, а у зрителей человеческие сердца. Я полагаю даже, что камень, брошенный в исторический роман, летит не в бровь, а в глаз и драме исторической, потому что и тот, и другая, по мне, есть двуличный Янус – одна и та же мысль, выраженная двояким образом: тут лишь действием, там действием и описанием.
>
> С другой стороны, сама история не что иное как роман. Человеческие страсти и пристрастия всегда переворачивали истину. Один историк верит всему, другой не верит ничему. Тот обманывает с умыслом, этот обманывался ненароком. Из этого выходит, что события или разногласны, или сомнительны, или вовсе ложны. Бросьте же в печку события! Давно сказано «The proper shady of mankind is man»[464], – ищите человека в истории, и если не увидите в авторе минувших веков и вековых людей, зато в самом авторе вы узнаете людей, с кем он жил, узнаете век, в котором он жил.
>
> История любит массы, роман – частности. Неужели же целая масса происшествий и характеров для нас будет мертва оттого, что она прошла. Но расстояние времени? Тогда возьмитесь за настоящее: оно все-таки будет минувшее, когда вы напишите полслова, а как скоро оно впало в прошлое, то для воображения все равно, случилось ли это вчера или двадцать лет назад…[465]

.[463]Литературно-критические работы декабристов. М., 1978. С. 82–84. Автограф наброска хранится в ГАРФ (Ф. 109. 1 экспедиция. Ед. хр. 61. Ч. 53. Л. 88–91).

[464] Истинно загадочное в человечестве – это человек (*англ.*).

[465] Литературно-критические работы декабристов. С. 83–84.

Отвечая на вопрос о том, кто скрыт за криптонимом «К.» и какое определение историческому роману он дает, Л. Г. Фризман в комментариях выдвигает предположение, что это могут быть П. А. Катенин или Н. В. Кукольник: «…можно лишь предположить, что К. был как-то связан с исторической драмой, и этим объясняется полемический выпад Бестужева…»[466]. Думается, ответ на этот вопрос не так уж и важен: как и в случае со статьей «<О романтизме>», этот набросок (по крайней мере первая его часть) представляет собой конспект общих мест, связанных с полемикой вокруг исторического романа. Мысль о синтетической природе романа и драмы звучала, если говорить о доступных Бестужеву источниках, и в уже упомянутой выше статье Надеждина о романах Булгарина и Загоскина, и в статье его оппонента Н. Полевого «О романах Виктора Гюго и вообще новейших романах», причем и Полевой, и Надеждин в данном случае в свою очередь повторяли далеко не впервые высказываемую идею.

Более интересной представляется вторая часть наброска, в которой Бестужев, кажется, расходится не только с Надеждиным, но и со своим союзником Полевым. Если Надеждин и Полевой противопоставляют историю и роман, то Бестужев ставит знак равенства между этими двумя способами воплощения прошлого: и историография, и художественный текст становятся для него плодом воображения, бессознательного, осознанного или вынужденного. Уже это дает нам понять, что задуманный им собственный роман должен был в корне отличаться от романа Полевого, который он сам называл «былью», подчеркивая тем самым собственную верность исторической правде. «Бросьте же в печку события!» – говорит автор наброска, для которого предметом романа – даже романа исторического – не является история сама по себе. Здесь нельзя не вспомнить тезис Бестужева, выдвинутый им еще в 1820-е гг. в статье, которая, казалось бы, не имеет никакого отношения к спорам о романе начала 1830-х гг. Речь идет о статье «<Ливония>», о которой мы

[466] Там же. С. 316.

упоминали в первой главе работы. Напомним, что в этой ранней статье Бестужев говорил о том, что история Ливонии важна и интересна ему именно как материал для «романтических и романических забав». Но как понятно по наброску «<Мысли и заметки>», даже спустя едва ли не десять лет Бестужев, переживший увлечение историографий, не отошел от своих прежних позиций[467].

Если в рецензии на «Петра Ивановича Выжигина» Полевой говорит, что в историческом романе частности «исчезают в общем», то Бестужев в «<Мыслях и заметках>» утверждает обратное: «История любит массы, роман – частности». Поэтому, думается, не случайно главным предметом романа (в том числе романа исторического) становится для Бестужева человек – причем человек не исторический, не «вековой». Видимо, именно таким героем должен был стать Вадимов – преждевременно умерший поэт, вымышленный герой, которого, если пользоваться терминологией Полевого, нельзя назвать «исполинским», но который должен был иметь свою собственную, «неисторическую» историю – историю любовную (глава «Свидание»). Таким образом, «Вадимов», с одной стороны, как будто тяготеет к совмещению двух типов романа, описанных Полевым в рецензии на «Петра Ивановича Выжигина», с другой – неожиданно сближается с нравоописательным историческим романом Булгарина, который строится тоже по схеме «частный человек на фоне Большой истории». Если вспомнить отзывы Бестужева на «Выжигина», это не покажется таким уж и неожиданным: в отличие от Полевого или Надеждина, Бестужева, кажется, действительно не смущало совмещение частной истории с историей большой – и, вероятно, «Вадимов» должен был стать новой попыткой эти линии совместить.

---

[467] Впрочем, этому отказу от романа в духе «Клятвы при гробе господнем» можно найти другое, более прозаическое объяснение: у Бестужева, тянувшего солдатскую лямку на Кавказе, просто не хватило бы материалов для написания в точном смысле исторического романа. В письме к братьям Николаю и Михаилу от 27 декабря 1830 г. он признается: «Мне хотелось бы написать роман, но вовсе нет средств. Для этого нужны топографические карты, летописи и то, и другое, и третье, здесь нет ничего, даже досуга» (*Бестужев-Марлинский А. А*. Кавказские повести. С. 492).

Между тем Бестужев отнюдь не ставил свой роман на тот же уровень, что и романы Булгарина. В цитированном уже письме к К Полевому от 9 марта 1833 г., где говорится о скорой присылке отрывка из романа, который не будет понят и оценен современниками, Бестужев сравнивает себя с Булгариным – и не в пользу последнего: «Пускай себе Фаддей пишет для людей-ровестников – надобно подумать, что у нас под боком Европа, а под носом потомство»[468].

Возможно, свой собственный и более «европейский» роман Бестужев ставил выше романов Булгарина, потому что собирался не только изобразить в нем жизнь частного человека на фоне «большой истории», но и проиллюстрировать историософский тезис об универсальности законов истории и включенности русской истории во всемирную, тем самым показав ошибочность взглядов Надеждина и на прошлое России, и на русский роман.

Разговор о взглядах Бестужева на исторический роман нельзя завершить, не сказав о его отношении к творчеству Вальтера Скотта.

Едва ли не в каждой критической статье 1820 – начала 1830-х гг., посвященной жанру романа, непременно встречается имя «шотландского чародея»[469]. Главной заслугой В. Скотта и с точки зрения критиков, и по его собственному мнению, высказанному во вступлении к роману «Уэверли», стало открытие нового типа героя. Этот герой «обычно не связан ни с одной из враждующих сторон и в схватке религиозных, политических или национальных групп оказывается наивным простаком, не имеющим определенных убеждений <…> он не закреплен за отдельным лагерем, но обладает большой подвижностью и свободно перемещается в пространстве романа, отмыкая запертые для других двери и проходя сквозь идеологические перегородки. Он смотрит на исторические события со стороны, с точки зрения “неангажированного” частного лица»[470]. «Неисторический» герой

---

[468] *Бестужев-Марлинский А. А*. Кавказские повести. С. 523.

[469] Об оценке романов В. Скотта в критике конца 1820–1830-х гг см.: *Манн Ю. В.* Русская философская эстетика. С. 315–318; *Долинин А. А.* История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М., 1988. С. 174–183.

[470] *Долинин А. А.* С. История, одетая в роман. С. 192.

исторического романа вызвал сочувствие и искренний интерес читателя: Скотт изображал те «страсти», которые «одинаково волнуют человеческое сердце, бьется ли оно под стальными латами пятнадцатого века <…> или под голубым фраком и белым канифасовым жилетом наших дней»[471]. Именно эта мысль романиста об универсальности человеческих страстей легла в основу новой историографии XIX века.

Но если обратиться к восприятию творчества Вальтера Скотта непрофессиональными читателями, картина окажется сложнее. Как показал А. А. Долинин[472], на рубеже 1820–1830-х гг. репутация романов Скотта, главное достоинство которых в глазах большинства его многочисленных читателей состояло в занимательности, не была однозначной. С одной стороны, количество любителей и любительниц исторических романов не уменьшалось с годами. Но, с другой стороны, к началу 1830-х гг. к книгам Вальтера Скотта сложилось несколько добродушно-снисходительное отношение как к чему-то не более чем приятному и увлекательному – и посему более всего подходящему для вечернего семейного чтения или же для юных мечтательниц, прежде зачитывавшихся сентиментальными романами Ричадсона и Жанлис. Уже в 1831 г. количество переводов романов Скотта, романов «старой школы», резко уменьшается, на смену им приходят произведения новых кумиров: Жорж Санд, Бальзака, Гюго, Сю и Жанена.

Как кажется, отношение Бестужева к романам Скотта со временем тоже менялось. Нет никаких сомнений в том, что в начале 1820-х гг. писатель, как и его современники, был очарован «сказками» шотландского романиста: немало упоминаний о нем можно найти в «Памятной книжке» Бестужева 1824 г.[473]

---

[471] *Скотт В*. Собр. соч.: В 20 т. М.; Л. 1960. Т. 1. С.70–71. Ср. с отзывом русского критика: Вальтер Скотт «все небо Гомерово открыл в самом человеке, в его характере, свойствах, привычках, которых сущность остается все та же, но форма изменяется по различию стран и народов» (*Шевырев С. П.* «Веверлей», роман Вальтера Скотта // Московский вестник. 1827. Ч. 5. № 20. С. 413).

[472] *Долинин А. А*. История, одетая в роман. С. 120–172.

[473] См. записи от 11, 12 и 24 февраля, 31 марта и 25 мая: *Измайлов Н. В.* А. А. Бестужев до 14 декабря 1825 г. С. 63–66.

Увлечение это было столь сильным, что буквально за несколько недель Бестужев выучил английский язык, чтобы в подлиннике прочесть любимые книги, а позже сам принялся за средневековые «ливонские» повести, связь которых с романами Вальтера Скотта, осложненная влиянием готической традиции, уже не однажды отмечалась в исследовательской литературе[474]. Вероятно, что и тот взгляд на историю, который нашел отражение в статье «<Ливония>», тоже сложился под влиянием романов Скотта, в которых писатель «начинает там, где заканчивается документ»[475].

Но, как кажется, в романах Скотта Бестужев ценил отнюдь не новый тип героя и верное изображение человеческих страстей. В 1823 г. вышел русский перевод романа «Кенильворт» – и в 1824 г. на страницах № 6 «Соревнователя просвещения и благотворения» появился подготовленный Бестужевым перевод отрывка анонимной статьи из «Edinburg review»[476], написанной по случаю выхода «Приключений Найджела», но включавшей упоминания и других романов, в том числе и «Кенильворта». Несмотря на то, что Бестужев выступил лишь в качестве переводчика, можно предположить, что, как и в случае с другими переведенными им текстами (примером может служить статья «О духе поэзии XIX века»), взгляды рецензента «Edinburgh review» он в известной степени разделял.

Главное достоинство нового романа Скотта, по мнению автора разбора, состоит в выразительности описаний: «Живая картина ночного въезда Елисаветы в Кенильворт изображена с такой душою, с таким отчетом

---

[474] См.: *Котляревский Н. А.* Декабристы. С. 165; *Мордовченко Н. И.* Русская критика первой четверти XIX века. С. 365; *Сватонь В.* К характеристике декабристской прозы // Русская литература. 1966. № 3. С. 46; *Левкович Я. Л.* Историческая повесть // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра. Л., 1973. С. 111; *Канунова Ф. З.* Эстетика русской романтической повести: (А. А. Бестужев-Марлинский и романтики-беллетристы 20–30-х гг. XIX века). Томск, 1973. С. 70; *Бегби Л.* Александр Бестужев-Марлинский и русский байронизм. СПб., 2001. С. 106–109; *Вацуро В Э.* Готический роман в России. М., 2002. С. 351–353.

[475] *Долинин А. А.* История, одетая в роман. С. 203.

[476] «The Fortunes of Nigel». By the Author of «Waverley», «Kenilworth» etc. In Three Volumes. Vol. I (II-III). Edinburgh: Printed for Archibald Constable and Co. And Hurst, Robinson and Co., London, 1822 // Edinburgh review. 1822. Vol. 37. № 73 (June). P. 204– 225.

подробностей, что, кажется, будто мы в самом деле перенесены в средину действия. Мы чувствуем тесноту, слышим говор народа, звук музыки и различаем на западающем свете летнего вечера величественное шествие и веющие знамена кругом свиты королевы-героини»[477]. Что же касается изображения лиц и характеров, то их, по мнению рецензента, едва ли можно признать удовлетворительными: за небольшим исключением герои «Кенильворта» «слишком неестественны и затейливы»: «Они более кажутся списанными с натянутых лиц старинных сказок, нежели с людей прошлого и настоящего времен <…> нравы сих лиц могут порой встретиться в маскарадах и комедиях того века, но не найтися в самом деле между живым народом той стороны»[478].

Почти десять лет спустя в рецензии на «Клятву при гробе господнем», выражая свое отношение к творчеству шотландского романиста, Бестужев иначе расставляет акценты. Уже в самом начале статьи он говорит о многочисленных переводных романах, надоевших русскому читателю: «французский суп приелся ему с 1812 года, немецкий бутерброд под туманом пришел вовсе не по желудку, в английском ростбифе, говорит он, чересчур много крови да перцу, даже ячменный хлеб Вальтера Скотта набил оскомину»[479] (впрочем, здесь упрек адресован скорее не автору исторических романов, а его бесчисленным подражателям). Через несколько десятков страниц критик вновь возвращается к Вальтеру Скотту, который подарил читающему миру «от стен Москвы до Вашингтона, от кабинета вельможи до прилавка мелочного торгаша» исторический роман и «живых» героев (эти оценки Бестужева не совпадают с теми, что были даны в рецензии 1824 г.) и «внушившему Баранту его романтическую летопись»[480]. Но называя Скотта поэтом и романтиком, Бестужев оговаривает, что «шотландский чародей», сумевший дать «анализ всех движений души», является «романтиком по

[477] Соревнователь просвещения и благотворения. 1824. Ч. 28. № 6. С. 327; подпись: А. Б-в.
[478] Там же. С. 329–330.
[479] *Бестужев-Марлинский А. А.* Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 412.
[480] Там же. С. 446.

изложению» – но он не «романтик по предмету». Критик пишет, что, Скотт «угадал домашний быт и вседневный ум рыцарских времен», он изобразил людей «с их любимыми страстишками, с их поверьями, с их обычаями, с любимыми их приговорками»[481]. Но едва ли все это может, с точки зрения Бестужева, составить подлинное достоинство исторического романа. Уже перейдя к разбору произведения Полевого, рецензент, предваряя рассуждения о недопустимости рабского «передразнивания природы», обращается к современным романистам со следующим воззванием: «Будьте, господа сочинители исторических романов, поскупей на подробности житейского быта и, более всего, не волочите их на аркане в ремонт свой»[482]. Говоря же о тех романистах, которым удалось «оборотить незатасканною стороною» старые предметы, Бестужев называет имена Гофмана, Вашингтона Ирвинга, Бальзака, Жанена, Гюго, Цштоке – но не Вальтера Скотта.

Показательны и те упоминания Скотта, которые можно встретить в художественных текстах Бестужева начала 1830-х гг., – в повести «Испытание» (1830) и рассказе «Часы и зеркало» (1831). Как показал А. А. Долинин, в этих текстах отражена репутация романов Вальтера Скотта как «сказок» для светских мечтательниц[483]. В «Часах и зеркале» описана комната молодой девушки, где полуразрезанный роман Скотта, заложенный пригласительным билетом на бал, соседствует с Ламантином, Шиллером, Д'Арленкуром, журналом мод и шляпкой для гулянья по Невскому проспекту. В сходном контексте появляется имя Скотта и в повести «Испытание», в эпизоде, где одна из героинь делится с братом своими мечтами: «Мы будем гулять, кататься на лодке, ездить верхом <…> Ввечеру мы за чайным столиком шутим, смеемся, потом поем, танцуем; читаем Вальтера-Скотта»[484].

Надо полагать, что свой собственный роман, который поймут и оценят лишь единицы, Бестужев едва ли видел в подобном антураже. Он, конечно,

---

[481] Там же.
[482] Там же. С. 462.
[483] *Долинин А. А.* История, одетая в роман. С. 132.
[484] Бестужев-Марлинский А. А. Соч. Т. 1. С. 225.

опирался на традицию исторического романа, заложенную Вальтер Скоттом, поставившим в центр повествования частного человек и его страсти, но в то же время, безусловно, пытался найти собственный путь и дать образец романтизма не только «по изложению», но и «по предмету».

§ 4. Реконструкция сюжета романа «Вадимов»

В творческой истории романа «Вадимов» есть эпизод, ясно указывающий на то, что поиски универсальных законов истории и связи русской истории с историей всемирной были значимы для его автора.

Обратимся к письму Кс. Полевому от 2 февраля 1833 г., в котором Бестужев впервые говорит о своем романе. Из этого письма видно, что дошедшие до нас главы «Вадимова» разительно отличаются от первоначального замысла Бестужева, который писал Полевому: «Прошу прислать мне “Кащея”. Странная случайность: я сам хотел избрать его предметом романа, но Иван Петрович <Жуков. – *А. П.*> отговорил меня. Желаю видеть, ту ли идею осуществил Вельтман. Сожмите руку его, если случится повстречать»[485].

Желание Бестужева облечь в художественную форму события древней Руси имеет, кажется, достаточно давнюю историю. В письме к Н. А. Полевому от 12 февраля 1831 г. Бестужев будто бы мимоходом говорит:

> Предоставляю себе удовольствие сделать еще несколько вопросов о мелочах русской истории, когда получу ее от вас. Я не имел ни досуга, ни терпения, во время оно, философически разложить оную, но романтическую и материальную часть исследовал порядочно. Изучение одежд и оружий всех народов было моею любимою главою <…> Это мой конек, Николай Алексеевич, и самый невинный: не сбивает и не брыкается. Когда-то замышлял я сесть на борзого… писать историю Новгорода, моей родины[486]… но и тогда я не иначе бы принялся за труд, как поверив на месте все подробности, и долго, пристально погрузясь во тьму летописей, с фонарем критики. Видно,

[485] Русский вестник. 1861. № 4. С. 431.
[486] Под Новгородом находилось родовое имение Бестужевых Сольцы.

это не моя судьба, и может быть для моей же пользы.[487]

К сожалению, узнать, «ту ли идею», которую вынашивал Бестужев, «осуществил Вельтман» в «былине старого времени» «Кощей бессмертный» (1833), не удастся. После знакомства с этим текстом Бестужев лишь посетует на неудачные попытки автора передать древнерусский говор и на уже набивший оскомину типично вельтмановский «рогоносный» сюжет[488]. Но упоминание «Кощея» от этого не становится менее ценным: оно указывает на то, каким были изначально задуманные место и время действия.

Казалось бы, нет ничего неожиданного в том, что в конечном итоге Бестужев решил посвятить роман русско-турецкой войне, поставив в центр осаду и приступ Ахалциха: в этой кампании участвовали его братья Петр и Павел; позднее, весной 1834 г. назначение в Ахалцих получил сам писатель. Кроме того – и это ясно из письма к Н. А. Полевому от 12 февраля 1831 г. – Бестужев остро чувствовал недостаточность своих познаний для написания романа о древнем Новгороде. Добыть же нужные сведения о взятии Ахалцыха было явно проще. Живого очевидца этих событий Павла Бестужева писатель (кажется, впрочем, безрезультатно) просил о помощи в написании романа:

> Я начал писать роман – думаю, что удастся. Для него необходим мне хоть небольшой, но подробный план Ахалцыха и реляция о взятии. Если были анекдоты – пришли все что знаешь с именами местностей. Спроси у Тритилевича имя фельдфебеля, который первый раз полез за палисад – имя грузина офицера, который первый взобрался на батарею и был убит – равно как имена бежавших 2-х в Ахалцых груз. гр. полка. Да, пожалуйста, mon cher, будь скор и аккуратен – это и твое и мое добро.[489]

Но важнее не смена одной эпохи на другую, более «актуальную», а расширение границ изображаемого. Отказавшись от описания событий времен Древней Руси и перемещая действие своего романа то на Кавказ, то на

---

[487] Русский вестник. 1861. № 3. С. 294–295.
[488] См. письмо Бестужева к Кс. Полевому от 2 ноября 1833 г. (Там же. С. 450).
[489] Неопубликованное письмо от 20.05.33. На данный момент оригинал письма нам не удалось обнаружить; цит. по машинописной копии, подготовленной В. Г. Прохоровым: ОР РНБ. Ф. 69 (Бестужевы). Ед. хр. 36. Л. 67–68.

Бородинское поле, то в Индию «времен Сакунталы», Бестужев с очевидностью идет по пути все большей исторической и географической многоплановости. Можно предположить, что желание описать историю человечества было не только у Льва Вадимова, но и у самого Бестужева – именно поэтому ему нужно было сопоставление Древней Индии и России конца 1820-х гг. Впрочем, наше предположение носит исключительно гипотетический характер. Практически ничего не зная о первоначальном замысле романа и до конца не представляя, как должен был выглядеть окончательный вариант «Вадимова», точно реконструировать творческую логику писателя, безусловно, не представляется возможным.

Тем не менее попытаемся выяснить, существует ли внутренняя связь между фрагментами романа, отсылающими к разным эпохам. На первый взгляд включение в канву романа экзотической линии кажется странным и ничем не мотивированным. Но роль фрагмента проясняется при обращении к другому, внутренне связанному с ним, тексту Бестужева.

Речь идет все о той же статье «“Клятва при гробе Господнем. Русская быль XV века”». Критический разбор был скорее поводом для написания этого текста: центральное место в статье занимают обоснование авторской концепции истории развития мировой литературы и размышления над жанровой природой романа. По представлениям Бестужева, словесность, создававшуюся на протяжении всей истории человечества, можно разделить на два типа: литературу *судьбы* и литературу *воли:*

> ...я думаю, что по духу и сущности есть только две литературы: это литература до христианства и литература со времен христианства. Я назвал бы первую литературой судьбы, вторую – литературой воли. В первой преобладают чувства и вещественные образы; во второй царствует дума, побеждают мысли. Первая – лобное место, где рок – палач, человек – жертва; вторая – поле для битвы, на коем сражаются страсти с волею, над коим порой мелькает тень провидения.[490]

Колыбелью словесности писатель называет Древнюю Индию. В своих построениях Бестужев полемично отталкивается от концепции В. Гюго,

[490] *Бестужев-Марлинский А. А*. Соч. Т. 2. С. 416–417.

представленной в манифесте французского романтизма – «Предисловии» к драме «Кромвель» (1827)[491]. Пораженному великолепием мира и поющему гимны дикарю, каким его изобразил Гюго[492], Бестужев противопоставляет безвольного и бессильного человека, молящего богов и судьбу о пощаде.

В «Журнале Вадимова» описание первобытного мира, враждебного *«не имеющему воли»* дикарю, с очевидной близостью повторяет соответствующие пассажи из статьи Бестужева (ср. в статье: «В Индии природа – мать и мачеха вместе для младенца-человека. Молоко великанских ее сосцов смешано с отравою»[493] и в романе: «...там природа-царица, там богиня-судьба; там величаво и сильно все, кроме человека; он пьет молоко из сосцов земли как дитя…»[494]).

Если допустить, что «Вадимов» должен был стать иллюстрацией историософских идей Бестужева о существовании единых законов всемирной истории, то в центре «современной» части должен был оказаться герой, со- и противопоставленный безвольному дикарю, изображенному в поэме «Человечество». В пользу того, что в образе Льва Вадимова Бестужев намеревался представить человека воли, свидетельствуют его слова, обращенные к невесте в главе «Свидание»:

> …кто кует судьбу, как не мы сами!.. Наш ум, наши страсти, наша воля — вот созвездие путеводное, вот властители, планета нашего счастья!.. Не поклонюсь я этому слепому истукану, воздвигнутому на костях человеческих, не устрашусь призрака, которого изобрели злодеи, чтобы выдавать свои замыслы орудиями рока, и которому верят слабодушные, для того что в них нет решительности действовать самим. Верить фатализму — значит не признавать ни греха, ни добродетели, значит, сознаваться, что мы бездушные игрушки какой-то неведомой нам силы, что мы цветы на потоке жизни или перекати-поле, носимое по прихоти ветров! Это не моя вера... <…> Или

---

[491] 5 октября 1833 г. Бестужев писал Кс. Полевому: «Отсылаю вам 4 части “Жаргала” и “Кромвеля”, оба мне не нравятся» (Русский вестник. 1861. № 4. С. 449). О связи рецензии на «Клятву…» и предисловия к «Кромвелю» указывал В. И. Кулешов в комментарии к разбору романа Н. Полевого (*Бестужев-Марлинский А. А*. Соч. Т. 2. С. 571).

[492] Ср. в статье Бестужева: «Не помню, кто первый сказал, что первобытная поэзия всех народов была гимн. По крайней мере это мнение принял чекан Гюго. Мнение, правда, блестящее, но ни на чем не основанное» (Там же. С. 417).

[493] Там же. С. 419.

[494] *Бестужев-Марлинский А. А*. Кавказские повести. С. 340.

провидение, или судьба, что-нибудь одно, милая; свет и мрак не могут быть вместе.[495]

Замысел, связывающий две сюжетные линии романа, очевидно должен был так или иначе доказать единство законов истории – но нужно понять, каких именно.

Как уже было сказано, Лев Вадимов и безымянный герой поэмы «Человечество» воплощают разные формы взаимодействия человека с миром и судьбой — активное противодействие и пассивное смирение. Можно думать, что в конечном счете они приходят к одинаково трагическому финалу: ни бездействие, ни протест не помогают ни противостоять воле тирана, ни одержать победу в борьбе с роком, воплощением которого стала чума. Допустима, впрочем, и иная интерпретация незавершенного текста: возможно, обреченность чуме, наоборот, становится для Вадимова тем последним и тяжелейшим испытанием, в котором во всей полноте должна проявиться его воля[496]. Последний вариант, пожалуй, еще в большей мере соответствует представлениям Бестужева о единстве законов мировой истории, коль скоро всю протяженность ее он разделял на две фазы: «эпоху судьбы» и «эпоху воли».

Но, кажется, возможна еще одна интерпретация, которая позволила бы найти внутреннюю связь между изображенными в романе эпохами. Так, в полном соответствии с авторской концепцией истории литературы и шире – человечества, в «индийской» части романа изображено взаимодействие частного лица и государства, частного лица и тирана. Делясь планом ненаписанной поэмы, умирающий Вадимов упоминает тиранов древности:

---

[495] Там же. С. 343.

[496] Ср.: «...рука изменяет воле… Однако я буду писать, пока смогу… <…> я хочу сделать полезными даже минуты своей кончины. <…> смерть силится холодом костяной руки своей закрыть упорные очи» (Там же. С. 336–337); «О, дайте мне пожить еще год, хоть полгода, чтобы я мог перевести себя на язык, понятный людям, вылить душу звучною речью русскою! Тогда пускай с последнею буквой умру я, но я умру счастлив, я исполню тогда свое призвание, кончу урок, заданный мне провидением; я сладко опочию сном могилы, я успокоюсь, — и вечность будет для меня субботою!..» (Там же. С. 339).

«Мудрость и доблесть Киров — сказка, изобретенная для пристыжения Белуса, ненасытное сладострастие Семирамиды, пресыщение Сарданапала, безумная отвага Ксеркса — вот истина! Вот восточные владыки! Вот тип их нравов!.. Какое богатое поле для драмы...»[497]. По представлениям Бестужева, человек этой эпохи перед государственной властью так же бессилен, как и перед силами природы – и не ищет от них освобождения («он ползает перед сатрапом, коварствует, льстит, отравляет <...> потому что это может доставить ему наслаждение на сей день»[498]). Исходя из предполагаемой логики построения романа, реконструированной на основании историософских воззрений Бестужева, в основной части повествования эта коллизия также могла бы иметь место, но уже развернутая в тираноборческий сюжет.

На подобный замысел как будто бы указывает и имя главного героя, точнее – тот семантический ореол, который отсылает не к конкретному тексту, а к целой литературной традиции, связанной с летописным преданием о Вадиме Новгородском (Храбром), поднявшем восстание против Рюрика[499]. Благодаря разработанной в «декабристский» период традиции, в начале 1830-х гг. само имя «Вадим» — даже без отсылки непосредственно к новгородским событиям — очевидно могло восприниматься как номинативная аллюзия. В качестве примера можно привести еще один незавершенный роман, писавшийся параллельно с «Вадимовым» Бестужева и, естественно,

---

[497] Там же. С. 341.

[498] Там же.

[499] Об интерпретациях предания о Вадиме в литературе конца XVIII – начала XIX в. см., например: *Замотин И. И.* Предание о Вадиме Новгородском в русской литературе // Замотин И.И. Предание о Вадиме Новгородском в русской литературе // Филологические записки. 1899. Вып. 3–4. С. 116; Вып. 5. С. 17– 28; Филологические записки. 1900. Вып. 3. С.29–48; Вып. 4–5. С. 49–88; Вып. 6. С. 45–114. *Кулакова Л. И.* Княжнин // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1947. Т. 4, ч. 2. С. 227–249; *Прийма Ф. Я.* Тема «новгородской свободы» в русской литературе конца XVIII – начала XIX в. // На путях к романтизму: Сб. научных трудов. Л., 1984. С. 100–139; *Кошелев В. А.* Пушкин: История и предание. СПб., 2000. С. 77–107; *Китанина Т. А.* Предание о Вадиме Новгородском в политической драме XVIII – начала XIX в., или Почему Пушкин так и не написал трагедию «Вадим» // «Он видит Новгород Великой...»: Материалы VII Международной пушкинской конференции «Пушкин и мировая литература». Великий Новгород, 31 мая–4 июня 2004. СПб; Новгород. 2004. С. 14–20.

совершенно независимо от него. Речь идет о «Вадиме» Лермонтова: несмотря на то, что главный герой не имеет никакого отношения к древнему Новгороду, его участие в пугачевском бунте невольно отсылает к описанной традиции.

Безусловно, Бестужеву были известны и предание о Вадиме Новгородском, чье имя промелькнуло на страницах ранней повести писателя «Роман и Ольга» (1823) («Да будь он потомок самого Вадима...»[500]), и с литературной традицией, вокруг этого героя сформировавшейся. В этом случае «индийский» и основной сюжеты романа могли быть связаны между собой развитием тираноборческой линии.

Нужно признать, что последняя интерпретация тоже остается исключительно в зоне гипотетического: в дошедших до нас главах романа нет никаких намеков на «вольнолюбивые» претензии главного героя. Впрочем, как уже не единожды сказано, любые наши попытки реконструировать авторский замысел романа подобны желанию решить уравнение со слишком большим количеством неизвестных.

§ 5. После «Вадимова»: рассказ «Он был убит» (1834–1835)

Кажется, ответ на вопрос, почему важнейший для писателя замысел оказался неосуществленным, вполне очевиден. На судьбу «Вадимова» повлияло множество обстоятельств – от невозможности реализовать масштабный замысел во всей полноте до превратностей судьбы самого писателя. Думается, несостоятельность романа предопределили и некоторые особенности его поэтики. Чтобы прояснить эту мысль, обратимся к тексту, уже упоминавшемуся в связи с рецепцией Бестужевым «Фауста» – к рассказу «Он был убит».

В неопубликованных примечаниях к собранию писем Бестужева В. Г. Прохоров предположил, что этот рассказ генетически связан с несостоявшимся

500 *Бестужев-Марлинский А. А.* Соч. Т. 1. С. 10.

романом: «Возможно, что когда Бестужев увидел, что роман не вытанцовывается, он стал писать “Он был убит”, в котором дан образ поэта, гибнущего, правда, не от чумы, а на войне»[501].

Действительно, если сопоставить роман и рассказ, каждый из них можно рассмотреть как метатекст другого произведения. На первый взгляд, единственной принципиальной разницей между ними является то, что в «Он был убит» отсутствует чрезвычайно важный для «Вадимова» исторический и историософский контекст.

Но есть и другие различия. Так, в романе и рассказе по-разному реализуется структура «текст в тексте», по-разному расставлены акценты. В романе глава «Журнал Вадимова» очевидно должна была стать лишь одним из элементов масштабного полотна (хотя, безусловно, частью чрезвычайно важной), «подсвечивая» основную сюжетную линию. Композиционное же построение рассказа более чем традиционно: дневник погибшего офицера и поэта – центральный элемент текста, заключенный в композиционную рамку. С этим различием связано и другое: во всех отрывках романа, кроме «Журнала Вадимова» и отдельных пассажей в «Свидании», Бестужев последовательно прибегает к обезличенному повествованию от третьего лица. В «Он был убит», напротив, повествование целиком идет от первого лица: в рамке в качестве рассказчика выступает друг погибшего поэта, который и знакомит читателя с дневником.

Сами записки состоят из двух самостоятельных отрывков: первый посвящен размышлениям о судьбе поэта, отказавшегося творить в угоду публике; второй, состоящий из отдельных дневниковых записей, часть из которых датирована, – неразделенной любви. Эти две части кажутся мало связанными между собой; внутри отрывков (в первую очередь второго) тоже едва ли сохраняется какое-то подобие единства: воспоминания о возлюбленной чередуются с размышлениями о достоинствах «Божественной

[501] ОР РНБ. Ф. 69 (Бестужевы). Ед. хр. 47. Л. 18.

комедии» и поэзии Вальтер Скотта, с замечаниями о человеческих пороках, с описаниями красот Кавказа и набегов черкесов. Подобная свобода повествования вполне соответствует форме дневниковых записей, но текст, отдельные части которого не связаны даже сюжетно, буквально рассыпается; единственным способом связать воедино разрозненные части дневника становится рамка рассказа, вернее – фигура рассказчика, которая, как мы попытаемся показать, и делает текст рассказа цельным.

В пределах рамки сосуществуют два временных пласта – время рассказа и время рассказывания, которые причудливо, но вполне закономерно, сменяют друг друга в повествовании от лица рассказчика, за счет чего создается своеобразный ритм. За каждым обращением к плану прошедшего – рассказу о смерти офицера – следует пространное лирическое отступление, ассоциативно связанное с воспоминанием: эхо от пролетевшей вражеской пули заставляет рассказчика задуматься о том, какой след оставляет после себя человек, а именная гравировка на шашке навевает мысль о быстротечности человеческой жизни и о том, что каждого из нас после смерти ожидает лишь забвение:

> Я освободил из оледеневшей руки мертвеца рукоять шашки – на клинке было написано имя того, кто на миг владел им.
>
> И брус непременно источит этот булат, и ржавчина догрызет остальное. Нет пощады ни мечу, ни руке, вращавшей его, ни имени того, кем был он страшен когда-то!
>
> И потом, что такое имя! Павший лист между осенними листьями, волна между волнами океана, флаг тонущего корабля, который на минуту веется над бездною: мелькнул – и нет его! и т.д.[502]

На приведенном выше примере хорошо видно, как постепенно, от абзаца к абзацу увеличивается степень отвлеченности предмета повествования, и характер этого движения (от небольшой детали предметного мира – к абстракции) не может не напомнить размышлений Бестужева о сущности романтической поэзии, которая стремится не изображать осязаемый, чувственный мир, а видеть за ним иные смыслы, иные миры.

Чем ближе повествование подходит к дневниковой части рассказа, тем

[502] *Бестужев-Марлинский А. А.* Кавказские повести. С. 288–289.

меньше становится обращений к плану прошедшего, к миру физическому, материальному, которое и прежде служило лишь своеобразным импульсом для отвлеченных рассуждений, – а рассказчик все больше погружается в собственное лирическое время, и это погружение завершается восклицанием, смыкающим время рассказа и время рассказывания: «Я брошу в вихорь света немногие листки, вырванные из твоего дневника, как невольную дань твою свету, и счастлив я, если эти небрежные строки хоть на миг приманят к себе взор и душу красавицы; извлекут хоть один, но глубокий вздох из груди возлюбленного! Вдвое счастлив!..»[503].

Финал рассказа, описывающий похороны героя и размышления рассказчика у могилы друга, строятся по тому же принципу: план рассказа, прошедшего, тесно связанного с миром физическим, ассоциативно сменяется планом рассказывания. Это хорошо заметно на примере фразы «Он был убит, убит наповал, и в самое сердце»[504]. С одной стороны, из открывающей части рамки читателю известно, что офицер погиб в результате огнестрельного ранения в сердце («Свинец пробил сердце навылет, самое сердце!!»[505]) – и таким образом рамка закольцовывается (эта «зарифмовованность» еще больше усиливается за счет практически дословного повтора восклицания «Он был убит, бедный молодой человек! Убит наповал!»[506]). Но эта фраза легко прочитывается и метафорически – и этим метафорическим потенциалом пользуется рассказчик, разворачивая новое лирическое отступление («Любовь и ненависть были ему равно гибельны в жизни» и т.д.[507]). И если дословное прочтение фразы объединяло две части рамки, то метафорическое позволяет тематически связать композиционную рамку и дневник одинокого, не понятого и не принятого миром поэта и человека.

Таким образом, роль композиционной рамки очевидно не сводится лишь к

---

[503] Там же. С. 291.
[504] Там же. С. 317.
[505] Там же. С. 288.
[506] Там же.
[507] Там же. С. 317.

тому, чтобы обеспечить мотивированный переход к дневнику. Превращенная Бестужевым в своеобразное стихотворение в прозе, практически целиком построенная на разнообразных повторах и обладающая своеобразным «ритмом», рамка соединяет отдельные отрывки в единое целое; важную роль в обеспечении тексту цельности играет и рассказчик, который обнажает возникающие в тексте внутренние связи.

Как кажется, анализ композиции рассказа может дать еще один ответ на вопрос, почему работа над «Вадимовым» была заброшена уже в самом начале. По сути каждая дошедшая до нас глава романа, как и отдельные отрывки из дневника, посвящена раскрытию и обоснованию отвлеченной идеи – например, критике принципа подражания природе или размышлениям о соотношении воли и судьбы. Но роман не философский трактат – он нуждается в коллизии, в движении сюжета. Очевидно, что главы, состоящие практически из одних диалогов, не обладают потенциалом для того, чтобы обеспечить мотивировками все возникающие в романе временные и пространственные переходы. И если в случае рассказа «Он был убит» единство текста могло быть обеспечено за счет эксплицитного рассказчика, то, как можно судить по дошедшим до нас отрывкам из «Вадимова», текст романа такой фигуры не предполагал. Впрочем, едва ли для того, чтобы превратить отдельные главы в масштабное романное полотно, одного лишь введения рассказчика было бы достаточно.

Заключение

В настоящей работе была предпринята попытка описать четыре творческих замысла А. А. Бестужева-Марлинского.

В первой главе реконструирована творческая история травелога «Поездка в Ревель». В первом параграфе описан жанровый и идейный контекст, в котором создавалось это произведение. Обычно «Поездку в Ревель» принято связывать с традицией «сентиментальных» путешествий – но, как было показано, текст представляет собой более сложное жанровое единство. С одной стороны, бестужевский травелог тяготеет к традиции «ученых» этнографических путешествий, разработанной в конце 1810-х – начале 1820-х гг. членами Вольного общества любителей российской словесности, активным участником которого был и сам Бестужев. Главным требованием, предъявляемым к подобного рода текстам, – требованием, которому, очевидно, пытался соответствовать автор «Поездки в Ревель», была историческая «кабинетная» точность. С другой стороны, Бестужева, по всей видимости, тяготила форма «ученого» путешествия и очерка – и «Поездка в Ревель» стала своеобразным компромиссом между программными требованиями ВОЛРС и его собственными представлениями о жанре травелога. Это подтверждают отдельные эпизоды творческой истории «Поездки в Ревель», которым был посвящен второй параграф первой главы. Как удалось выяснить, два варианта текста – журнальный и книжный – различаются настолько, что уместно говорить о двух разных редакциях произведения. Более поздняя редакция, как показывают письма Бестужева к Н. И. Гнедичу и Ф. В. Булгарину, создавалась в несколько этапов и включает множественные стилистические и содержательные изменения. Стилистическая правка была направлена прежде всего на устранение излишней витиеватости слога: текст второй редакции был очищен от характерных для Бестужева вычурных метафор, а фразы стали более логичными и лаконичными. Содержательные изменения осуществлялись в двух

направлениях. Включение дополнительных исторических эпизодов, городских легенд, новых этнографических наблюдений, многочисленных уточнений, подробностей и деталей, а также включение «вольнолюбивой» линии соответствовало установкам Вольного общества любителей российской словесности. Дополнения другого рода – пространные лирические отступления, забавные эпизоды и даже целая остросюжетная повесть о Гедеоне Бестужеве – по представлениям самого писателя, должны были сделать текст более занимательным и увлекательным. Эта последняя тенденция, говорящая о стремлении Бестужева отойти от канонов «ученого» путешествия, нашла свое отражение в последовавших за «Поездкой в Ревель» «ливонских» повестях и других фикциональных текстах писателя первой половины 1820-х гг.

Во второй главе реконструирован неосуществленный замысел «московских записок», предложенный Бестужеву П. А. Вяземским в 1823 г., после первой поездки издателя «Полярной звезды» в Москву. В первом параграфе описана сама поездка 1823 г. Одной из ее целей было укрепление уже налаженных деловых связей с сотрудниками альманаха и встречи с его новыми потенциальными участниками. Кратко охарактеризовав новые московские знакомства Бестужева, особое внимание мы уделили истории его отношений с Вяземским, ставшим одним из его главных корреспондентов в 1823–1825 гг. Второй параграф посвящен «плану» Вяземского, композиционно и тематически отсылающему к «Записке о московских достопамятностях» Н. М. Карамзина, отчасти – к собственному стихотворению Вяземского «Петербург» и к травелогу Бестужева, а также возможным причинам, по которым этот замысел не нашел у него отклика. С одной стороны, как было показано в первой главе, после «Поездки в Ревель» писатель потерял интерес к историографическим описаниями. С другой стороны, записки, которые, по замыслу Вяземского, должны были в сатирическом ключе описывать обычаи и нравы москвичей, могли повредить уже сложившейся репутации Бестужева-издателя, отвратив от него симпатии потенциальных авторов и читателей. В программных

литературных обзорах, открывающих каждую книгу «Полярной звезды», Бестужев не случайно давал благожелательные отзывы едва ли не обо всех авторах. Как показывает его личная переписка, реальные оценки Бестужева нередко расходились с этими отзывами, в которых следует видеть позицию, сознательно выработанную ради формирования репутации издателя «Полярной звезды».

В третьей главе рассмотрены творческие искания Бестужева во второй половине 1820-х гг., так или иначе связанные с замыслом авторского альманаха, возникшим у писателя в якутской ссылке в 1829 г. В первом параграфе описана финансовая история «якутского» альманаха, тщательно продуманная Бестужевым. Рассмотренный в контексте книгоиздательской практики 1820-х гг., этот проект оказался весьма сомнительным. Памятуя об успехе «Полярной звезды», выходившей в лучшие времена тиражом полторы тысячи экземпляров, Бестужев задумал поднять тираж своего авторского альманаха до двух тысяч. Но надеяться на коммерческий успех подобного рода издания было весьма опрометчиво, поскольку к началу 1829 г. «альманашный» рынок был заполнен, а ведущие позиции прочно заняты «Северными цветами». Из писем Бестужева следует, что в какой-то момент он решил отказаться от услуг профессионального комиссионера и возложить все заботы по изданию и его реализации на сестру Елену, кажется, плохо осведомленную в тонкостях книгопродаж. Во втором параграфе была предпринята попытка реконструировать эстетическую программу, которая могла быть заявлена в несостоявшемся «якутском» альманахе. Эта реконструкция потребовала обращения к незаконченной статье «<О романтизме>»: ею должен был открываться авторский альманах. Выдвинутые в статье положения были рассмотрены в контексте эстетических воззрений и споров того времени и соотнесены с некоторыми стихотворными текстами Бестужева конца 1820-х гг. Одним из важных ориентиров для него стал в это время «Фауст» Гете. В работе выдвинуто предположение, что уже в Якутске Бестужев, традиционно

воспринимаемый как писатель-беллетрист, пытался создать образцы истинно романтический «отвлеченной» поэзии. Как показывает его писательская практика 1830-х гг., Бестужев до конца жизни пытался лавировать между «массовым» и «элитарным» направлениями, создавая и тексты, расчитанные на невзыскательную публику, и произведения, подобные незавершенному историческому роману «Вадимов».

Именно этому тексту, над которым Бестужев работал в 1833–1834 гг., посвящена четвертая глава диссертации. В первом параграфе описана творческая история романа. Как можно судить по письмам Бестужева начала 1830-х гг., «Вадимов», в центре которого оказались события русско-турецкой войны 1828–1829 гг., мыслился им как образец исторического романа нового типа. Но по независящим от автора причинам – недостатку материала и тяжелым жизненным обстоятельствам – работа над текстом оказалась непродолжительной и неплодотворной: до нас дошли лишь несколько разрозненных и сюжетно не связанных между собой глав, только одна из которых, «Осада», была опубликована при жизни писателя. Определенные сомнения вызывает состав «Вадимова»: как показано в работе, публикаторами по-разному решался вопрос, является ли отрывок «Выстрел» одной из глав романа или же самостоятельным прозаическим фрагментом. Особый интерес представляют черновики романа, в которых зафиксирован довольно ранний этап работы над «Вадимовым»: сюжетная канва уже набросана, но текст пока свободен от узнаваемых красочных метафор, описаний и подробностей. Во втором и третьем параграфе представлен историко-литературный контекст конца 1820–начала 1830-х гг., который оказал влияние на представления Бестужева о жанре исторического романа. В параграфе втором описаны историософские споры, спровоцированные выходом последнего тома «Истории государства российского» Н. М. Карамзина, по мнению Н. А. Полевого, автора «Истории русского народа», не соответствовавшего требованиям новой романтической историографии, целью которой становилось обнаружение и

описание общих, единых законов истории. Из личной переписки Бестужева становится понятно, что писатель, несмотря на изоляцию, был вовлечен в эту полемику и безоговорочно принял позицию Полевого, хотя, как было показано в первой главе работы, еще в начале 1820-х сочувствовал Карамзину-историку. Кроме того, из писем выясняется, что благодаря братьям Полевым Бестужев был непосредственно знаком с образцами новой европейской историографии, с высоко оцененными им трудами Нибура и Тьерри. В третьем параграфе описана полемика вокруг исторического романа, в первую очередь вокруг нравоописательного исторического романа Ф. В. Булгарина «Петр Иванович Выжигин», который в негативном ключе упомянут в черновике главы «Осада». Обращение к критическим отзывам и автометаописаниям Бестужева, рассмотренным в сопоставлении со спорами между Н. А. Полевым и Н. И. Надеждиным, выявляет своеобразие взглядов автора «Вадимова» на природу исторического романа. По всей видимости, Бестужев собирался не только изобразить жизнь частного «неисторического» человека на фоне «большой истории», но и проиллюстрировать историософский тезис об универсальности законов истории и включенности русской истории во всемирную, тем самым опровергнув взгляды Надеждина, считавшего, что прошлое России не дает материала для хорошего исторического романа. Если Надеждин и Полевой противопоставляют историю и роман, то Бестужев ставит знак равенства между этими двумя способами воплощения прошлого – и историография, и художественный текст создаются, с его точки зрения, при участии воображения, ни то, ни другое не свободно от авторской субъективности. Уже из этого становится понятно, что задуманный им собственный роман должен был в корне отличаться от романа Полевого, называвшего свое произведение «былью», подчеркивая тем самым собственную верность исторической правде. Показательно и то, как со временем менялось отношение Бестужева к романам Вальтера Скотта. Нет никаких сомнений в том, что в начале 1820-х гг. Бестужев, как и его современники, был очарован «сказками» шотландского

романиста – но в начале 1830-х гг. он уже едва ли считал достойным исторического романа и романтической поэзии вообще скоттовское изображение «домашнего быта» и «вседневного ума рыцарских времен».

В четвертом параграфе предпринята попытка реконструкции возможного сюжета «Вадимова». Обращение к личной переписке Бестужева показало, что первоначально писатель планировал создать роман на материале древнерусской истории – но вскоре отказался от этой мысли в пользу большей временной и пространственной многоплановости. Можно предположить, что через совмещение, казалось бы, несовместимых эпох Бестужев хотел проиллюстрировать мысль о единстве и универсальном характере законов мировой истории. Сопоставление отрывков из «Вадимова» с программной статьей его автора, посвященной разбору романа Н. А. Полевого «Клятва при гробе господнем», позволяет утверждать, что собственный роман Бестужева мог стать своеобразной художественной иллюстрацией универсальной концепции, согласно которой в мировой истории выделяются две фазы: «эпоха судьбы» и «эпоха воли». Исходя из со- и противопоставления Льва Вадимова и дикаря из его поэмы «Человечество», из реконструкции возможной логики построения романа, а также исходя из семантического ореола имени главного героя, мы осторожно предположили, что роман мог содержать тираноборческие мотивы. Наконец, в пятом параграфе описана повествовательная структура рассказа «Он был убит», который был написал вслед за несостоявшимся романом. Переклички на уровне композиции и сюжета обнаруживают определенное сходство этих двух текстов и одновременно проливают свет на ту художественную задачу, с которой не справился автор «Вадимова». В написанном от первого лица «Он был убит» рассказчик буквально «собирает» разрозненные элементы текста, обнажая внутренние связи между отдельными его частями. «Вадимов» оказался лишен подобной инстанции, которая могла бы объединить отдельные и сюжетно не связанные между собой главы, больше напоминающие отрывки из философского трактата, а не романа.

Список использованной литературы

Архивные источники

1) ОР РНБ. Ф. 69 (Бестужевы). Ед. хр. 13, 32–47.

2) ОР РНБ. Ф. 608 (Помяловский И. В.). Оп. 1. Ед. хр. 4656.

3) РГАЛИ. Ф. 71 (А. А. Бестужев). Оп. 1. Ед. хр. 6.

4) РГИА. Ф. 772 (Главное управление цензуры МНП). Д. 486.

5) РГИА. Ф. 777 (Петроградский комитет по делам печати (Петербургский цензурный комитет) МВД). Оп. 1. Д. 350, 370, 770–772.

6) РГИА. Ф. 1346 (Формулярные списки чинов гражданского ведомства (коллекция)). Оп. 6. Д. 6.

7) РО ИРЛИ. Ф. 58 (Архив Вольного общества любителей российской словесности). Ед. хр. 3.

8) РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 5, 7, 11, 12, 21, 27.

9) РО ИРЛИ. Ф. 623 (Ф. В. Булгарин). Ед. хр. 30.

Печатные источники

10) *[Бестужев-]Марлинский А*. Полн. собр. соч.: В 12 ч. СПб.: Тип. III Отд-ния Собственной е. и. в. канцелярии, 1840. Ч. 11. 326 с.

11) *[Бестужев-]Марлинский А.* Второе полн. собр. соч.: В 4 т. СПб.: Тип. Мин-ва гос. имуществ, 1847. Т. 4, ч. 10. 226 с.

12) *Бестужев-Марлинский А. А*. Соч.: В 2 т. / Сост. П. А. Сидорова; подгот. текста Н. Н. Маслина; примеч. Л. В. Домановского и Н. Н. Маслина. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. Т. 2, 741 с.

13) *Бестужев-Марлинский А. А*. Соч.: В 2 т. / Сост., подгот. текста и коммент. В. И. Кулешова. М.: Худож. лит., 1981. Т. 1, 487 с.; Т. 2, 591 с.

14) *Бестужев-Марлинский А. А.* Полн. собр. стихотворений / Общ. ред. М. А. Бриксмана; вступит. статья и примеч. Н. И. Мордовченко. Л.: Советский писатель, 1961. 311 с. (Библиотека поэта. Большая сер.).

15) *Бестужев-Марлинский А. А*. Кавказские повести / Изд. подгот. Ф. З.

Канунова. СПб.: Наука, 1995. 701 с. (Сер. «Литературные памятники»).

16) *А. Р.* Старая и Новая Ладога // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 14. № 4. С. 26–39.

17) *[Аксаков С. Т.]* Разговор о скором выходе II-го тома «Истории русского народа» // Московский вестник. 1830. Ч. 3. № 11. С. 281–285.

18) Александр Александрович Бестужев в письмах 1824 и 1837 гг. / Сообщ. Н. К. Богушевский // Русская старина. 1889. Т. 63–64. Вып. 11. С. 375–378.

19) *Андреев В*. Воспоминания о кавказской старине // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит. Т. 2. С. 155–160.

20) *Арцыбашев Н. С*. Замечания на «Историю государства Российского», соч. Н. М. Карамзиным // Московский вестник. 1828. Ч.11. № 19–20. С. 285–318; Ч. 12. № 21. С. 52–91; № 22. С.254–285.

21) *Белинский В. Г.* Новогодник. Собрание сочинений в прозе и в стихах, современных русских писателей. Изданный Н. Кукольником. Санкт-Петербург. 1839. В типографии издателя «Энциклопедического лексикона» А. Плюшара. 421 (8) // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: [В 13 т.] М. : Изд-во АН СССР, 1953. Т. 3. С. 136–148.

22) *Беринг И*. Новости и перемены в русской журналистике на 1829 год // Московский телеграф. 1828. Ч. 23. № 20. С. 488–489.

23) *[Бестужев А. А.]* Алине // Сын отечества и Северный архив. 1829. Т. 3. № 20. С. 373–374.

24) *[Бестужев А. А.]* Вечер на Кавказских водах // Сын отечества и Северный архив. 1830. Т. 14–15. № 37–41; подпись: А. М.

25) *[Бестужев А. А.]* Военный анекдот // Северная пчела. 1830. № 106, 4 сентября; № 112, 18 сентября; № 113, 20 сентября; подпись: А. М.

26) *Бестужев А.* Дорожные записки на обратном пути из Ревеля // Невский зритель. СПб., 1821. № 4. С. 1–24.

27) *Бестужев А.* Замок Венден // Библиотека для чтения, составленная из повестей, анекдотов и других произведений изящной словесности. СПб., 1823.

Кн. 9. С. 3–16.

28) *[Бестужев А. А.]* Замок Эйзен // Невский альманах на 1827 г. СПб., 1826. С. 107–155; без подписи.

29) *[Бестужев А. А.]* Испытание // Сын отечества и Северный архив. 1830. Т. 13. № 29–32; подпись: А. М.

30) *Бестужев А*. Липецкие воды, или Урок кокеткам. Комедия в 5 действиях в стихах. 1815 года. В Типогр. Импер. Театра // Сын Отечества. 1819. Ч. 51. № 6. С. 252–273.

31) *Бестужев А.* Листок из дневника гвардейского офицера // Библиотека для чтения, составленная из повестей, анекдотов и других произведений изящной словесности. СПб.,1823. Кн. 8. С. 66–72.

32) *Бестужев А*. Метромания, или Страсть к стихотворству. Комедия в пяти действиях, в стихах. Сочинение Пирона, вольный перевод Н. В. Сушкова // Сын отечества. 1821. Ч. 67. № 7. С. 307–320.

33) *[Бестужев-]Марлинский А.* Несколько слов от сочинителя повести: Андрей, князь Переяславский // Московский телеграф. 1832. № 6. С. 293–300; еще несколько слов его же к издателю «Московского телеграфа» // Там же. С. 300–301.

34) *Петров [Бестужев А.]*. Отрывок из поэмы «Князь Андрей Переяславский» // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1831. № 53, 4 июля. С. 412–413.

35) *[Бестужев-]Марлинский А.* Отрывок из не сочиненного еще произведения // Московский телеграф. 1834. Ч. 55. № 2. С. 222–240.

36) *[Бестужев-]Марлинский А.* Отрывок из романа «Вадимов». Журнал Вадимова // Отечественные записки. 1839. Т. 1. С. 74–84.

37) *Б<естужев> А.* Письмо к издателю // Сын отечества. 1820. Ч. 60. № 12. С. 244–257.

38) *Бестужев А*. Поездка в Ревель. СПб.: в тип. А. Плюшара, 1821. 150 с.

39) *Бестужев А.* Путешествие в Ревель // Соревнователь просвещения и

благотворения. 1821. Ч. 13. № 2 . С. 133–180; № 3. С. 319–360.

40) *[Бестужев-]Марлинский А*. Страшное гаданье // Московский телеграф. 1831. № 5. С. 36–65; № 6. С. 183–210.

41) *Бес<ту>жев А.* Торжественное заседание Императорской российской академии // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 13. № 2. С. 305– 311.

42) *[Бестужев А. А.]* Финляндия // Сын отечества и Северный архив. 1829. Т. 4. № 21. С. 47–48; без подписи.

43) *[Бестужев А. А.]* Шах Гуссейн // Северная пчела. 1830. № 112, 18 сентября; № 113, 20 сентября; подпись: А. М.

44) *Бестужев А.* Эсфирь, трагедия из Священного Писания в трех действиях в стихах, сочинение Расина, перевод с французского. СПб., 1816 года, в типогр. Дрехслера // Сын отечества. 1819. Ч. 51. № 3. С. 107–124.

45) *Бестужев Н. А.* Записки о Голландии // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 15. № 7. С. 33–64; № 8. С. 179–227; № 9. С. 257–298.

46) Биография Кампе / Пер. с фр. Д. В. Сахарова // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 14. № 6. С. 330–335.

47) *Боратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем / Ред. О. В. Голубевой и др. Текстол. примеч. А. Р. Зарецкий и др. Примеч. О. В. Голубевой. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 2, ч. 1. 435 с.

1) *Брыков И. И.* Взгляд на книгу «Описание войны 1812 года», изданную Дмитрием Ахшарумовым // Соревнователь просвещения и благотворения. 1820. Ч. 9. № 1. С. 113–115.

2) *Булгарин Ф. В*. Отрывки из рукописи под заглавием «Воспоминания об Испании» // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 16. № 10. С. 3–25; № 11. С. 183–201; № 12. С. 316–336.

3) *Булгарин Ф. В.* Петр Иванович Выжигин, нравоописательный исторический роман XIX века. 1–4 ч. СПб.: И. Заикин, 1831. Ч. 3. 288 с.

4) *Буслаев Ф. И*. Мои воспоминания. М.: В. Г. фон-Бооль, 1897. 387 с.

5) *В.* Русские повести и рассказы // Северная пчела. 1834. № 215, 24 сентября.

6) *Воейков А. Ф.* Путешествие из Саренты на развалины Шери-Сарая, бывшей столицы ханов Золотой орды // Новости литературы. 1823. Кн. 9. С. 1–24.

7) Воспоминания Бестужевых / Ред., коммент. и вступит. статья М. К. Азадовского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 892 с. (Сер. «Литературные памятники»).

8) *Вяземский П. А.* Стихотворения / Сост., подгот. текста и примеч. К. А. Кумпан, вступ. ст. Л. Я. Гинзбург. Л.: Сов. писатель, 1986. 542 с. (Библиотека поэта. Большая сер.).

9) Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской Губернии с 1787 по 1869: С алфавитным указателем и приложением / Сост. Чернявским. [Тверь, 1869]. 219 л.

10) Гердер / Пер. с нем. М. Р. // Московский телеграф. 1828. Ч. 20. № 6. С. 137–150.

11) *Гете И. В.* Фауст / Пер. Н. А. Холодковского // Гете И. В. Собр. соч.: В 13 т. / Под общ. ред. Луначарского, М. Н. Розанова; вступ. ст. А. В. Луначарского; предисл. и коммент. Н. Н. Вильям-Вильмонта. М.: Гослитиздат, 1947. Т. 5. 592 с.

12) *Глинка Ф. Н.* Краткое обозрение военной жизни и подвигов графа Милорадовича // Пантеон славных российских мужей. СПб., 1818. № 8. С. 64–83.

13) *Глинка Ф. Н.* Отличительные черты из происшествий Отечественной (1812) войны от Малоярославского до Красненского боя // Соревнователь просвещения и благотворения. 1820. Ч. 11. № 7. С. 130–138.

14) *Глинка Ф. Н.* Письма к другу, содержащие в себе: замечания, мысли и рассуждения о разных предметах, с присовокуплением исторического повествования: Зиновий Богдан Хмельницкой, или Освобожденная Малороссия. СПб.: В тип. К. Крайя, 1816. Ч. 2. 165 с.

15) *Глинка Ф. Н.* Подвиги генерал-лейтенанта Котляревского в походе 1812 года // Пантеон славных российских мужей. СПб., 1818. № 9. С. 99–127.

16) *[Гнедич Н. И.]* О вольном переводе Бюргеровой баллады «Ленора» // Сын отечества. 1816. Ч. 31. № 27. С. 3–22.

17) *[Гнедич Н. И.]* Речь // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 15. № 8. С. 129–147.

18) *Долгов С. О.* Письма А. А. Бестужева (Марлинского) к братьям Полевым // Русское обозрение. 1894. № 10. С. 819–834.

19) Дружеские сношения Пушкина. Письма к нему / Публ. и коммент. П. И. Бартенева // Русский архив. 1881. Кн. 1. № 2. С. 425–427.

20) *Ж. К.* Письма на Кавказ // Сын отечества. 1823. Ч. 83. № 3. С. 110–122.

21) *Загоскин М. Н.* Любители словесности // Соревнователь просвещения и благотворения. 1820. Ч. 9. № 3. С. 286–310.

22) Записки общества // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 14. № 1. С. 124–128; без подписи.

23) Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина / Ред. и коммент. С. Я. Штрайха. М: Изд-во АН СССР, 1951. 737 с. (Сер. «Литературные памятники»).

24) Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1951. Т. 1. 731 с.

25) *– и – е. –* О «Взгляде на старую и новую словесность в России» // Вестник Европы. 1823. № 2. С.139–147.

26) Из архива Ф. В. Булгарина: (Письма к нему разных лиц) // Русская старина. 1901. Т. 105. Вып. 2. С. 383–403; без подписи.

27) *Измайлов Н. В.* Бестужев до 14 декабря 1825 г. // Памяти декабристов: Сб. материалов. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Вып. 1. С. 8–100.

28) Из неизданной переписки: Письма Рылеева / Публ. и коммент. Ю. Г. Оксмана и А. Г. Цейтлина // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 59, [кн.] 1. С. 138–140, 144–146.

29) *Каразин В. Н.* Об ученых обществах и периодических сочинениях в России. СПб., 1820. 11 с.

30) *Карамзин Н. М.* Записка о московских достопамятностях // Карамзин Н. М. Соч.: В 9 т. М.: В тип. С. Селивановскаго, 1820. Т. 9. С. 280–304.

31) *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 12 т. СПб.: В Военной типографии Главнаго штаба его императорскаго величества, 1821. Т. 9. 204 с.

32) *Киреевский И. В.* Обозрение русской словесности на 1829 год // Киреевский И. В. Критика и эстетика / Сост., вступ. ст., и примеч. Ю. В. Манна. М.: Искусство, 1998. С. 56–82. (История эстетики в памятниках и документах).

33) Классицизм и романтизм (соч. А. Пинкета) / Пер. с фр. И. Б-н // Московский телеграф. 1828. Ч. 23. № 17. С. 3–35.

34) Материалы для истории русской книжной торговли. Воспоминания старого книгопродавца. Воспоминания И. Т. Лисенкова. Известия о древностях славяно-русских и об И. Ф. Ферапонтове. СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1879. 80 с.

35) Мемуары декабристов: Северное общество. / Сост., общ. ред., вступ. ст. и коммент. В. А. Федорова. М.: Изд-во МГУ, 1981. 400 с.

36) Ливония // Невский альманах на 1829 год. СПб., 1828. С. 344–375.

37) Литературно-критические работы декабристов / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Л. Г. Фризмана. М.: Худож. лит., 1978. 381 с.

38) *Надеждин Н. И.* «Иван Выжигин», нравственно-сатирический роман (сочинение Фаддея Булгарина IV части, СПб., в типографии вдовы Плюшар, 1829) // Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика / Вступ. ст., сост. и коммент. Ю. В. Манна. М.: Худож. лит., 1972. С. 79–99.

39) *[Надеждин Н. И.]* П. И. Выжигин и Рославлев. Несколько замечаний // Телескоп. 1831. Ч. 3. № 11. С. 353–373; подпись: М.

40) *[Надеждин Н. И.]* Летописи отечественной словесности // Телескоп. 1832. Ч. 10. № 14. С. 233–246; без подписи.

41) *[Надеждин Н. И.]* Современное направление просвещения // Телескоп. 1831. Ч. 1. № 1. С. 1–46; без подписи.

42) Несколько слов о Тадеуше Костюшке / Пер. с фр. Ф. Н. Глинки // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 14. № 1. С. 121–123.

43) *О.* Смесь: выписки, известия и замечания // Сын отечества и Северный архив. 1832. Т. 32. № 43. С. 183–186.

44) О духе поэзии XIX века / Пер. с фр. [А. А. Бестужева] // Сын отечества. 1825. Ч. 102. № 15. С. 276–288.

45) О нынешнем нравственном и физическом состоянии лифляндских и эстляндских крестьян / Пер. с фр. [А. А. Бестужева] // Сын отечества. 1818. Ч. 48. № 38. С. 241–254.

46) О способах исследования природы // Мнемозина. М., 1824. Ч. 2. С. 1–34; подпись: π. π.

47) Остафьевский архив князей Вяземских: В 5 т. / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. Т. 2. 774 с.

48) *П.* Несколько замечаний на книгу «Полярная звезда» // Вестник Европы. 1823. № 2. С. 134–139.

49) *Пельт Н.* Понятие о всеобщей истории (из Шлецера) // Московский вестник. 1827. Ч. 5. № 18. С. 157–175.

50) Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2 т. / Сост. и примеч. Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович, И. Б. Мушиной. М.: Худож. лит., 1980. Т. 1. 476 с.; Т. 2. 487 с.

51) Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому: (1823–1825) / Публ. и коммент. К. П. Богаевской; вступ. ст. Н. Л. Степанова // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 60, [кн.] 1. С. 200–230.

52) Письма Владимира Алексеевича Муханова братьям 1824–1831 гг. // Щукинский сб. М.: Отд-ние Имп. Рос. ист. музея им. имп. Александра III – Музей П. И. Щукина, 1906. Вып. 5. С. 253–338.

53) Письмо А. А. Бестужева-Марлинского к К. Ф. Рылееву / Коммент. Г. В. Прохорова // Пушкин: Временник Пушкинский комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. [Т.] 6. С. 259–265.

54) *[Плетнев П. А.]* Полярная звезда // Соревнователь просвещения и благотворения. 1823. Ч. 21. № 1. С. 97–118.

55) *П<огодин> М.* «История русского народа», соч. Н. Полевого // Московский вестник. 1830. Ч. 1. № 2. С. 165–190.

56) *П<огодин> М.* «Руководство к познанию всеобщей политической истории», соч. профессора Кайданова // Московский вестник. 1827. Ч. 6. № 18. С. 50–71.

57) Поездка в Ревель. Сочинение А. Бестужева, члена высочайше утвержденных вольных С. Петербургских обществ: любителей словесности, наук и художеств и соревнователей просвещения и благотворения. СПб., 1821, в тип. А Плюшара, в 8, 150 стр. // Сын отечества. 1821. Ч. 73. № 42. С. 83–84; без подписи.

58) *Полевой К. А.* Письма Александра Александровича Бестужева к Н. А. и К. А. Полевым, писанные в 1831–1827 годах // Русский вестник. 1861. № 3. С. 285–335; № 4. С. 425–487.

59) *Полевой Н. А.* Избранные произведения и письма / Сост., подгот. текста, вступ. ст., примеч. А. А. Карпова. Л.: Худож. Лит., 1986. 580 с.

60) *П<олевой> Н.* «История государства российского», соч. Карамзин // Московский телеграф. 1829. Ч. 27. № 12. С. 467–500.

61) *Полевой Н. А*. История русского народа:. В 6 т. М.: тип. Августа Семена, при Мед.-хирург. акад. 1829. Т. 1. 370 с.

62) *П<олевой> Н. А*. О романах Виктора Гюго и вообще о новейших романах (Против статьи г-на Шове) // Московский телеграф. 1832. Ч. 43. № 1. С. 85–104; № 2. С. 211–238; № 3. С. 370–390.

63) *[Полевой Н. А.]* «Петр Иванович Выжигин», исторический нравоописательный роман XIX века. Сочинение Фаддея Булгарина, 4 части, СПб., 1831 // Московский телеграф. 1831. Ч. 38. № 6. С. 231–235.

64) *[Полевой Н. А.]* Сочинения Ф. Булгарина. 10 частей. 1827 и 1828 годов; «Иван Выжигин». 4 части, 1829 год. Два издания // Московский телеграф. 1829.

Ч. 28. № 13. С. 65–79; подпись: NN.

65) «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым / Изд. подг. В. А. Архипов, В. Г. Базанов, Я. Л. Левкович. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 1014 с. (Сер. «Литературные памятники»).

66) Походные записки русского офицера, изданные Н. Лажечниковым. – С. Петербург: В Медицинской типографии, 1820 года. С. 349 // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 13. № 2. С. 301–302; без подписи.

67) *Прохоров Г. В.* А. А. Бестужев-Марлинский в Якутске // Памяти декабристов: Сб. материалов. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Вып. 2. С. 192–226.

68) *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 2. Кн. 2. 606 с.; Т. 11. 600 с.; Т. 13. 651 с.

69) Пушкин в прижизненной критике: 1820–1827 / Под общ. ред. В. Э. Вацуро, С. А. Фомичева; вступ. ст. Г. Е. Потаповой. СПб.: Гос. Пушкинский театральный центр, 2001. 526 с.

70) *Р. Р.* Русские повести и рассказы А. М-го // Северная пчела. 1834. № 245, 29 октября.

71) Разговор об истине и правдоподобии в искусстве (Из Гете) / Пер. с нем. С. П. Шевырева // Московский вестник. 1827. № 8. С. 335–347.

72) *Руссов С. В.* О критике г. Арцыбашева на «Историю государства Российского», сочиненную Н. М. Карамзиным и напечатанную в «Московском вестнике», 1828, № 19–21. СПб.: тип. Деп. нар. Прос., 1829. 105 с.

73) *Руссов С. В.* Примечание на пятое письмо к издателю «Московского вестника», напечатанное в 23 и 24 книжках того «Вестника» на 1828 год // Сын отечества и Северный архив. 1829. Т. 1. № 4. С. 239–241.

74) *Рылеев К. Ф.* Соч. / Сост., вступ. ст., и коммент. С. А. Фомичева. Л.: Худож. лит., 1987. 412 с.

75) *Семевский М. И.* Александр Бестужев (Марлинский): 1798–1837 // Отечественные записки. 1860. № 5. С. 122–166; № 6. С. 299–350; № 7. С. 43–100.

76) *Семевский М. И.* Александр Бестужев на Кавказе, 1829–1837: Неизданные письма его к матери, сестрам и братьям // Русский вестник. 1870. № 6. С. 485–524; № 7. С. 46–85.

77) *Семевский М. И.* Александр Бестужев в Якутске: Неизданные письма его к родным, 1827–1829 // Русский вестник. 1870. № 5. С. 213–264.

78) *Скотт В*. Собр. соч.: В 20 т. Пер. с англ / Под общ. ред. Б. Г. Реизова и др.; вступ. ст. Б. Г. Реизова. М.; Л.: Гослитиздат. 1960. Т. 1. 639 с.

79) Смесь: известия, замечания и проч. // Сын отечества и Северный архив, 1829. Т. 1. № 3. С. 122–125; без подписи.

80) *Федоров Б.* Жизнь боярина Матвеева // Пантеон славных российских мужей. СПб., 1818. № 7. С. 1–13.

81) *Федоров Б.* Жизнь и характер П. А. Румянцева // Пантеон славных российских мужей. СПб., 1818. № 8. С. 84–92.

82) Философия истории // Московский телеграф. 1827. Ч. 14. № 6. Отд. I. С. 105–114; без подписи.

83) *Ш<евырев С. П.>* «Атлас всемирной истории…», соч. Рюна // Московский вестник. 1827. Ч. 5. № 18. С. 194–200.

84) *Ш<евырев С. П.>* «Веверлей», роман Вальтера Скотта // Московский вестник. 1827. Ч. 5. № 20. С. 409–432.

85) *Шевырев С. П.* Дневник / Публ., подгот. текста, коммент. М. И. Медового // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. 2000. Vol. 3. № 3. С. 132–237.

86) *Шишков А.* Из Гётева «Фауста» // Одесский альманах на 1831 г. Одесса, 1831. С. 318–319.

87) *Якушкин В. Е.* К литературной и общественной истории 1820–1830 годов // Русская старина. 1888. Т. 60. Вып. 10. С. 149–168; вып. 11. С. 311–332; вып. 12. С. 583–600; 1889. Т. 61–62. Вып. 2. С. 320–330.

88) *Artaud N.-L.-M.* Essai littéraire sur le génie poétique au XIX siècle // Revue Encyclopédique. 1825. T. 25. P. 601–619.

89) Echo de la littérature russe //Le Furet: Journal de littérature et des théâtres. 1830, № 85, 22octobre.

90) «The Fortunes of Nigel». By the Author of «Waverley», «Kenilworth» etc. In Three Volumes. Vol. I (II-III). Edinburgh: Printed for Archibald Constable and Co. And Hurst, Robinson and Co., London, 1822 // Edinburgh review. 1822. Vol. 37. № 73 (June). P. 204– 225; без подписи.

91) Goethes Werke. München: C. H. Beck, 1981. Bd 3. 750 s.

Литература

92) *Агалаков А. В.* Светская повесть эпохи декабризма: Генезис, статика, динамика, поэтика и суггестия русского повествовательного романтического жанра. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. 128 с.

93) *Азадовский М. К.* Затерянные и утраченные произведения декабристов: Историко-библиографический обзор // Литературное наследство. Т. 59, [кн.] 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 601–777.

94) *Алексеев М. П.* Этюды о Марлинском. Иркутск: Иркутский ун-т, 1928. 64 с.

95) *Архипов В. А., Базанов В. Г., Левкович Я. Л.* Литературно-эстетические позиции «Полярной звезды» // «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым / Изд. подг. В. А. Архипов., В. Г. Базанов, Я. Л. Левкович. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 803–884. (Сер. «Литературные памятники»).

96) *Базанов В.* Г. Очерки декабристской литературы: Публицистика, проза, критика. М.: Гослитиздат, 1953. 528 с.

97) *Базанов. В. Г.* Ученая республика. М.; Л.: Наука, 1964. 463 с.

98) *Бегби Л.* Александр Бестужев-Марлинский и русский байронизм. СПб.: Акад. проект, 2001. 366 с.

99) *Бикташева А. Н.* Казанское губернаторство первой половины XIX века: Бремя власти. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. 320 с.

100) *Бодрова А. С.* Военная служба Е. А. Баратынского: Между биографией и

поэзией // Чины и музы: Сб. ст. СПб.; Тверь: Издательство Марины Батасовой. 2017. С. 131–155.

101) *Брайловский С. Н.* К вопросу о Пушкинской плеяде: Историко-литературные материалы и исследования (продолжение) // Русский филологический вестник. Варшава, 1909. Т. 61. С. 52–75.

102) *Вацуро В Э.* Готический роман в России. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 542 с.

103) *Вацуро В. Э.* Лермонтов и Марлинский // Творчество М. Ю. Лермонтова: 150 лет со дня рождения. 1814–1841. М.: Наука, 1964. С. 341–363.

104) *Вацуро В. Э.* «Северные цветы»: История альманаха Дельвига – Пушкина. М.: Книга, 1978. 287 с.

105) *Виноградов В. В.* Стиль прозы Лермонтова // Виноградов В. В. Избр. труды. Язык и стиль русских писателей от Карамзина до Гоголя. М.: Наука, 1990. С.182–270.

106) *Виноградов В. В.* Стиль Пушкина. М.: Гослитиздат, 1941. 620 с.

107) *Виролайнен М. Н.* «Сделаем себе имя»: (Миф числа у Михаила Погодина и Велимира Хлебникова) // Виролайнен М. Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб.: Амфора, 2003. С. 411–436.

108) *Готовцева А. Г., Киянская О. И. «*Временные заседатели Парнаса»: К истории альманаха «Полярная звезда» // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2013. № 12. С. 11–33.

109) *Готовцева А. Г.* К финансовой истории альманаха К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева «Полярная звезда» // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2010. № 8. С. 9–25.

110) *Гессен С. Я.* Книгоиздатель Александр Пушкин: Литературные доходы Пушкина. Л.: Academia, 1930. 148 с.

111) *Гриц Т. С., Никитин М. М., Тренин В. В.* Словесность и коммерция: (Книжная лавка А. Ф. Смирдина). М.: Федерация, 1929. 373 с.

112) *Гусев В. И.* Судьба Александра Бестужева // Бестужев-Марлинский А. А.

Повести и рассказы / Подгот. текста, сост., примеч. А. Л. Осповата. М.: Сов. писатель, 1976. С. 5–20.

113) *Долинин А. А.* История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М.: Книга, 1988. 315 с.

114) *Замотин И. И.* Предание о Вадиме Новгородском в русской литературе // Филологические записки. 1899. Вып. 3–4. С. 1–16; Вып. 5. С. 17–28; 1900. Вып. 3. С. 29–48; Вып. 4–5. С. 49–88; Вып. 6. С. 45–114.

115) *Замотин И. И.* Романтизм двадцатых годов XIX столетия русской литературы: В 2 т. СПб: тип. М. О. Вольф в СПб., 1911–1913. Т. 1. 378 с.; Т. 2. 430 с.

116) *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. Л.: Наука, 1981. 558 с.

117) Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра / Под. ред. Б. С. Мейлаха. Л.: Наука, 1973. 565 с.

118) *Измайлов Н. В.* Бестужев до 14 декабря 1825 г. // Памяти декабристов: Сб. материалов. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Вып. 1. С. 1–7.

119) *Исаков С. Г.* О «ливонских» повестях декабристов // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1965. № 8. С. 33–80. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та).

120) *Исаков С. Г.* О ливонской теме в русской литературе 1820–1830-х годов // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1960. Вып. 98. С. 143–190. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та).

121) *Исаков С. Г.* Неизвестная статья А. А. Бестужева-Марлинского // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1959. Вып. 78. С. 269–277. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та).

122) К истории русской литературы. Попытки А. А. Бестужева и М. А. Бестужева-Рюмина издавать журнал (1818–1823) // Русская старина. 1900. Т. 103. Вып. 8. С. 391–405; без подписи.

123) *Канунова Ф. З.* Бестужев – критик и теоретик романтизма // Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести / Изд. подг. Ф. З. Канунова. СПб.: Наука,

1995. С. 552–561. (Сер. «Литературные памятники»).

124) *Канунова Ф. З.* Эстетика русской романтической повести: (А. А. Бестужев-Марлинский и писатели-беллетристы 20–30-х гг. XIX века). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. 307 с.

125) *Китанина Т. А.* Предание о Вадиме Новгородском в политической драме XVIII – начала XIX в., или Почему Пушкин так и не написал трагедию «Вадим» // «Он видит Новгород Великой...»: Материалы VII Международной пушкинской конференции «Пушкин и мировая литература». Великий Новгород, 31 мая–4 июня 2004. СПб; Новгород, 2004. С. 14–20.

126) *Котляревский Н. А.* Декабристы. СПб.: Летний сад, 2009. 479 с.

127) *Кошелев В. А*. Пушкин: История и предание. СПб.: Акад. проект, 2000. 359 с.

128) *Кулакова Л. И.* Княжнин // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1947. Т. 4, ч. 2. С. 227–249.

129) *Кулешов В. И.* Александр Бестужев-Марлинский // Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. / Сост., подгот. текста и коммент. В. И. Кулешова. М.: Худож. лит., 1981. Т. 1. С. 5–32.

130) *Ларионова Е. О.* Полевой, Николай Алексеевич // Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2007. Т. 5. С. 30–38.

131) *Левкович Я. Л.* Судьба Марлинского // Звезда. 1975. № 12. С. 154–165.

132) *Леэметс Х. Д.* К вопросу о семантической структуре метафорического эпитета в русской прозе начала XIX века: (На материале произведений А. Марлинского) // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1971. № 17. С. 190–199. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та).

133) *Мазур Н. И.* Маска неистового стихотворца в «Евгении Онегине»: полемические функции // Пушкин и его современники: Сб. научных трудов. Вып. 5 (44). СПб.: Нестор-История, 2009. С. 141–208.

134) *Манежина Д.* К интерпретации стихотворения Е. Баратынского «Череп» //

Летняя школа по русской литературе. СПб.: Свое изд-во, 2015. Т. 11. № 1. С. 52–62.

135) *Манн Ю. В.* Русская литература XIX века: Эпоха романтизма. М.: Аспект Пресс, 2001. 447 с.

136) *Манн Ю. В*. Русская философская эстетика. М.: МАЛП, 1998. 382 с.

137) *Маркович В. М*. Дыхание фантазии // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1825–1840 гг.). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. С. 5–47.

138) *Маслин Н. Н.* А. А. Бестужев-Марлинский // Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. / Сост. П. А. Сидорова, подгот. текста Н. Н. Маслина, примеч., Л. В. Доманского и Н. Н. Маслина. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. Т. 1. С. III–LVI.

139) *Маслов В. И.* Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1912. 144 с.

140) *Мордовченко Н. И.* А. А. Бестужев-Марлинский // Бестужев-Марлинский А. А. Полн. собр. стихотворений / Общ. ред. М. А. Бриксмана. Л.: Советский писатель, 1961. С. 5–46. (Библиотека поэта. Большая сер.).

141) *Мордовченко Н. И*. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 431 с.

142) *Морозов В. Д.* «Московский вестник» и его роль в развитии русской критики. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1990. 263 с.

143) *О'Мара П.* К. Ф. Рылеев: Политическая биография поэта-декабриста. М.: Прогресс, 1989. 334 с.

144) *Попов А. В.* Декабристы-литераторы на Кавказе. Ставрополь: Кн. изд-во, 1963. 168 с.

145) *Потапова Г. Е.* Литературный образец и «литературный быт» в «Разговоре Книгопродавца с Поэтом» А. С. Пушкина // Концепция и смысл: Сб. статей в честь 60-летия профессора В. М. Марковича. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. С. 48–64.

146) *Прийма Ф. Я.* Тема «новгородской свободы» в русской литературе конца XVIII – начала XIX в. // На путях к романтизму: Сб. научных трудов. Л., 1984.

С. 100–139.

147) *Прохоров Г. В.* А. А. Бестужев-Марлинский в Якутске // Памяти декабристов: Сб. материалов. Л.: Изд-во АН СССР, 1926. Вып. 2. С. 189–191.

148) *Прохоров Г. В.* Три письма декабриста А. А. Бестужева из Якутска // Былое. 1925. № 5. С. 114–115.

149) *Пульхритудова Е. М.* «Валерик» М. Ю. Лермонтова и становление психологического реализма в русской литературе 30-х годов XIX века // Михаил Юрьевич Лермонтов. 1814–1841: Сб. статей и материалов. Ставрополь: Кн. изд-во, 1960. С. 57–80.

150) *Пульхритудова Е. М.* Литературная теория декабристского романтизма в 30-е годы XIX в. // Проблемы романтизма: Сб. ст. М.: Искусство, 1967. [Вып.] 1. С. 232–292.

151) *Рейтблат А. И.* Безымянные литераторы (Из опыта массовой атрибуции книг второй четверти XIX века) // Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 234–243.

152) *Рейтблат А. И.* Булгарин и его читатели // Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: Идеолог, журналист, консультант секретной полиции. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 117–121.

153) *Рейтблат А. И.* Литературный альманах 1820–1830-х гг. как социокультурная форма // *Рейтблат А. И.* Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 70–81.

154) *Рейтблат А. И.* Литературный гонорар в России XIX – начала XX в. // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX в.: Сб. науч. тр. Л.: Изд-во РНБ, 1988. Вып. 3: Книга в контексте общественного и культурного развития. С. 127–143.

155) Русская проза: Сб. статей. Л.: Academia, 1926. 226 с.

156) История романтизма в русской литературе: Возникновение и утверждение

романтизма в русской литературе (1790–1825). М.: Наука, 1979. Вып. 1. 312 с.

157) История романтизма в русской литературе: Романтизм в русской литературе 20–30-х гг. XIX в. (1825–1840). М.: Наука, 1979. Вып. 2. 328 с.

158) *Сватонь В.* К характеристике декабристской прозы // Русская литература. 1966. № 3. С. 44–50.

159) *Семенко И. М.* Поэты пушкинской поры. М.: Худож. лит., 1970. 295 с.

160) *Смирнов-Сокольский Н. П.* Русские литературные альманахи и сборники XVIII–XIX вв.: Библиогр. указатель. М: Книга, 1965. 592 с.

161) *Степанищева Т. Н.* История «Поездки в Ревель» Александра Бестужева (Цензура как двигатель авторского развития) // Идеологические контексты русской культуры XIX–XX вв. и поэтика перевода : Wiener Slawistischer Almanach: Peter Lang, 2016. Sonderband 93. С. 23–37.

162) *Степанов Н. Л.* Александр Марлинский (А. А. Бестужев) // Марлинский А. (Бестужев А. А.) Избранные повести / Ред. и примеч. Г. В. Прохорова. Л.: Гослитиздат, 1937. С. 3–42.

163) *Тойбин И. М.* Пушкин и философско-историческая мысль в России на рубеже 1820 и 1830 годов. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. 123 с.

164) *Фризман Л. Г.* Литературная критика декабристов // Литературно-критические работы декабристов / Сост., подг. текста, вступ. ст. и примеч. Л. Г. Фризмана. М.: Худож. лит., 1978. С. 5–24.

165) *Шарупич А. П.* Декабрист Александр Бестужев: Вопросы мировоззрения и творчества. Минск: Изд-во Мин-ва высшего, среднего специального и проф. образования БССР, 1962. 92 с.

166) *Шрага Е. А.* Литература против литературности: Пути развития циклизованной прозы 1820–1830-х годов. СПб.: ГИЦ «Новое культурное пространство», 2013. 147 с.

167) *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой. Л.: Тип. им. Бухарина, 1931. Кн. 2: 60-е годы. 424 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Издательская история «Русских повестей и рассказов» (1832–1834)

История издания «Русских повестей и рассказов» Бестужева (1832–1834), казалось бы, довольно хорошо известна: редкое письмо Бестужева первой половины 1830-х гг. обходилось без упоминания этого проекта. Тем не менее, до сих пор, кажется, не существует специальной работы, посвященной истории первого собрания текстов писателя. Как уже упоминалось во Введении, исследования, посвященные издательской деятельности Бестужева, стали появляться лишь относительно недавно, поэтому сведения об этом сюжете мы можем найти только в комментариях к письмам писателя[508]. Так, например, самое общее представление об истории проекта дает подготовленный Ф. З. Кануновой комментарий к письму Бестужева к Гречу от 9 марта 1833 г.: «Н. И. Греч, взявшийся вместе с А. М. Андреевым за издание повестей Бестужева, очень плохо при этом соблюдал денежные интересы автора. В связи с этим Е. А. Бестужева вынуждена была расторгнуть договор с Гречем и взять продажу в свои руки»[509].

Но, думается, история этого издательского проекта все-таки заслуживает более подробного исследования. Во-первых, не все письма, связанные с подготовкой «Русских повестей и рассказов», опубликованы – между тем, как будет показано ниже, эти материалы, еще не введенные в научный оборот, проливают свет и на финансовую сторону издания, и на характер отношений между участниками этого проекта.

Во-вторых, опубликованные и прокомментированные письма не дают – да и не могут дать – полной картины (кроме того, комментарии иногда нуждаются в дополнениях и уточнениях[510]). При обращении к полному корпусу писем

---

[508] Особую ценность представляет одна из последних научных публикаций писем Бестужева периода кавказской ссылки, подготовленных Ф. З. Кануновой для издания: Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести. СПб., 1995. С. 484–545; примеч.: с. 677–701.

[509] Там же. С. 691.

[510] Так, в одном из комментариев сообщается, что «В 1832 г. в Москве увидели свет пять частей “Русских повестей и рассказов” Бестужева <…> Издание (ч. 6–8 вышли в Петербурге)

1830–1834 гг. становится, в частности, понятно, что история издания «Русских повестей и рассказов» и работа Бестужева сначала в «Сыне отечества и Северном архиве» и в «Северной пчеле», а позднее – в «Библиотеке для чтения» тесно связаны между собой и не могут быть рассмотрены отдельно.

Прежде чем непосредственно приступить к истории первого собрания сочинений Бестужева, посвятим несколько страниц личности одного из участников проекта – Ардалиона Михайловича Андреева, о котором до сих пор практически ничего не было известно.

§ 1. Чиновник и издатель: к биографии А. М. Андреева

Изданием первых пяти частей «Русских повестей и рассказов» занимались Н. И. Греч, отчасти – Ф. В. Булгарин, Е. А. Бестужева и А. М. Андреев. Первые трое в представлении не нуждаются, а вот об А. М. Андрееве ясные сведения отсутствуют. В предисловии к кавказским письмам Бестужева М. И. Семевский лишь обмолвился о «каком-то Андрееве»[511]. Комментарии к единственному сохранившемуся письму Бестужева к Андрееву от 9 апреля 1831[512] г. тоже не дают представления о том, кем был этот человек: во всех случаях комментаторы – Л. В. Домановский и Н. Н. Маслин, В. И. Кулешов, Ф. З. Канунова – ограничились лишь общей формулировкой «издатель сочинений Бестужева». Единственное, что почти не вызывает сомнений: Андреев не был литератором (имени его нет в биографическом словаре «Русские писатели: 1800–1917») – или же совсем не оставил какого-либо заметного следа на этом

было продолжено в 1834 г.» (Бестужев-Марлинский А. А. Кавказские повести. С. 688). В комментарий закралась досадная ошибка: первые пять частей, подготовленных Гречем, были изданы в Петербурге в собственной типографии Греча; последние же три части, хлопоты по изданию которых легли на плечи К. Полевого, были выпущены в Москве в типографии Лазаревых.

[511] «Несмотря на неаккуратность в платежах с стороны некоторых издателей (как, например, гг. Греча и какого-то Андреева, на которых часто жалуется в своих письмах Бестужев)» (Русский вестник. 1870. № 6. С. 490).

[512] См.: *Бестужев-Марлинский А. А*. Соч.: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 718; *Бестужев-Марлинский А. А*. Соч.: В 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 586; *Бестужев-Марлинский А. А*. Кавказские повести и рассказы. С. 682.Оригинал письма, впервые опубликованного в «Русском архиве» (Русский архив. 1869. № 4. С. 606–608), не сохранился.

поприще; но тогда тем более непонятно, почему именно этот человек стал одним из издателей собрания сочинений Бестужева.

Едва ли не единственное упоминание А. М. Андреева вне контекста истории издания «Русских повестей и рассказов» было найдено в исследовании А. Н. Бикташевой, посвященном истории казанского губернаторства первой половины XIX века. Исследовательница цитирует составленное в 1856 г. донесение жандармского офицера полковника Ларионова об управлявшем Казанью в 1848–1857 гг. И. А. Боратынском: «…прекрасного ума и образования, скромного весьма уклончивого характера, совершенно чуждый всякой корысти и пользующийся всеобщим уважением, но, к сожалению, не имеет по службе помощников, вполне сочувствующих его действиям»; среди этих «помощников» назван и вице-губернатор Ардалион Михайлович Андреев, который «с особым искусством пользовался всеми случаями, могущими доставить какое-либо награждение»[513]. Как далее уточняет Бикташева, Андреев «прибыл в Казань переводом из Саратова “не без особенностей служебных”. Как видно, применение “увольнений переводом” теперь коснулось и казанской администрации. Вице-губернатор и губернский советник Татаринов вновь реанимировали “не без признательности” практику раздачи служебных должностей»[514].

Частично восстановить биографию А. М. Андреева позволяет обращение к «Генеалогии господ дворян, внесённых в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869», составленной М. П. Чернявским[515], и формулярному списку[516]. Внушительный послужной список показывает, что перед нами явно человек весьма незаурядный и в своем роде талантливый.

---

[513] Цит. по: *Бикташева А. Н.* Казанское губернаторство первой половины XIX века: Бремя власти. М., 2014. С. 234–235.
[514] Там же. С. 235.
[515] Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской Губернии с 1787 по 1869: С алфавитным указателем и приложением / Сост. Чернявским. [Тверь, 1869]. Л. 11.
[516] РГИА. Ф. 1346 (Формулярные списки чинов гражданского ведомства (коллекция)). Оп. 6. Д. 6. Л. 194 – 210.

Ардалион Михайлович Андреев (ок. 1806/1807 – после 1857), родился в Тверской губернии, в семье надворного советника Михаила Яковлевича Андреева. В июне 1826 г., окончив курс наук в Императорском Санкт-Петербургском университете со степенью кандидата историко-филологического факультета, он в чине коллежского секретаря поступил на службу в штат канцелярии военного генерал-губернатора Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний. Но уже 20 октября 1827 года по отношению генерал-интенданта Морского министерства молодой чиновник был перемещен в министерскую канцелярию на вакансию столоначальника, где прослужил до 1830 г. За это время Андреев, кажется, сумел себя зарекомендовать с лучшей стороны: в 1829 г. он был награжден повышенным полугодовым окладом жалованья. В 1830 г. в той же должности столоначальника и в чине титулярного советника его перевели в Кораблестроительный департамент, а через год – в Департамент разных податей и сборов, в котором он дослужился до должности старшего столоначальника, дважды был награжден за отличную и усердную службу – и в 1838 г. уволен по прошению.

Но уже в том же 1838 г. Андреев в чине коллежского советника был определен на должность столоначальника во 2-й департамент государственных имуществ, в котором прослужил до 1845 г. На новом месте службы Андреев, по всей видимости, снова проявил себя как деятельный и усердный работник: в 1839 г. ему была объявлена благодарность за приведение в порядок дел департамента, в следующем году он стал чиновником особых поручений и проработал в этой должности шесть лет, все так же успешно, как и прежде, справляясь с рядом важных служебных заданий. Например, 1841 г. Андреев был командирован в западные губернии для усиления мер по взысканию недоимок от государственных крестьян и содержателей казенных имений, а в 1843 г. – в Волынскую губернию для строгого освидетельствования палаты государственных имуществ и всего управления; в 1845 г. по высочайшему

повелению он был командирован в Витебскую губернию в казенное имение Непортово для дознания насчет обеспечения крестьян продовольствием.

Были у Андреева многочисленные поручения и в столице. В 1841 г. им была произведена подробная ревизия 2-го департамента государственных имуществ, за что в 1842 г. он был пожалован в статские советники. Кроме того, в 1844 г. по предписанию министра государственных имуществ Андреев производил предварительную ревизию делопроизводства и отчетности по 1-му департаменту государственных имуществ за 1841–1844 гг. и ревизию первых пяти отделений лесного департамента.

В 1845 г. Андреев по собственному желанию уволился из департамента государственных имуществ, после чего был причислен к Министерству внутренних дел. В марте 1846 г. он был командирован в Воронеж для участия в следствии по делу об убийстве коллежской советницы Матохиной – и уже в апреле того же года высочайшим указом назначен саратовским вице-губернатором, пробыв на этой должности до 1853 г.

В Саратове Андреев сумел проявить себя и на поприще благотворительности, став действительным членом в Саратовском губернском попечительстве детского приюта и принимая самое активное участие в делах Комитета главного попечительства. Эта его деятельность была отмечена самой императрицей. Не остались незамеченными и его административные успехи: в 1848 г. Андреев был пожалован орденом св. Анны 2-й степени; в 1850 г. по докладу министра внутренних дел – единовременным пособием в 2000 рублей серебром. В 1853 г. все в той же должности вице-губернатора Андреева перевели из Саратова в Казань, где в 1857 г. он был пожалован в действительные статские советники. На этом его формулярный список завершается, и дальнейшая судьба казанского вице-губернатора остается неизвестной.

Вернемся, однако, к началу 1830-х гг., когда Андреев, тогда еще столоначальник в Департаменте разных податей и сборов, неожиданно стал

соиздателем «Русских повестей и рассказов», помощником Греча и посредником между ним и Бестужевым, тянувшим солдатскую лямку на Кавказе. Остается неясным, как пересеклись пути известного журналиста и совсем еще молодого – на целых двадцать лет моложе Греча – чиновника. Вероятно, этого уже не узнать: имени Андреева Греч не упомянул ни в «Записках о моей жизни», ни в сохранившихся письмах[517], за исключением тех, что были отправлены Бестужеву и посвящены изданию «Русских повестей и рассказов». По всей видимости, в какой-то момент Андреев был рекомендован Гречу как исполнительный молодой человек, хорошо осведомленный по экономической части, – и действительно, как будет видно по письмам, он занимался лишь финансовой стороной проекта. Но, как известно, участие Андреева в издании «Русских повестей и рассказов» стало успешным лишь для него самого, что вполне соответствует тому образу, который представлен в донесении жандармского офицера Ларионова, а не в безупречном формулярном списке.

§ 2. Сотрудничество А. А. Бестужева с периодическими изданиями Н. А. Греча и Ф. В. Булгарина; подступы к изданию собрания сочинений

Следуя совету сестры, в 1830 г. Бестужев отказался от идеи выпустить авторский альманах – и на смену рискованному желанию быстро обогатиться приходит желание относительно небольшого, но стабильного и гарантированного заработка. Видимо, именно с этой целью Бестужев 10 июля 1830 г. написал письмо к Булгарину, в то время – соиздателю журнала «Сын отечества и Северный архив». Уже продав в конце 1820-х гг. несколько произведений для этого журнала и «Северной пчелы», Бестужев предложил Булгарину заключить контракт на собственных условиях:

[517] См. также письма Булгарина к Гречу, большая подборка которых была подготовлена и опубликована А. И. Рейтблатом (Новое литературное обозрение. 1999. № 40; 2000. № 42; 2008; № 89).

В прошлом году матушка однажды писала ко мне, что вы желали иметь меня своим сотрудником; не был уверен тогда я в возможности исполнить обещание, я не смел взяться за дело. Теперь, кажется, я могу отвечать за себя и потому с своей стороны возобновляю предложение, если оно для вас не лишнее. Вот мои условия.

Я обязан присылать не менее двадцати и не более двадцати пяти печатных листов оригинальных текстов прозою. Превышающее число листов Вы отнесете к следующему году или, если угодно Вам будет, заплатите особо по 80 рубл<ей> за лист.

Вы вольны в течение года располагать по воле присланными пьесами: печатать их в периодических изданиях или особо, уступить другому и прочее. Но про прошествии года я могу перепечатать оные или продать вновь. Мерою листа принимается формат и шифр «Сына отечества» текущего года. Другие шрифты судятся по сравнению.

Если вам угодно будет поручить мне перевесть какую-нибудь главу или отрывок с немецкого, французского, англинского и польского языков, то Вы пришлите книгу с отметкою статей, которая вместе с переводом возвратится в скором времени.

Вы будете платить за это не менее 1500 рубл<ей> в год. Уплата производится по третям, считая со дня получения первой повести.[518]

Сделка состоялась – и на страницах «Сына отечества…» и «Северной пчелы» появились повести «Испытание»[519], «Вечер на Кавказских водах»[520] и очерки «Шах Гусейн»[521] и «Военный анекдот»[522].

Впрочем, писатель недолго довольствовался положением рядового сотрудника, получающего 1500 рублей в год, – у него вновь возникло желание опубликовать свои тексты отдельным изданием. Об этом известно из письма к сестре Елене от 11 декабря 1830 г. Спрашивая о судьбе стихотворений, отданных Булгарину для публикации в альманахах, он попросил сестру помочь с изданием своих повестей:

...в газете «Furet» была нап<е>чатана похвала «Испытанию» и «Вечеру на Кавк<азских> Водах», где, между прочим, сказано, что публика желает видеть их напечатанными особо. Это знак, что сии повести приняты хорошо, и потому, попрося к себе Смирдина или Сленина, предложите им: не хочет ли кто купить их, <для> напечатания вместе, трех: «Замка Эйзена», «Ис<пы>тания» и «Вечера на Кавк<азских> Водах». К ним в так<ом> же формате могут они

[518] *Бестужев-Марлинский А. А.* Кавказские повести. С. 484–485.
[519] Сын отечества и Северный архив. 1830. № 29–32; подпись: А. М.
[520] Там же. № 37–41; подпись: А. М.
[521] Северная пчела. 1830. № 112, 18 сентября; № 113, 20 сентября; подпись: А. М.
[522] Там же. № 106, 4 сентября; № 112, 18 сентября; № 113, 20 сентября; подпись: А. М.

впоследствии припечатать <...>[523] публиковаться имеющиеся мои повести ежегодно, <и>бо, если Бог даст здоровья, я сорок печатных листов буду издавать непременно в год. –Цена 3-м, 1.500 руб., двум последним 1.200, с тем условием чтоб они печатали <не более одн>ого завода или 1200 экземпляров. Если согласится, то <условие> надобно сделать на бумаге или по крайней мере <взять> денег вперед. Все сделки совершать по роз<…>. Я уже довольно был граблен на веку и <не хочу> быть обманутым в сотый раз. Эта цена <…> ничтожная и по ходу книжной торговли выго<ды> у книгопродавцев будут тройные, а потому не давать ни рублем дешевле. Будь я в Петербурге, я уверен, что взял бы втрое против настоящего, но <п>о одежке протягивай ножки.[524]

Действительно, в № 85 петербургской газеты «Le Furet: Le Furet: Journal de littérature et des théâtres» за 22 октября 1830 г. в рубрике «Echo de la littérature russe» был опубликован краткий, но доброжелательный отзыв о повестях Бестужева:

Nous avons lu dans une suite de №os du «Fils de la patrie», un conte charmant, intitulé «Les Epreuves», où le caractère d`une jeune *couventine* est tracé avec une perfection non moins rare que le tableau de «La sosiété aux eaux du Caucase en 1824», inséré dernièrement dans le même recueil. – Nous exprimons ici le vœu général, en désirant voir ces deux pièces imprimées séparément. – Nous pensons que les auteurs, MM. Gretsh et Boulgarine, ne se refuseront point à une demande qui ne peut que les flatter.[525]

Если сравнивать новый проект Бестужева с планом несостоявшегося издания «якутского» альманаха, очевидной станет возникшая умеренность авторских притязаний. Уменьшился желаемый размер тиража – теперь речь идет о более привычных 1200 экземплярах. Обращает на себя внимание и то, что намерение издать повести возникло после благожелательного на них отзыва; естественно, это делало их переиздание менее рискованным, чем в случае с текстами, читательская реакция на которые еще неизвестна. Отдельного комментария требует желание Бестужева издать вместе с

[523] Письмо сильно повреждено; утраченные места обозначены многоточиями в угловых скобках.

[524] Русский вестник. 1870. № 6. С. 502. Ошибки, допущенные при публикации, исправлены по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 11. Л. 106об – 107.

[525] «Мы прочли в нескольких номерах “Сына отечества” прелестную повесть “Испытание”, в которой характер юной воспитанницы монастыря изображен с не менее редким совершенством, чем картина “Общества на Кавказских водах в 1824 году”, недавно опубликованная в том же сборнике. – Мы выразим общее мнение, пожелав увидеть эти две пьесы напечатанными отдельно. – Думаем, что авторы, господа Греч и Булгарин, не откажут в просьбе, которая может им только польстить» (*фр.*; перевод мой. – *А. П.*).

«Испытанием» и «Вечером на Кавказских водах» и свою старую повесть «Замок Эйзен»: как уже было упомянуто выше, этот текст ранее был без ведома автора опубликован в «Невском альманахе» – и таким образом Бестужев открыто заявлял на него свои права.

Между тем уже в начале 1831 г. – буквально через полгода после заключения контракта его условия были нарушены: Бестужев перестал получать деньги и номера «Сына отечества» и «Северной пчелы. Своим недоумением Бестужев поделился с родными в письме от 5 января 1831 г.: «P.S. Chère Hélène: il parait que M-rs les éditeurs ne sont pas trop pressés de remplir leur engagement – et bientôt je serais de nouveau sans argant»[526]. В это же время Бестужев пишет для «Московского телеграфа»[527] и «Тифлисских ведомостей»[528] – но затруднения, кажется, возникли только в финансовых делах с Гречем.

Через неделю, 13 января 1831 г., Бестужев выслал матери и сестрам еще одно письмо похожего содержания; в этом письме впервые упоминается имя Андреева:

> Я не понимаю, что со мной делает Андреев. У него осталось еще с прошлого года 100 руб<ей> и он не исполнил ни одной комиссии, хотя прежде был весьма аккуратен. Жив ли он? Здоров ли он? Осведомьтесь о сем у Николая Ивановича, равно как и о том: отправлены ли мне за новый год деньги и с кем и когда? Почты теперь ходят весьма исправно – а я не получал ни копейки. От сих пор решительно скажите Н<иколаю> И<вановичу>, чтобы выдача шла по-прежнему: а то эти посылки через чужие руки и на чужое имя совсем никуда не годятся. После и права не сыщешь. То же самое и о журналах.[529]

Еще через неделю, 19 января, в следующем письме к родным Бестужев

---

[526] Русский вестник. 1870. № 6. С. 506. Перевод: «Дорогая Елена: кажется, господа издатели не слишком торопятся выполнить свое обязательство – и вскоре я снова останусь без денег» (*фр.*).

[527] В 1831 г. в Ч. 38 №5 (С. 36–65) и №6 (С. 183–210) «Московском телеграфа» появился рассказ «Страшное гаданье».

[528] В начале 1831 г. на страницах газеты появились «Красное покрывало» (Тифлисские ведомости. 1831, № 6–7; 24 января) и «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев» (Там же. № 9–10–11, 11 февраля; 12–13–14, 21 февраля; 15–16–17, 1 марта). Кажется, тексты понравились – и Бестужеву вскоре было предложено сотрудничество, которое он, правда, принял без энтузиазма: «Мне предлагают сотрудничество с “Тифлисскими Ведомостями” – но я не имею довольно времени, а того менее охоты, видя как все не клеится» (письмо к матери и сестрам от 18 марта 1831 г. – РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 123 об).

[529] Там же. Л. 121.

вновь пожаловался на неуплату денег, сообщив новые подробности:

> Кстати, о деньгах. Что значит, что издатели мне не присылают должного? За треть с 1 июля не доплачено 200[530]; за идущую по 1е марта – 500. Он не думают, что здесь не Россия, и неверность в получении влечет за собой расстройство, проценты жидовские и т. п. Я опять без денег <…> а потому прошу торопиться присылкой, то есть взиманием откуда следует.[531]

Вскоре, как понятно из письма к матери и сестрам от 18 марта 1831 г., стала известна причина задержки журнала и газет – неверный адрес, по которому ему присылали издания:

> …прилагаю вам адрес, по которому г. издатели посылают мне «Сев<ерную> пчелу»… вы увидите ес<ть> ли тут человеческий смысл, и мудрено ли после этого, что газеты ходят бог знает куда! В *Дербент*, в *Кизляр*...что это такое? – вздор, скажете вы – но вздор, от которого ни одна почта не приносит ничего исправно. В Кизляре ищут меня и не находят, отсылают в Тифлис; Тифлис иногда опять ворочает в Кизляр. Надо бы написать *чрез Кизляр*[532]. Но для газет нет там дороги – они из Ростова идут на Тифлис, а потому впредь попросите, чтобы исправили адрес, надписывая просто *в Дербент.*[533]

Из этого же письма становится известным одно обстоятельство. Не получая исправно денег от Греча и Булгарина и, вероятно, не находя желающих отдельно издать три его повести, Бестужев через Андреева решает продать свою новую повесть «Наезды». Но увидев ее начало опубликованным в «Сыне отечества», писатель решил, что повесть продать не удалось, и ее отдали в счет листов, которые он обязался высылать по контракту:

> Во-вторых, я через г. Андреева хотел продать повесть «Наезды» за 700 р. и просил его, если встретятся затруднения от книгопродавцев, отдать оную гг. издателям. Как видно, он так и сделал, ибо первая глава уже напечатана в «С<ыне> о<течества>». Но так как это расстроило мои денежные планы, то спросите у них, не возьмут ли они «Белозора» особо, полагая в *60* рублей печатный лист. *Говорю это, потому что по уговору я должен был дать только 25 листов; 2 листа назначил я за журналы (хотя они стоят 100, а не 120 р.) и лист на протори и убытки, следс<твенно>, всего 28 листов, а*

---

[530] О получении 300 рублей за первую треть года Бестужев сообщал Булгарину в письме от 28 октября 1830 г.: «Сим честь имею уведомить господ издателей “Северной пчелы”, что посланные ими деньги от 10-го сентября чрез г-жу Торсон, триста рублей ассигнациями получил сего 1830 года, октября 28 дня, в Дербенте. Александр Бестужев» (Русская старина. 1901. Т. 105. Вып. 2. С. 399).

[531] Русский вестник. 1870. № 6. С. 507.

[532] В уже упомянутом письме к Булгарину от 1 июля 1830 г. Бестужев сообщал: «Если вздумаете послать ко мне что-нибудь, вот адрес: А. А. Б<естужев>у в Грузинский линейный № 10-го батальон, *чрез Кизляр*, в Дербент».

[533] РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). № 12. Л. 123.

теперь, по моему расчету, у них должно быть статей листов на 40 – У меня просил Полевой какую-нибудь повесть, и *если б я не боялся обидеть г. изд<ател>ей, я бы послал к нему по передаче «Белозора» – но на это надобно их согласие, и потому узнайте о сем поосторожнее.* Они бы и я бы, конечно, от того не остались в накладе. Во всяком случае спросите, хотят ли они что взять особо, или лишние листы переводят на будущий год? *Также не обраковали ли каких пьес и в таком случае почему не известили о сем ранее вас? Наконец, почему они не высылают мне «С<ына> о<отечества>»?* Я прошу его не из милости – я плачу больше, нежели он стоит. Еще:

Спросите по-дружески и по-родственному напишите мне, почему не выставлено на «Наездах» посвящение одному моему знакомому[534], сами ли издатели пропустили это, или по чьему намеку? Это знать мне не только любопытно, но и необходимо. Обо всем этом отвечайте как можно скорее. Прошлое письмо к Полевому уничтожьте, а коли вздумаете, по смыслу его напишите от себя при посылке стихов.[535]

Обращает на себя внимание, что, несмотря на неаккуратность издателей «Сына отечества», Бестужев упорно отдает предпочтение именно им, а не Полевым, с которыми он к тому времени уже находится в самых добрых отношениях. Несколько позднее с издателем «Телескопа» Надеждиным он и вовсе отказался сотрудничать[536]. Трудно сказать, с чем это может быть связано; возможно, заключив контракт с «Сыном отечества», Бестужев считал непорядочным слишком активное сотрудничество с другими изданиями. Нельзя забывать и того, Бестужев знал Греча лично и сотрудничал с ним намного дольше: именно в «Сыне отечества» в 1818 г. были опубликованы первые тексты молодого писателя – и во многом именно благодаря Гречу и его покровительству Бестужев смог в начале 1820-х гг. занять достойное место в литературном мире.

Кроме того, у Бестужева довольно скоро появились дополнительные причины доверять соиздателю «Сын отечества» и его помощнику: ему стало

---

[534]Повесть была посвящена кавказскому знакомцу Бестужева, декабристу Ивану Петровичу Жукову. Кажется понятным, что имя политического преступника не могло появиться в посвящении.

[535] РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). № 12. Л. 123–123об. Курсив мой – А. П.

[536] См. письмо к Н. А. Полевому от 24 февраля 1832 г.: «Помнится, я писал к Вам, что Надеждин прислал мне журнал свой, прося повестей за какие угодно условия. Не люблю я новых связей и по природе, а с таким журналистом, как издатель близорукого “Телескопа” и подавно. Отыгрался комплиментами и условными обетами. Все более уперся на дружбу с Вами и Гречем, давно заключенную» (*Бестужев-Марлинский А. А.* Кавказские повести. С. 515).

известно, что Андреев не отдал, а продал Гречу повесть «Наезды». Это становится понятным из любезного письма Греча от 21 марта 1831 г., в котором, в частности, говорится о том, что Бестужеву за эту повесть причитается 800 рублей. Приведем полностью текст этого письма, прежде не публиковавшегося:

С <анкт>Петербург, 21го марта 1831

Милостивый Государь Александр Александрович! Не жалуйтесь на мою безответность: она происходила от того, что я не знал, каким образом писать к вам. Кажется, что под нынешним адресом письмо дойдет своим порядком.

Я вам душевно благодарен за ваши статьи, и желаю иметь вас сотрудником на всю жизнь. Узнав от г. Андреева, что книгопродавцы не хотят дать требуемых им 800 р. за «Наезды», я убедил его уступить эту повесть мне. – Остальные за год 700 рублей приказал уже я доставить сестрице вашей, и с получением «Белозора» считаю год конченным. Как вы можете полагать в счет журналы? Прошу вас принимать их от нас по-прежнему. – Если теперь вам угодно будет присылать что-нибудь, то сие пойдет в счет второго года. Лучше всего было бы, чтобы вы, при посылке статьи, сами трудились отмечать, сколько приходится по вашему расчету, а я тотчас буду уплачивать, ибо ваших статей не могу считать *листами*.

Вы спрашиваете: какие статьи лучше присылать? Как вам угодно. Небольшие идут в «Пчелу»; поболее в «Сына отечества». Если вы сверх условленного числа листов будете присылать что-либо в Петербург, адресуйте ко мне с назначением платы: я охотно буду платить, и, право, в накладе не останусь.

Роман мой[537] дал я г. Андрееву для пересылки к вам. Теперь вы его вероятно получили. Не судите строго эту безделку, написанную по невозможности заниматься чем-нибудь серьезным. Жду вашего романа, и охотно буду вашим восприемником.

Да кончите, пожалуйста, «Вечер на Кавк<азских> водах»: тогда исправим и опечатки.

Вы пеняете за потворство наше дурным книгам! Да где взять хороших! Не найдете ли случая и времени написать разбор какого-нибудь из новых произведений нашей литературы: я принял бы с истинною благодарностию.

Побеседовав с вами, я помо<ло>дел пятью годами. Помните ли вы <о нас>, а мы о вас ежедневно, ежечасно воспоминаем! Простите, будьте счастливы и пишите к

преданному вам душою

Н. Гречу

P.S. Булгарин уже две недели, как уехал в свое прекрасное поместье Карлово, лежащее подле Дерпта. Он все тот же умный, добрый и сумасшедший!

Перечитав письмо, я вижу, что сделал с вами расчет наобум. Извините. Удосужась, сосчитаю число листов, и вас уведомлю о результате; но плату произведу теперь же.

[537] Вероятно, речь идет о романе «Поездка в Германию».

[На обороте]
Милостивому Государю
Александру Александровичу
Бестужеву
в Дербент.[538]

На первый взгляд кажется, что произведенные «наобум» расчеты не совсем верны. Те 700 рублей, о которых идет речь в письме, покрывают лишь долг за первые две трети года (напомним, что 19 января Бестужев сообщал о том, что за первую треть получил лишь 300 рублей, а за вторую не получил ничего) – но не совсем ясна судьба еще 500 рублей, которую Греч должен был выплатить за последнюю часть. Впрочем, из фразы «*Остальные* за год 700 рублей приказал уже я доставить сестрице вашей, и <…> считаю год конченным» может следовать и то, что деньги за последнюю треть были высланы раньше.

Тем не менее, одна неясность в любом случае остается. Как уже говорилось, в письме к родным от 18 марта 1831 г. Бестужев обмолвился, что уже давно выслал требуемое по контракту количество листов, поэтому и рассчитывал получить за «Белозора» отдельное вознаграждение. Причем если при заключении договора он писал о 80 рублях за лист, то теперь речь шла уже о 60-ти. В самом деле, с июля 1830 г. по март 1831 г. на страницах «Сына отечества» и «Северной пчелы» появилось немало текстов писателя: кроме уже упомянутых ранее «Вечера на Кавказских водах» и «Шаха Гусейна», здесь были опубликованы очерк «Сибирские нравы. Исых»[539], рассказы «Будочник-оратор»[540], «Часы и зеркало»[541], а также несколько стихотворений[542]. Но, кажется, издатель считал, что обязательства все еще не выполнены.

---

[538] РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 5. Л. 67–68.
[539] Северная пчела. 1831. № 115, 25 мая.
[540] Северная пчела, 1831, № 44, 24 февраля; № 45, 25 февраля.
[541] Северная пчела, 1831, № 21, 27 января; № 22, 28 января; № 24, 30 января.
[542] «Каспийское море. Элегия» (Сын отечества. 1831. № 17. С. 161–163); «Приписка к богатому надгробию в бедности умершего поэта» (Там же. № 24. С. 245); эпиграммы «Люблю я критика Василья…», «Клим зернами идей стихи свои назвал…», «Да, да, в стихах моих знакомых!..» (Там же. С. 246).

Также обращает на себя внимание и то, что Греч словно бы не знает о том, что Бестужев до сих пор не получал исправно ни «Сына отечества…», ни «Северной пчелы». Создается впечатление, что издатель, как будто действуя в интересах своего сотрудника (речь идет о покупке «Наездов», которая и вправду выглядит как красивый жест), к своим обязательствам относился скорее небрежно. Эта небрежность проявилась, кстати, и при публикации текстов: Бестужев часто жаловался своим корреспондентам на то, что присланные им произведения пестрят досадными и нелепыми ошибками[543].

Ответ Греча, кажется, Бестужева удовлетворил не вполне – по крайней мере в той части, которая касалась присылки «Сына отечества…» и «Северной пчелы», о чем он и сообщил в письме, отправленном лишь 14 мая 1831 г.:

> Очень, очень благодарен за сердечное участие ваше насчет романа; вы предупредили мою просьбу, но предупредили и рождение его: я спрашивал с условием – если напишу, а вы приготовили уже купель. Нет нужды, это заставит меня выплатиться в невольном обете, хоть очень мне трудно, не имея средств, а всего более досуга заняться большим предприятием: я не на розах, почтенный наставник мой в словесности, – мое Карлово, моя Черная речка на гауптвахте. Можете судить о вдохновении. Кавказ для меня заперт, и я, как Тантал, ловлю недосягаемую струю.
>
> Вы говорите, что напрасно я ставлю в счет журналы, вы хотите, чтоб я брал их по-прежнему, – но я никогда их не брал; бывая каждый день у Ф<аддея> В<енедиковича> или у вас, я не имел в том никакой нужды. Жалуюсь вам на вас самих. «Сына Отечества» не получил до сих пор. «Пчелу» высылают поздно и неполно; вот уже три недели ни номера.[544]

Но как понятно из письма к сестре Елене от 1 мая 1831 г., в том, что он журнал так и не получил, Бестужев винил скорее почту, действительно работавшую не без перебоев[545], а не Греча (вероятно, несмотря на все

---

[543] См., например, письмо к Н. А. Полевому от 9 июня 1831 г.: «В “С<ыне> о<течест>ва” по временам печатаются мои стихотворные грехи, но от опечаток и в прозе, и в виршах, житья нет. В одной пьесе, напр<имер>, в 22-м №-ре, вместо “В небе свит туманов хор” – поставлено: “В небе *свист*, туманов хор”. Ник<олай> Ив<анович>, кажется, верует, что в поэзии не должно быть смыслу, и потому, какую бы чепуху не наврал корректор, он не заглянет в рукопись» (*Бестужев-Марлинский А. А.* Кавказские повести. С. 503).

[544] ОР РНБ. Ф. 608 (Помяловский И. В.). Оп. 1. Ед. хр. 4656. Л. 1.

[545] Чуть позднее, в письме к матери и сестре Елене от 28 мая 1831 г. он в отчаянии напишет: «Греч уверяет что послал “С<ына> о<течества>”, а теперь я перестал получать и “Пчелу”: сообщение с Кизляром прервалось; разбивают горцы почту; о край, забытый богом и людьми!!» (РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 128)

сложности, Бестужев всеми силами стремился сохранить с ним добрые отношения): «Не получая и потеряв надежду получать “Сына Отечества”, я прилагаю сухую записку к Н<иколаю> И<ванови>чу – предупредите его, что это для показу в почтамте, а вовсе не для того, чтобы оскорбить его. Надобно же добраться, отчего мне не присылают этого журнала. Да и “С<еверной> п<челы>” уже *3 недели* нет, и в минувших несколько номеров пропущены»[546].

Из этого же письма видно, что Бестужев не оставил надежду опубликовать свои тексты отдельным изданием, и теперь это были уже первые подступы к замыслу собрания сочинений: «Для справок моих пьес прилагаю особый список с указанием, где напечатаны были. Выйдет части 3, полагаю, более 20 лист<ов> в часть. Впрочем, я думаю печатать это в Москве: Полевой возьмется сам издать – а то книгопродавцы – душепродавцы. Вопрос, позволят ли имя выставить: нельзя ли этого всего под рукой спроведать у г<раф>а Бенке<ндорф> а?»[547]

Бестужев продолжил сотрудничество с Гречем, но спустя какое-то время отношение к нему начало меняться. Если экземпляры «Московского телеграфа» (как и другие посылки от братьев Полевых) приходили на Кавказ исправно, то ситуация с «Сыном отечества» и «Северной пчелой» не изменилась. В июле же 1831 г. выяснилась новая и еще более досадная подробность – неясность в денежных расчетах. В письме к матери и сестрам от 25 июня мы найдем приписку к Елене – по всей видимости, ответ на ее письмо, полученное им ранее:

> Ma plume pendant ce temps ci état frappée d’apoplexie et peut-être même d’hydropisie. Elle revient peu à peu de sa stupeur mais se traine encore clopin, clopant. Vous m’annoncez qu’il reste pour régler le compte final avec les éditeurs 160 r. à liquider de leur part. Il me parait qu’il y aurait davantage à cause d’excédent. Mais il faudrait vérifier cela quand toutes mes pieces seront imprimées. Н<николай> И<ванович>ч renonça aux 2 feulles que j’ai destinées en payement de 2 journaux – et a fait justice de soi-même car je ne recois pas le «С<ын> о<течест>ва».
>
> Pour la I-ère année, donc, j’assigne 26 feuilles d’impression. Pour l’excédent ils doivent me payer *à part*. Je donnerais volontiers 2 ou 3 de mes pièces en vers pour l’almanach que je ne connais ni ne veux connaître mais pour la prose je crois

[546] Там же. Л. 125.
[547] Там же.

que non: je ne veux pas me prostituer dans ces brochures d'enfants – et pourquoi le ferais-je? On me propose partout 80 roub. par feuille. Je serais content si j'étais assez diligent pour écrire beaucoup.[548]

Вскоре у Бестужева появился новый повод для раздражения и досады – правда, уже не связанный с «Сыном отечества и Северным архивом», но от того не менее неприятный: в августе 1831 г. писатель узнал о новых перепечатках своих произведений, о чем посетовал в письме к Полевым[549]. К сожалению, это стало не единственным огорчением, которое писателю пришлось пережить во второй половине 1831 г. Греч не только продолжал не слишком аккуратно присылать журнал и газету, но и снова задержал оплату за первую треть года. Н. А. Полевой, с глубокой симпатией относящийся к Бестужеву и высоко ценящий его талант, в письме от 25 сентября восклицал: «И Вы упоминаете о пересылке "Аммалата-Бека" к Гречу? Послушайте – это было в последний раз и в первый – и более никогда уже я от Вас этого не услышу? Если бы можно было, я не позволил бы в страницах Греча являться ни одной букве Марлинского»[550].

---

[548] Перо мое пока хватил удар или, быть может, одолела водянка. Оно понемногу выходит из оцепенения, но еще хромает кое-как. Вы сообщаете мне, что для окончательного расчета с издателями остается получить от них 160 рублей. Мне кажется, что должно бы выйти больше, поскольку было лишнее <то есть было написано больше, чем полагалось по договору. – *А. П.*>. Но это нужно будет проверить после того, как все мои пьесы напечатают. Н<иколай> И<ванови>ч отказался от двух листов, которые я определил в счет двух журналов – и поступил по справедливости, ибо я не получаю «С<ына> о<течества>».
Так что за первый год я назначаю 26 печатных листов. За лишнее они должны платить мне отдельно. Я с охотой отдал бы 2 или 3 стихотворения для альманаха, который не знаю и знать не хочу, но не прозу: я не хочу продаваться в детские книжонки – к чему мне это? Мне предлагают 80 рублей за лист. Я был бы доволен, будь у меня порядком усердия для того, чтобы достаточно написать (*фр.*) (перевод мой. – *А. П.*) (РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 133).

[549] «Г. Воейков решился, кажется, не только обкрадывать меня, но перепродавать моих чад под чужим именем в рекруты. В 54-м № его *Прибавлений*, например, эпиграф, взятый из моего отрывка перевода "Оптимиста", напечатанного в 18...м году в "Сыне отечества", и потом им же перепечатанного в "Образцовых сочинениях" под литерами А. Б., теперь является с подписью: Дунин-Борковский. Замолвите слово за меня. Это неслыханная дерзость. Вероятно, были и другие воровства, да не случилось видеть: только для смеха заглядываешь в этот лоскутный ряд» (Русский вестник. 1861. № 4. С. 487). До нас дошел лишь обрывок письма, начало его утеряно. Г. В. Прохоров датировал его августом 1831 г. (ОР РНБ. Ф. 69 (Бестужевы). Ед. хр. 37. Л. 75).

[550] *Полевой Н. А.* Избранные сочинения и письма. М., 1986. С. 510. Вероятно, это ответ на письмо Бестужева от 13 августа 1831 г., в котором отослал первые пять глав новой повести, уточнив: «Если найдете, что эта повесть слишком длинна для вашего журнала (в ней будет

Случились и другие неприятности: несмотря на то, что издание повестей затягивалось на неопределенный срок; Полевой, прежде исправно отвечавший на письма, вдруг замолчал. Обо всех этих невзгодах Бестужев в подробностях сообщил матери и сестрам в письме от 1 декабря 1831 г:

> Chère Hélène! На счет моих писальных дел вот отповедь. Продавать поодиночке повестей я не хочу. Скажите торгашам книжным, что я новгородец и от меня они увертками ничего не добудут: я знаю себе цену. За экземпляры сделываться – не охотник. Пусть дадут чистые, за каждый лист 80 р., то ж самое если перепечатают и все сочинения. Денег от Греча не получил за новую треть – а теперь и с ноября должно бы. Примусь за перо и свое выставлю. От Полевого ни слова – хоть к нему и много послано – не понимаю, что значит: не печатает и перестал отвечать. Спросите Греча, что если он не будет печатать статей «Военный антикварий» и «О происхождении якутов», то отдал бы их вам: это было в условии. Получил ли он «Латника»? Журналы пусть он высылает непременно на мое имя, ибо Жуков в походе. Через Тифлис.[551]

И если ситуация с Полевыми вскоре благополучно разрешилась, то Греч по-прежнему не спешил выплачивать деньги – или же они до Бестужева не доходили. Об этом писатель сообщил матери и сестре в письме от 24 декабря: «От Полевого получил множество книг, но от Андреева денег ни шелега. Жив ли он? Скажите, пожалуйста, Гречу <…> чтобы он, если будет посылать деньги, то делал бы это через вас *по-прежнему*, ибо посылки на чужое имя весьма неверны и концов не сыщешь, а сам я везде найду свое»[552].

Казалось бы, что за полтора года сотрудничества с «Сыном отечества» Бестужев должен был убедиться в том, что Греч едва ли самый исполнительный и аккуратный издатель – по крайней мере, по отношению к нему. То же можно было бы сказать и об Андрееве, который, очевидно, не всегда успешно справлялся с возложенными на него задачами помощника и посредника. Тем более странно читать письмо Бестужева к матери от 9 февраля 1832 г., где он делился радостной вестью: «...прошу Вас поблагодарить г-на

не менее 12 печатных листов), прошу вас отослать к Гречу, прописав, что она à parte, то есть не в счет года» (Русский вестник. 1861. № 3. С. 305). Впоследствии повесть «Аммалат-Бек», одна из самых известных и успешных вещей Бестужева, была опубликована в «Московском телеграфе».

[551] РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 4. Л. 93.

[552] Там же. Ед. хр. 12. Л. 145.

Андреева и Николая Ивановича за предложение издать мои повести; я не могу и не желаю найти лучшего издателя. Пусть приступает к делу с Богом: под названием “Повести Александра Марлинского”»[553]. Радость Бестужева удивительна еще и потому, что в том же письме он вновь жаловался на очередную задержку денег (в которой он, правда, снова не винил ни Греча, ни Андреева): «Но от Греча денег не получал на новый год. Сюда прислан был новый почтмейстер для поверки растрат старого (замотавшего кучу денег), и оказалось, что этот поверщик размотал вновь довольное количество. В том числе, кажется, попались 500 р., на имя Ивана Петровича <Жукова> от г-на Андреева посланные. Но как я не имею от Андреева от сем уведомления, то не считаю себя в долгу у “Пчелы”. Все это, правду сказать, весьма порасстроило мои финансы, да как быть!» [554].

Сложно сказать, чем можно объяснить решение Бестужева вновь положиться на Греча и Андреева как на издателей – при том, что на издание повестей, по всей видимости, уже был согласен Н. А. Полевой. Но в любом случае решение было принято – и оно Бестужева воодушевило. В том же письме к матери от 9 февраля 1832 г. он чрезвычайно подробно описал структуру будущего собрания сочинений, не забыв упомянуть и финансовую составляющую проекта:

> В первой части (часть в пятнадцать или двадцать листов) поместить «Испытание», «Замок Эйзен», «Вечер на корабле» (помещенный в «Волшебном фонаре»), «Листок из дневника гвардейского офицера» (из «Приб<авлений> к “С<ыну> о<течест>ва”»), где описывается сон, будто я попал к разбойникам (она напечатана с буквами А. Б.), назвать ее *«Ночь в лесу»*. Я думаю, это составит нужное количество листов, если нет – прибавить «Часы и зеркало». Во 2-й части поместить «Наезды»), «Красное покрывало», «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев» (Из «Тифлис<ских> ведом<остей>»; о поправках я пришлю листок), «Страшное гаданье». Или, выкинув «Рассказ», – «Лейтенанта Белозора». В 3-й части будет «Вечер на К<авказски>х водах» целиком, ибо окончание я снова принялся писать и пришлю для «С<ына> о<течест>ва». Каждую часть я думаю пустить по пять рубл<ей> и врозь, так что выпустить одну, кончив по ней счеты, потом издать другую и, по мере накопления новых, далее и далее. Титул можно дать и другой, напр<имер>: «Сочинения А. Марл<инского>», – это лучше, ибо тогда

[553] *Бестужев-Марлинский А. А*. Кавказские повести. С. 513.
[554] Там же.

> можно будет мешать и не повести. Прошу снестись с ним <Н. И. Гречем – А. П.> об этом поскорее и, уполномочив его, известить меня о сделке – деньги мне нужны <…> Выручку за первые экземпляры – за уплату издержек издания; прочие кушами по 500 р., пересылать мне. Об остальном дам знать.[555]

Впрочем, про свои прежние обязательства перед Гречем Бестужев не забыл. Видимо, предчувствуя, что работа над собранием сочинений не оставит времени на написание новых повестей, он согласился на сокращение гонорара: «Скажите ему <Гречу. – *А. П.*>, между прочим, чтобы за последнюю треть удержал мне уплату. Если я не выставлю должное число листов, пусть за оное вычитает из нее по 60 р. за лист. Я не хочу даром брать денег»[556]. Думается, этот жест был продиктован не только порядочностью, но и уверенностью в успехе готовящего предприятия. В письме ничего не говорится о планируемом тираже, но даже при полной продаже стандартных 1200 экземпляров за каждую часть выручка должна была получиться изрядной – поэтому и потеря одной-другой сотни рублей явно не должна была лечь на Бестужева тяжким бременем.

Вскоре, 24 февраля, Бестужев отправил матери новое письмо, в котором подтвердил свое желание доверить именно Гречу издание собрания сочинений – но содержание письма лишь заставляет еще больше усомниться в правильности этого решения:

> Две недели назад писал я к Вам письмо об издании моих сочинений, так сказать, посмертных. Предоставьте это Гречу – он благородный человек. Об одном просьба, чтоб не было опечаток и чтоб речи одного, не сбивать с речами другого в одну строку. Ошибки я почти все послал к Лиошиньке[557] – сохранны ли эти лоскутки? Чем скорее, тем лучше, ибо я вовсе без денег… от Н<иколая> И<вановича> не получал за новый год ничего[558]. – В «Альциону», верно, он подарил «Антиквария» моего[559] – он имел на то полное право.[560]

---

[555] Там же. С. 513–514.
[556] Там же. С. 513.
[557] Домашнее прозвище Елены Александровны Бестужевой.
[558] Кажется, вскоре деньги Бестужеву все-таки пришли – но только за одну треть, о чем он сообщил Булгарину 15 марта 1832 г.: «P.S. Денег за первую треть другого года не получал. Они, кажется, пропали по почте; за 2-ю треть, напротив, уже имею. За третью удержитесь высылать, ибо я даром брать денег не люблю. Помните, что год наш начинается с 1-го июля» (Русская старина. 1901. Т. 105. Вып. 2. С. 401).
[559] Очерк «Военный антикварий» с подписью «Марлинский» был действительно опубликован в альманахе Е. Розена «Альциона» на 1832 г. (С. 1–13).
[560] РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12, Л. 150–150 об.

Несмотря на все уверения, родные Бестужева, кажется, не слишком доверяли Гречу, и поэтому в издании повестей решила вмешаться старшая сестра писателя Елена Александровна, попросив у брата доверенность – хотя, очевидно, она и прежде выполняла роль посредника. Как понятно из письма Бестужева к матери и сестрам от 30 марта 1832 г., просьбу он удовлетворил; кроме доверенности, выслал корректуры и поручил несколько комиссий:

> По желанию вашему, любезнейшая сестрица, прилагаю здесь доверенность для печати моих сочинений. Пожалуйте, наиболее смотрите, чтобы не сбивали в одну строку вещей, которые должны быть с паузою, необходимою для внимания читателей. А этот грех водится за Гречем. Также чтобы не смешивали речей одного с другим – как в «Вечере на К<авказских>х водах». Перед каждою повестью заглавный листик с посвящением и с эпиграфом (если они есть). Предисловия писать не буду, ибо за тридевять земель издание не может быть очень исправно. Пусть видят меня со всеми грехами юности... Жаль только, что меня так безобразили всегда цензура и типография! Отвечать бы, так отвечать за одни свои ошибки, а то на все корки режут. В «Латнике» заметил на этот раз следующие ошибки: в № 2-м 26-я строка стр<аницы> <так!> вместо *шум, стон* – должно быть *шум стоп.* В № 4-м стр. 209-я строка 3-я напеч<атано>: так блещет… (надо прибавить): Венера в зимнюю ночь –
>
> В «Романе и Ольге» на первой строке я помню не на месте запятая, изменяющая смысл перед словом *сотник.*
>
> О «Поездке в Ревель» пришлю особое примечание. Как думаете его печатать – лучше вместе с прочими: по крайней мере в один формат.[561]

Приписки:

> Опоздав на прошлую почту поневоле, отсылаю доверие теперь. Тут же для «С<еверной> пчелы» номера на 2. На следующей почте *непременно* вышлю конец – могут печатать. Будет описана вся дагестанская экспедиция 1831 года: говенье помешало переписать.[562]

> Насчет дел литературных, любезная сестрица, вот еще две ошибки, которые должно исправить в повести «Вечер на К<авказских> В<ода>х», приищите только страницы: напеч<атано>: Арабским привычкам – читай – рабским привычкам; напеч<атано>: баловых приятелей – читай: баковых приятелей. О прочих писано в прошлом письме. Нельзя ли разведать, не хотят ли г-да альманашные издатели заказать мне повестей хоть аршинами. Могут даже давать сюжеты и род пьес. – Для всякого случая повторяю предложение книгопродавцам трех повестей: «Замка Эйзена», «Испытания» и «Вечера <на Кавказских водах 1824 г.>» за 1500. – Если они станут упрямиться, я сделаю с ними Сибиллину штуку, и через полгода они мне заплатят вдвое; или печатайте сами: это выгоднее. Неужели не найдется из доли редактора? На счет писем от К<катерины> П<етровны Торсон> распорядитесь, чтобы она не

[561] Там же. Л. 153–153об.
[562] Там же. Л. 155.

терпела убытка за пересылку всего. О газетах «С<ын> о<течества>» и «Сев<ерной> пчеле», я думаю, вы уже позаботились. Насчет прежних денег и посылок, кажется, мы их решительно не получим, и потому требуйте там.[563]

Нельзя сказать, что участие Елены Александровны в делах брата что-то существенно изменило – Греч очевидно не воспринимал ее всерьез и не считался с ней. Деньги все так же присылались нерегулярно[564] – и если в переписке с Гречем или Булгариным Бестужев вынужден был оставаться сдержанным и любезным, то в письмах к сестре он считал возможным выражать свое неудовольствие открыто, как, например, в письме от 14 июля 1832 г.:

Растолкуйте, пожалуйста, каким образом вы пропустили целую треть с Гречем? Ужели у вас нет для сего особой тетради? За июльскую треть 1831 года послал он мне через Андреева (я еще ее выхаживаю), вот мы квит до 1го ноября. За ноябрьскую треть послали вы мне 400 р., а 100 удержали для покупок, вот мы квит по 1е марта. Но с 1го марта по 1е июля я не получил ни шелега. Растолкуйте, отчего это? Вы ли получили, или по моему одному письму Греч вычел за недочет листов сего года? Это для меня непонятно, а вы молчите, хоть я уже раза три писал о том. Благодарю за внимание Греча, но, мне кажется, лучше бы пополнить истекший год, чем начинать в долг новый. Я непременно рано иль поздно выплачусь. Ужели нет мне на 500 рублей доверия?[565]

Стоит обратить внимание на вторую часть приведенного фрагмента письма. Напомним: узнав о том, что Греч взялся за издание сочинений, Бестужев объявил, что не будет работать в долг – и согласился на вычет денег из гонорара за не присланные в журнал листы, причем сообщал о том неоднократно. Но, видимо, за полгода, прошедшие с тех пор, как было дано это обещание, пыл его несколько умерился, и он попытался пойти на попятную – и продолжал добиваться от Греча выплаты причитающихся ему денег, в первую

[563] Там же. Л. 156–156 об.

[564] См., например, письмо к матери и сестре Елене от 25 мая 1832 г.: «Гречу благодарность – Андрееву втрое. Получили ли “Дагестанский поход” для “Пчелы”? “Воды” пишу – и скажите, что за 1832 выплачусь. – Напомните издателям, что я с 1831-го июля по 1-е июля 1832-го должен быть удовлетворен – они, кажется, переменили сроки. Спросите еще, берут ли меня на остальное полугодие с июля по январь – или нет? В противном случае я найду себе работу. За 2-й год сотрудничества получил доселе 1000 рубл. След<овательно> дополучить остается 500 р.» (Там же. Л. 160 об.).

[565] Русский вестник. 1861. № 6. С. 517.

очередь – за «излишки» 1831 г., отправив Елене не одно письмо соответствующего содержания:

Приписка

дал им за 1832, но зато передал за 31-й. Сочтите листы (или Андр<еева> попросите) и увидите, что гораздо более *25*. «Латник» занял листов 5, мелочь *1,* да о Дагестанском походе (спросите, получили его?) листа 4 – след<овательно>., если они за *3* не платят, я им едва ли буду должен 2 листа (в счет кладите и «Антиквария», ибо это была воля Гр<еча> отдать Розену). Всего же обязан я ставить не менее *20*, но не более 25. Пожалуйста, на каждый из сих пунктов ответствуйте подробно.[566]

Если вы, добрая и милая Елена Александровна, сочли строки «Пчелы» и С. О. (Сына Отечества), то уведомьте, считали ли вы «Наезды» в том же числе? Их надо выключить. Если же и с «Антикварием» выйдет столько, то я квит за 2 года с издателями и начинаю год с января 1833 г., но не иначе как за 5000, довольно я и до сих пор почти за полцены работал на них. Счет ваш по 1 июля верен. Но с сего числа по январь мне следует 750 рублей…[567]

Я здоров, но совершенно без денег и, что хуже еще, в долгу. Н. И. (Греч) не шлет мне денег, да и только. Каждую почту жду и каждую обманываюсь: это право досадно.[568]

К прежним неприятностям добавилась новая: Бестужев, кажется, довольно плохо представлял себе, как продвигается работа над первой частью собрания сочинений. В ноябре 1832 г. он справлялся о том у сестры Елены «(Каково идет печатание, что цензура? Что печатается в I-й части? – Я очень любопытен, каково пойдут в продажу мои грехи?»[569]). Но, как понятно из письма к родным от 29 декабря того же года, внятного ответа на вопрос Бестужев ни от кого так и не дождался: «Господа пчеловоды меня морят. Должен кругом, а от них ни гроша; это не по-товарищески, тем более, что сами обещали выслать давно. От 1го ноября имею сведение[570] что мои книги

[566] РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 165. Приписка не датирована. Г. В. Прохоров датировал его ноябрем 1832 г. (ОР РНБ. Ф. 69 (Бестужевы). Ед. хр. 38. Л. 65).
[567] Письмо от 17 ноября 1832 г. (Русский вестник. 1870. № 6. С. 522).
[568] Письмо от 1 декабря 1832 г. (Там же. С. 523).
[569] РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 165.
[570] Не очень ясно, из какого источника получены эти сведения. Единственный намек на выход «Русских повестей и рассказов», датирующийся ноябрем, можно найти в № 43 журнала «Сын отечества и Северный архив: «А что у нас между тем делают?.. У нас?.. У нас переводят все и всех. – И то дело, господа! Трудитесь в добрый час. *Впрочем, и наша*

поступят скоро в продажу, но еще пользы не вижу. Что-то будет вперед. Сулили много; как бы не съехать на убыток. Барыши и недочеты в одной ездят телеге»[571].

§3. Выход первых пяти частей «Русских повестей и рассказов»; разрыв отношений с Н. И. Гречем; сотрудничество с «Библиотекой для чтения» Ф. А. Смирдина; работа К. А. Полевого по изданию новых частей собрания сочинений

Между тем подготовка издания «Русских повестей и рассказов» шла своим чередом: 11 сентября 1832 года цензор Семенов подписал разрешение на выпуск в свет пяти частей – и 5 декабря того же года был получен билет на выпуск из типографии[572].

Вышедшие в начале 1833 г. «Русские повести и рассказы» заметно отличались от того, как изначально Бестужев мыслил собрание своих сочинений. Сейчас трудно сказать, по чьей инициативе, автора или издателей, эти изменения произошли. Во-первых, по непонятным причинам имя «Марлинский» на титуле отсутствовало, хотя под этим псевдонимом уже был напечатан ряд произведений – и, кажется, без особых препон. Во-вторых, совсем другой стала структура собрания: три части превратились в пять за счет включения почти всех новых текстов 1830–1832 гг., а также нескольких «ливонских повестей» и произведений, написанных в Якутске[573]. Вероятно,

---

литература подает некоторые надежды, а к зиме, может быть, расцветет; но об этом в другой раз» (С. 186; подпись «О»; курсив мой. – *А. П.*).

[571] Русский вестник, 1870. № 6. С. 524.

[572] Выписки из журналов заседаний цензурных комитетов и списки рукописей, рассмотренных ими, и билетов, выданных ими на выпуск изданий из типографии, за сентябрь–декабрь 1832 года (РГИА. Ф. 772 (Главное управление цензуры МНП). Д. 486. Л. 288).

[573] В «Русские повести и рассказы» вошли следующие произведения: ч. I – «Испытание», «Замок Эйзен», «Ночь на корабле», «Отрывки из рассказов о Сибири», «Шах Гусейн»; ч. II – «Наезды», «Красное покрывало», «Страшное гаданье»; ч. III – «Лейтенант Белозор», «Замок Нейгаузен», «Письмо к доктору Эрдману»; ч. IV – «Латник», «Замок Венден», «Ревельский турнир», «Роман в семи письмах», «Будочник-оратор», «Сибирские нравы. Исых»; ч. V. –

большая часть изменений была внесена самим Бестужевым, но по письмам к сестре Елене, Гречу и Н. Полевому, отправленным 9 марта 1833 г. (видимо, только тогда окончательный вид издания стал Бестужеву известен), понятно, что учитывались явно не все пожелания автора. Так, в письме к Гречу он как бы между прочим написал: «Не постигаю, отчего не поместили многих повестей, которые, конечно, занимательнее “Исыха”?»[574]. А в письме к Н. Полевому Бестужев не только пожаловался на произвол издателя «Русских повестей и рассказов», но и предложил взяться за издание новых частей собрания сочинений:

> Не знаю почему, треть моих вещей не напечатана: «Два вечера на бивуках», «Изменник», «Роман и Ольга», «Рассказ пленного офицера», «Дагест<анские> письма» и кой-что еще. Не купят ли в Москве их для печати (но в одном формате с пятью первыми); потолкуйте с книгопродавцами. Туда я бы пришил конец «Водам» и «Фрегат «Надежду». C’est en passant[575].

Кроме того, из письма Бестужева к сестре Елене от 7 сентября 1833 г., к которому нам еще предстоит обратиться, известен и тираж издания –12 тысяч экземпляров, т. е. двойной тираж каждой из пяти частей. В третьей главе диссертации уже говорилось о том, что на рубеже 1820–1830-х гг. книги расходились не слишком бойко и выпуск двойного тиража был сопряжен с большим риском, – поэтому совершенно непонятно, на что рассчитывали автор или издатели, собиравшиеся продать 12 тысяч экземпляров анонимного собрания сочинений с перепечатанными повестями и рассказами. По письмам невозможно установить, кто именно принял такое решение, но, так или иначе, оно привело к тому, что издание первых пяти частей «Русских повестей и рассказов» оказалось провальным. Кроме того, стоит напомнить, что еще в

«Аммалат-Бек».

[574] Кавказские повести. С. 521.

[575] Там же. С. 524. Ср. в письме к Елене от того же числа: «Повести получил. Загадка на загадке. Почему лучших не помещено? Почему нет “Романа и Ольги”, “Изменника”, 2-х “Вечеров на бивуаках”, “Рассказа пленного офицера”, “Дагестанских писем”, “Вечера на Кав<казских> водах”? – Нельзя ли продать их с условием напечатать в один формат с этими? Тут же будет и “Фрегат Надежда”. Это составит едва ли не 4 части. Да и “Поездку в Ревель” можно тут же; подумайте, потолкуйте, и с Богом» (РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед.хр. 12. Л. 169 об.–170).

начале 1831 г., когда проект был еще только в стадии обсуждения, Бестужев оговаривал, что части следует выпускать «врозь, так что выпустить одну, кончив по ней счеты…» – и, безусловно, это было бы более разумным планом.

Успешным продажам, очевидно, не способствовало и то, что ни в «Сыне отечества…», ни в «Северной пчеле» не было объявлено о выходе «Русских повестей и рассказов»[576]. Негативную роль сыграло то, что действия издателей и Елены Александровны, выполнявшей роль комиссионера, были совершенно между собой не согласованы. В конечном счете зимой 1833 г. это привело к большому конфликту, который только усугублял и без того сложное положение.

19 января 1833 г. К. А. Полевой отправил Бестужеву обнадеживающее письмо по поводу продажи «Русских повестей»; в письме сообщалось, что удалось заключить выгодную сделку со Смирдиным:

> …теперь скажу еще то, что вчера мы получили от милой сестры вашей Елены письмо, а при нем подарок – Ваши повести. Как она заботится о вас! Как тревожится за сбыт книги! Я готов был, как Руссо, стать на колени перед ней!.. Ваша сестра должна быть необыкновенно милое существо. Впрочем ее опасения напрасны. По какой-то интриге книгопродавцев, она не успела продать вдруг всего издания; но тем лучше: оно продастся еще дороже по сотням экземпляров, которые тают в книжных лавках, как моченый сахар. Я знаю, что Смирдин взял на первый раз 500 экземпляров, и их уже нет у него. Возьмет еще 500, и еще. Ваша книга не залежится: ручаюсь в этом.[577]

Несколько дней спустя, 23 января, Н. А. Полевой написал письмо Елене Александровне, в котором предложил безвозмездную помощь по реализации издания «Русских повестей и рассказов», – однако признался, что ее участие в издании сочинений брата стало для него новостью:

> Милостивая государыня Елена Александровна!
>
> Спешу отвечать на письмо, которым почтили вы меня от 14-го января, и благодарить вас за присылку экземпляра сочинений братца вашего <…> *Совсем не знал я, что печатание и издание производится вами. Я полагал, что распоряжение всем этим принял на себя Н. И. Греч.* Если бы мне прежде было это известно, то я осмелился бы предложить вам мои советы, которые послужили бы к совершенству книги. Так, например, можно бы

[576] В «Северной пчеле» рецензия на «Русские повести и рассказы» появилась только в № 46 от 28 февраля 1833 г.
[577] РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 5. Л. 63.

поместить в ней еще несколько статей: письмо о Кавказской стене, о битвах с Казы-Муллою, статью, бывшую в «Живописце», и перепечатать «Поездку в Ревель». Впрочем, и в настоящем виде книга составляет истинную драгоценность, равной которой не скоро дождется русская публика. Посему думаю я, что, несмотря на притеснения г<оспо>д книгопродавцев, издание у вас не залежится. Несмотря на сие, позвольте мне вам посоветовать, что, если книгопродавцы соглашаются взять у вас все издание оптом, с некоторою уступкою, примерно 30 %, то вам лучше отдать им. В таком случае они не только вредить не будут, но употребят со своей стороны все средства сбыть скорее и чрез то доставить способы печатать вновь <…> Между тем, мне желательно б было сделаться немного хотя полезным в самой продаже. Не угодно ли будет вам выслать экземпляров сто или двести для сбыта по комиссии при конторе «Телеграфа» в Москве <?> За продажу их никакой – комиссионной – платы взять я не согласен, а деньги будут доставляться из конторы по мере выручки, куда вы укажете их высылать. Если вам будет угодно на сие согласиться, то благоволите немедленно отправить экземпляры через контору дилижансовых транспортов на имя мое, в Москве, в контору «Телеграфа».[578]

Но 28 февраля Н. И. Греч, пытаясь объяснить несвоевременную присылку денег, сообщал Бестужеву, что из-за вмешательства Елены Александровны его собственная сделка со Смирдиным расстроена:

Любезнейший Александр Александрович! Вижу, что нет и не будет толку переписываться и толковать чрез посредников: я намерен отныне сноситься непосредственно с вами.

<…>

Деньги выдавал я, по востребованию Ел<ены> Ал<ександровны>; последних 750 не выслал тотчас, потому что здесь разнесся слух о том, что вы убиты в сражении[579] – и не хотел, чтоб деньги пропали, думал сберечь их для ваших. Ардалион Михайлович <Андреев> засвидетельствует вам истину сказанного мною. Теперь решите, как вы полагаете – быть или не быть мне помощником. Получив ответ утвердительный, приму свои меры, и в сем случае убедительно вас прошу дать знать, кому именно отдавать деньги.

От двоякости этой происходили все недоразумения и остановки.

---

[578] Полевой Н. А. Избранные сочинения и письма. М., 1986. С. 511–512. Курсив мой. – *А. П.*

[579] Ср. с письмом К. А. Полевого от 19 января 1833 г.: «Для всех нас, вы как будто воскресли из мертвых, любезнейший Александр Александрович! Около трех месяцев не получали мы от вас ни строки, а между тем слухи, одни других страшнее, печальнее, томили душу! Я не вытерпел этого страдания и написал к Ивану Петровичу <Жукову> – надеюсь что теперь мое письмо заставит вас улыбнуться. Ни татар, о которых вы пишете, ни писем от них не было. Но во всяком горе есть и капля утешения. Слух о вашей смерти был общим, и я не встретил человека, равнодушного к нему. Есть же сознание и в этих каменных человечках, занятых своими великолепными делами! Тут можно было видеть, что вас любит *Россия*. Вот что утешало меня... О, какой праздник был для нас сегодня, когда мы получили ваше письмо! Воскрес Бестужев!.. братски лобызаю вас… Надобно сказать, что вас хоронили уже не в первый раз; но никогда еще не говорили об этом так положительно, подробно, правдоподобно. Знаете поверье, что это обещает долгую жизнь? Дай бог, чтобы оно сбылось над вами» (РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 5. Л. 62).

Я должен вам сказать откровенно, что Ард<алион> М<ихайлович> не заслужил того, как с ним поступила Ел<ена> Александровна. Он трудился для вас сколько мог, и успел сделать со Смирдиным очень выгодную сделку. Она приехала и самым оскорбительным для него образом объявила, что он не имеет права вмешиваться в сии дела, ибо доверенность дана на ее имя, не обратила внимания на ваши отзывы в письмах к нему, и расстроила сделку со Смирдиным. Теперь, разумеется, Ард<алион> М<ихайлович> отказался от всякого в сем деле участия. Мне прискорбно было видеть это, и я напрямки высказал ей свое мнение. Мы с Андреевым трудились усердно в издании вашей книги. Корректуры читал О. М. Сомов, не требуя за сие ни какого возмездия, вместо этого наградили нас недоверчивостью и оскорблением. Жаль и больно!

Но оставим это.

Je me resume <Итак – *фр.*>: Деньги, по сотрудничеству, выданы по 1е января. Если вам угодно, по прежнему, быть моим сотрудником, то прошу вас назначить *кому* именно *и в какие сроки* должен я отдавать деньги. Если есть возможность, освободите меня от сношений с дамами.[580]

Мотивы, которые побудили Елену Александровну разорвать сделку Андреева и Смирдина, понятны: постоянные жалобы брата на неаккуратность издателей, вероятно, заставили ее усомниться в том, что этот договор был заключен в пользу автора – и, по всей видимости, Бестужев в таком решении сестру поддержал. Это подтверждает его письмо к К. А. Полевому от 23 февраля, в котором подробно рассказано об этом инциденте, о котором он узнал от сестры:

Не говорю о прежнем; умолчу о здешних моих разочарованиях; вот моя иеремиада о моих повестях.

Я поручил сестре издать повести. Сестра у меня, надо сказать, кропотунья, но редкого самоотвержения женщина: она в беде нашей была для нас провидением... Вызвался быть издателем некто А<ндреев>, человек, кажется, добрый. Вели более полугода – кончают. Он пишет ко мне, что цена будет 25 р. за экз.[581], что, за вычетом 20 процентов, составило бы 48 т<ысяч>. Говорит, что покупают все вдруг, что дают денег вперед, словом – золотые горы; просит доверенность на продажу; я посылаю ее. Молчание два месяца. Наконец получаю письмо от сестры, в котором она жалуется на Г<реча> и на издателя, что они не дали ей ни в чем отчета и запродали издание невыгодно, не давая ей ручательства в выручке, что именно сказано было в условии. Она предъявляет свою доверенность и разрывает условие с христопродавцами. Как она распоряжается, не знаю хорошенько, но уверен, что будет если не более денег, то вернее продажа. Издатели сердятся и мстят на книге. Вот уже три

[580] РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 5. Л. 69–70об.

[581] Напомним, что первоначально Бестужев предлагал продавать по 5 рублей за часть. Трудно сказать, чьей – автора или издателей – идеей стало решение увеличить цену в пять раз. Возможно, увеличение цены связано с увеличением расходов на издание: как понятно из письма к сестре Елене от 7 сентября 1833, к которому мы еще обратимся, книги «Русских повестей и рассказов» были напечатаны на дорогостоящей веленевой и любской бумаге.

> месяца как книга готова, а они не известили о готовности, ни о выходе, и этим много замедлили продажу в провинции и повредили оной везде. Не ищу я похвал – не для них издавал я изношенные повести, – мне нужны деньги, а их у меня из рук обрезывают. Обещали наверное издать под собственным именем, уверяли, что это уже позволено, и потом молчок… Потом сбавили цену, и по совету Г<реча> сбыли было издание за 33600 р., и теперь уже трудно будет взять более.[582]

После скандала с Гречем и Андреевым все хлопоты по продаже издания, кажется, легли на Елену Александровну[583] – но, по всей видимости, с задачей комиссионера она справлялась с трудом и плохо вела бухгалтерию. Продажа издания, кажется, велась настолько плохо, что со всеми долгами Бестужев был вынужден расплачиваться экземплярами[584]. Спустя некоторое время в письме к брату Павлу от 1 июня того же года[585] Бестужев подвел печальный итог провалившегося предприятия:

> Сестра плохо распорядилась и не выручила чистых денег еще 4 тысяч, но всего должно очиститься около 13 т<ыся>ч – разошлось за выключкой 700[586]

---

[582] Русский вестник. 1861. № 4. С. 432–433. Показательно, что в ответном письме к Гречу Бестужев встал на сторону сестры: «Я не думал винить Вас в разрушении замыслов Смирдина, но, признаюсь, немного подосадовал, что Вы так поздно об этом уведомили. Понадеясь на будущее, я жил с отстегнутыми карманами <…> К тому же я отказался от предложений московских – и сел на мель долгов. Но это дело наживное <…> Сестры не правлю; но не извинить ее нельзя, ибо источник ее действий – привязанность к братьям, что она доказала не словами, а жертвами всякого рода. Да, кажется, господа, вы и затронули ее гордость» (*Бестужев-Марлинский А. А*. Кавказские повести. С. 521).

[583] См., например, письмо Бестужева к сестре от 9 марта 1833 г: «Не дешевитесь. На комиссию можно дороже давать, чем гуртом. Веленевые надо продать дороже, иначе за что их печатали?» (РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 170).

[584] См. письмо к сестре Елене от 4 мая 1833 г.: «Боюсь я что вы, раздав неверным книгопродавцам в долг, не выберете своих денег вовремя. Я должен Полевому и просил его уплатиться из экземпляров» (РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 175об.) и письмо к ней же от 15 июля того же года: «Я писал к Полевому, чтобы он сквитался из денег за экз<емпляры> со мною. Я неожиданно по покупке коляски для других стал должен ему более 1000. Получу здесь – а он возьмет из выручки. Если все переслал вам, то пошлите ему еще *100* экз<емпляро>в» (Там же. Л. 177 об.).

[585] В рукописи год не указан, но легко устанавливается по содержанию письма.

[586] Вероятно, речь идет о тех экземплярах, о которых Бестужев писал К. Полевому 28 июля 1833 г. (правда, число экземпляров в этом письме указано другое): «Вам странно (и по справедливости) казалось, что мне не высылали денег. Тому было много причин: и неполучение моих писем, и неточность уплаты. Я 600 экземпляров подарил (500 сестрам и 100 издателю); потом сестра моя продала на чистые деньги. Впрочем, теперь я имею деньги, и полученные от вас 300 были уже излишни. Я просил и вновь прошу все, что я должен, уплатить экземплярами. Если нет в наличности, то уведомьте; я велю прислать еще в продажу, или чистые деньги. Мне чрезвычайно совестно, что я чрез других забрался в такие долги, и, если бы это случилось не с вами, мне бы это было очень тягостно» (Русское

экз<емпляров> непроданных – 1700 экз. Но издание мне стоило около 14 т<ысяч>, благодар<я> Андреева и Г<реча>. Остаток может дать тысяч до десяти.[587]

Кроме того, сохранилось другое письмо Бестужева к брату Павлу (недатированное, но как можно понять по содержанию, отравленное в конце весны – начале лета 1833 г.), в котором прозвучали все те же жалобы на недобросовестных издателей:

Да я и сам в премилых дураках. Издание Греч вкатал мне с лишком в 13 тысяч. Андреев запродал его на треть и дешевле, чем обещал, и затратил мои деньги, так что заплатя<т> за печать и проч. мне бог весть когда, а очистятся только 10-ть. Наем за 5 тысяч не состоялся и я должен жить на <*нрзб*> и с долгами кругом.[588]

Бестужев, сломленный провалом «Русский повестей и рассказов», мучительным следствием о гибели Ольги Нестерцовой, болезнями и тяготами походной жизни, 17 июля 1833 г. отослал сестре письмо, полное упреков:

Не понимаю, для чего вы взялись считать расходы экземплярами? Это неверно и сбивчиво. Ибо, напр<мер>, за 200 экз<емпляров> Полевой не взял ни копейки вычету, а другие проданы с разным учетом – разве нет цифр для рублей? Во всяком случае, продажа идет, как я вижу, неудачно, ибо до сих пор не продано издания и, как кажется, не соберете вы денег в 3 года. Вот что значит не следовать моим советам! Не лучше ли было, разрушив договор Андреева, – обновить оный со Смирдиным на свое имя. Теперь бы деньги были очищены. – Вы писали прежде о 400 экз<емпляра>х для сестер – оставим это число так – остальные 100 я подарю при 2-м издании. А то брат Павел выйдет в отставку, и ему нечем будет завестись на мою долю, и по вашему счету осталось более 1000 экз., следов<ательно>, за вычетом 20 про<центов>, должно быть около 18 тысяч – где ж они? Положим, я истратил 6: но около 10 не худо бы положить в ломбард. Pensez-y, chèr Helene <подумайте об этом, любезная Елена (фр.)>![589]

Из этого же письма понятно, что Елена Александровна сделки со Смирдиным не заключила; возможно, что от этого отказался он сам – из солидарности ли с Гречем или же обнаружив очевидную путаницу и столкновение интересов. Что же касается той договоренности, о которой писал

обозрение. 1894. № 10. С. 828).

[587] Отечественные записки. 1860. № 6. С. 311. Хотя в оригинале письма (РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 21. Лл. 28.) фамилия Греча написана полностью, публикатор письма М. И. Семевский заменил ее на криптоним «Г.».

[588] РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 21. Л. 31–31об.

[589] РО ИРЛИ 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 178 об.–179.

К. Полевой в письме от 19 февраля, то здесь, видимо, речь шла о сделке Смирдина с Полевыми, которым Еленой Александровной была передана часть тиража.

Задачу Бестужевой по управлению финансовой стороной проекта усложняло еще и то, что Греч, и прежде с ней не считавшийся, после ссоры вовсе прекратил с ней всякое общение, а отчеты по расходам за подготовку издания высылал прямо Бестужеву в Дербент[590].

Новый оборот получила и история сотрудничества с «Сыном отечества и Северным архивом»: Бестужев узнал, что, возможно, вскоре его тяжелое финансовое положение несколько облегчится. 22 сентября 1832 г., писатель вскользь сообщил К. Полевому: «Я у вас в долгу и без денег, по душе – не журите, если запоздаю оплатою, то наверное напишу вам повесть и посвящу вам же. Для этого, *по новому условию с книгопродавцем Смирдиным* и перепродавцем мною, придется вильнуть и сказать, что я еще в этом году прислал вам ее, а вы припрятали для казового конца. Аминь»[591].

Сам К. Полевой, опубликовавший в 1861 г. это письмо, сопроводил его комментарием: «Бог избавил его от греха: он не написал обещанной повести. Впрочем, я не понимаю, о каком *условии* с Смирдиным упоминает он…»[592]. Суть этого условия несколько проясняется, если забежать несколько вперед и обратиться к письму Греча к Бестужеву от 28 февраля 1833 г.: «…сестрица

---

[590] См., письмо Бестужева к сестре от 7 сентября 1833 г.: «Вы, любезнейшая сестрица, пишете, что Греч не доставил вам счета – вот он, за подписью Греча ко мне присланный.
За печать 86 ¾ листов по 50 (р.) за лист всего – 4318 р. 75
За любскую бумагу 445 ½ стоп по 12–50 к. – 5568 (р.) 75
Веленевой 11 ¼ стоп по 25 (р.) – 281 – 25
Оберточной 6 стоп по 30 (р.) – 199 – 50
За переплет 12 тысяч экз./!/– 960 –
За переплет цензур. экз. – 25

Итого 11–353 (р) – 25
Уплачено было 2000

Остается упл<ати>ть 9.353 – 25» (РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 180).
[591] Русский вестник. 1861. № 3. С. 333. Курсив мой – *А. П.*
[592] Там же.

ваша, Елена Александровна, дала знать, что вы не соглашаетесь продолжать сотрудничества на прежнем со мною условии*, а желаете иметь в год по 5 т<ысяч> рублей. – Сие предложение было сделано мною от Смирдина, который хотел взять с 1833 года на свой счет наши журналы*, и желал, чтобы в них лучшие наши литераторы участвовали исключительно. Но его предположение разрушилось не от нашей вины, и мы продолжаем журнал на прежнем основании»[593]. Можно предположить, что летом 1832 г. Смирдин собирался выкупить «Сын отечества», оставив Греча и Булгарина редакторами (именно на плечи Смирдина ложилась бы в таком случае финансовая сторона издания, в том числе – и выплаты гонораров), – но, как известно, этот замысел Смирдина реализовался лишь в 1838 г. Разумеется, Бестужев всех подробностей знать не мог, поэтому был полон радости и надежд.

Спустя месяц, 27 октября, Бестужев сообщил об «условии» со Смирдиным и родным:

> Что же касается до согласия на предложение Смирдина, оно было весьма ясно. Деньги в лапку и дело в шляпку[594]. Первую тысячу с 1-го января. Когда получите то половину пришлите мне, а 500 рублей пошлите от меня *Павлу*, я буду ежегодно давать ему постольку – а там, когда стану побогаче, – увидим <...> С Гречем надо кончить счет по 1-е января, т. е. взять у него только 250 рублей. А если (как он обещал Катерине Петровне) он ранее пошлет мне 500, то 250 останется дополучить к новому году, *чтобы пятитысячное жалованье с полуторным не мешать.* Это покорно прошу исполнить строго, во избежание недоразумий и недочетов. Смирдину скажите, что на 1833-й год я дам ему не менее сорока печатных листов и буду ему дружить и прямить. <...> Прошу не забыть счета с Гречем. За год, начиная с половины 1831, через Андреева получено 500 (они еще в утрате) – потом в январе вы взяли у Греча 500 (мне прислали 400) – потом в мае мне прислали 300, да Катерина Петровна в августе взяла 200. = 500. Следовательно, за новое полугодие с 1-го июля по 1-е января следует получить 750 рублей – они еще не получены (но если Греч дает 1000, то я должен буду 250) <…> Если Смирдин откажется давать 5000 по условию, то я никому не слуга, мне выгоднее присесть и писать роман, чтобы вдруг себя обеспечить.[595]

---

[593] РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 5. Л. 69. Курсив мой – *А. П.*

[594] См. также ноябрьское письмо Бестужева того же года: «Со Смирдиным кажется сойдусь, – спасибо Гречу, много благодарю Андреева» (Там же. Ед. хр. 12. Л. 165) и письмо к матери и сестрам от 29 декабря 1832 г.: «Со Смирдиным готов сделаться за пять тысяч – иначе не хочу и с старыми приятелями. Мне выгоднее будет печатать мои повести особо: я верно выберу более 5000 в год» (Русский вестник. 1870. № 6. С. 524).

[595] РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 163–164, 165.

Надежды Бестужева не оправдались – и из письма Греча, уже упомянутого выше, он узнает, что издатель готов продолжить с ним сотрудничество только на прежних условиях («Я не могу давать в год более прежних 1500 р., то есть именно той суммы, которую вы сами назначили. Листов не считаю, а желал бы искренно иметь вас, по-прежнему, моим сотрудником, не возлагая на вас никакой исключительной обязанности»[596]). Но Бестужев, уставший от неурядиц и, очевидно, уже разочарованный в Грече, в письме от 9 марта от сотрудничества на постоянной основе отказывается, объясняя свое решение работой над романом[597] (рассказывая об отказе сотрудничать с Гречем К. А. Полевому и сестре, он был явно менее сдержанным и любезным[598]). Видимо, все еще не желая окончательного разрыва отношений, он предлагает купить у него повесть «Фрегат Надежда», ранее высланную, вероятно, в счет листов по договору, и изъявляет готовность в дальнейшем присылать тексты по 100 рублей за лист:

> «Фрегат Надежда» давно выслана вся – в 3-х частях. Это если не лучшая, то одна из лучших моих повестей. Если угодно – возьмите ее, – об условиях я писал[599]. Вперед, если угодно, я порой буду присылать статьи – но не иначе как за 100 р. лист[600]. Уведомьте, согласны ли Вы. Это дело коммерческое.[601]

---

[596] РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 5. Л. 69 об.

[597] «…я уже насчет сотрудничества сделал свои распоряжения. Я отказался от него, но не подумайте, что из расчетов денежных, нет, это из расчетов досуга, который хочется мне употребить на что-нибудь подельнее летучих журнальных статей. Коротко и прямо: я задумал роман, и если бог даст ума, а служба время, в этот год полип нашей словесности нарастет еще одним рогом» (*Бестужев-Марлинский А. А*. Кавказские повести. С. 521).

[598] 23 февраля 1833 г. Бестужев писал К. А. Полевому: «Смирдин через Н<николая> И<вановича> закабалил меня в год за 5 тысяч, но его журнал не состоялся, и Н. И. извещает меня лишь теперь об этом, предлагая по-прежнему сотрудиться за 1500 в год. Я отказался, и теперь вольный казак» (Русский вестник. 1861. № 4. С. 434). 9 марта 1833 г. он сообщал сестре: «Греч подъезжает ко мне с предложением по-прежнему – нет. – Он подарил мне Шекспира, очень благодарен, – но он, верно, десять Шекспиров выгадал на моем издании, и я батраком его быть не намерен. Он жалуется на вас, но кто верит? <…> Пишу к Гречу ответ и отказ, предлагая, если хочет давать 100 (р). за лист, то пусть. Иначе ни строки» (РО ИРЛИ. Ф 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 170–170 об).

[599] См. письмо к Елене Александровне от 30 марта 1833 г.: «Гречу я писал насчет повести “Фрегат Надежда”. Я оценил ее в 1750 рубл. и просил *1000* чистыми – вольному воля – если *не берет*, – послать к Полевому не означая цены» (РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 173). Говоря о том, что, назначая за повесть 1750, он просит за нее «чистыми» 1000 рублей, Бестужев имеет в виду, что 750 рублей пойдут за уплату долга за прошедший год. См. об этом в письме к Гречу от 9 марта: «За прошлое полугодие, не желая брать

Из писем становится ясно, что денег, – в том числе за «Фрегат Надежду» – Бестужев так и не увидел, о чем сообщал не в одном письме:

> Что же Греч? – Что Андреев? Он мне 750 рубл. должен и молчит. – Первому писал я, чтобы 1000 р. доставил Кат<ерине> П<етровн>е <Торсон>, но их в получке нет, а вы о сем ни слова. Когда вы будете отвечать на каждый вопрос мой, любезная сестрица? Знаете ли, что за такою далью это 1-я вещь.[602]
>
> Денег нет ниоткуда. Греч не шлет. Анд<реев> не пишет, взявши лишних до *1000*. Вы тоже. Не знаю, как и выехать, если переведут к Тифлису! – Каково идет расплата за продажу…[603]
>
> Андреев взял за прошлое полугодие у Греча 250 да *750* лишних у Смирдина. На I-е прислал он книг Жукову, но остальные должен. Как бы мне достать эти деньги? – Вот так расхваленные люди поступают. Вы тоже не упустили словца на похвалы. Но кто ж не обманывается издали! –[604]
>
> Товарищество Смирдина сделало все, что могло, чтобы замедлить мои повести, рассердясь на сестру мою за разорвание ими контракта. Я смеюсь этому и решительно отказался хоть строчкой помогать им. Довольно, что за год они сыграли со мной штучку, известив уже в марте о несостоянии нового журнала и выманив тем самым за бесценок повесть. Обжегся я на многих, и между прочим всех более на А<ндрееве>, издателе повестей, который взял с лишком три тысячи и ни гугу.[605]
>
> При сем письмо к Гречу прочтите, запечатайте и отправьте с небольшою записочкою, где скажете, что А. А. говорит, что он доверия г. А<ндрееву>ву на получение денег не давал – а потому все сделки с Андреевым считает как бы не бывшими, тем более, что он чрез меня же писал к вам о вручении денег за «Фр<егат> Н<адежду>» именно мне. Пишите к сестре, просите, чтоб она приехала похлопотать о деньгах, взятых А<ндреев>м у Смирдина и о сих от Греча. Я их не получал, – это решительно. Тут нечего и списываться. Уполномочиваю на сей счет ее даже просить начальство Андреева, если до

незаслуженного, я просил уплатить 500 рубл. Ар<далиона> М<ихайловича> Андреева, а 260 получите с сестры» (*Бестужев-Марлинский А. А*. Кавказские повести. С. 521).

[600] Такое же предложение было сделано и Н. Полевому в письме от 23 февраля 1833 г.: «Скажите откровенно и без крох мыслей: можете ли вы давать мне по 100 р. за лист? Мне предлагают более, но я хочу иметь дело с людьми, а не с людом. Если это тяжело для вас – одно слово, и все по-старому. Я делаю это потому, что надежды мои не оправдались и в половину, что Бог весть, когда будут у меня деньги за издание» (Русский вестник. 1861. №4. С.434).

[601] *Бестужев-Марлинский А. А*. Кавказские повести. С. 521.

[602] Письмо к сестре Елене от 4 мая 1833 г. (РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 175 об.).

[603] Письмо к сестре Елене от 15 июля 1833 г. (Там же. Л. 177об).

[604] Письмо к сестре Елене от 17 июля 1833 г. (Там же. Л. 179–179об).

[605] Письмо к К. А. Полевому от 5 октября 1833 г. (Русский вестник. 1861. № 4. С. 449–450).

того дойдет. Мне наскучило быть игрушкою всех. Пусть для сего Гр<реч>. покажет расписку Андр<ееву>, – иначе не верить, что он отдал.[606]

Андреев поступает со мной просто бесчестно. Он взял особо 90 экз<емпляров>, да кроме них 2000 от Смирдина для покупок и отвечал, что он истратил их для твоих поручений – а ко мне ни гу-гу – я просто не знаю, что делать. Кроме того, он, несмотря на ссору нашу, бог знает по какому поводу сделался с Гречем – и тот отвечает, что за «Фрегат Надежду» он отдает деньги ему же, якобы по моему письму, – как гадки люди! Надо было узнать мне в них столько, чтобы разлюбить – почему я всегда и всех более их жертвою? – Скажи после этого, что нет судьбы. Напиши, пожалуйста, ему, чтобы он прислал мне счет.[607]

Причина, по которой деньги до Бестужева не дошли, понятна. Греч был слишком сердит на Елену Александровну, которая расторгла сделку со Смирдиным, поэтому пошел на принцип и стал высылать все деньги исключительно через Андреева, который, по всей видимости, присваивал их себе. Терпение Бестужева окончательно иссякло после того, как из № 224 (4 октября) «Северной пчелы» Бестужев узнал, что он зачислен в штат сотрудников «Библиотеки для чтения», что в его планы не входило[608], – и увидел в этом происки Греча.

Наконец 9 ноября 1833 г. Бестужев отправил Гречу письмо, в котором объявлял об окончательном разрыве отношений:

Милостивый государь
Николай Иванович,
тяжело мне очно разочаровываться насчет людей, которых я привык любить и уважать. Не хотел я верить, чтобы они могли пользоваться чужим несчастием для собственных выгод, но последняя почта убедила меня в этом и печатно, и письменно. «Северная пчела» возвещает во всеулышание, что я сотрудник Смирдина, я, к которому никто из издателей не писал об этом ни слова… И потом г-жа Торсон пишет ваш ответ на мои частые просьбы об уплате за повесть «Фр<егат> Над<ежда>», будто А. А. поручил письмом А. М.

---

[606] Письмо к К. П. Торсон от 9 ноября 1833 г. (РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 182–182 об.).
[607] Письмо к И. П. Жукову от 16 ноября 1833 г. (Там же. Ед. хр. 5. Л. 19).
[608] См. письмо к К. А. Полевому от 5 октября 1833 г.: «Что делается у вас в словесном мире? Смирдин и компания объявили журнал? Хорош должен быть он, когда главным достоинством его, по их собственным словам, будет знание в книжной торговле! До презрения мне жалка словесность наша, когда она в такой молодости продажна! <…> У нас же эти ремесленники умеют из всего высокого, благородного вылить копейки; умеют захватить в свои руки и похвалы и одобрения, из которых они делают торговлю, и беда тому, кто захочет обойтись без их приязни, получаемой напрокат» (Русский вестник. 1861. № 4. С. 449–450).

Андрееву получить с вас следующие ему деньги, которые по сему и будут отданы.

Вы лучше, нежели кто другой, знаете, почему г-н Андреев потерял мое доверие; Вы получили от меня до 3-х писем, из коих в каждом я поручал вручить 1000р сестре моей или кого она назначит – и, несмотря на это, вам угодно было сделать вопреки моему желанию! Не говорю приязнь, не говорю учтивость, но самый законный обычай требует, чтобы последние поручения или доверенности были предпочтительнее первых – и сделали напротив. В этом случае вы не можете оговориться даже тем, что прежде писем моих отдали деньги Андрееву; прошел год со дня получения повести – и вы отвечаете, что только будет уплачено. Передо мной лежит письмо ваше, в коем вы спрашиваете, кому отдавать деньги за присланные пьесы? – Я назначал сестру или г-жу Торсон, а вы избираете Андреева, которому я никогда в 1833-м году, даже в 1832 сего не поручал; пусть он покажет хоть одно письмо, за «Фр<егат> Над<ежду>» доверяющее ему получить с вас деньги? Я писал ему о цене сей повести – но получение доверял сестре. – Притом г. Андреев берет мои деньги у Смирдина и уже два года не пишет ко мне, и вы это знаете и после этого на зло мне берете его посредником. – Что я должен заключить из этого?

Видя, что мною так играют, должен предупредить вас, милостивый государь, что деньги за «Фр<егат> Н<адежду>», если б вы даже и отдали оные г. Андрееву, я в счет не приму, ибо сего не доверял ни ему, ни вам, ибо от него не получал я никаких денег, да и надежды получить не имею.

Вы знаете, что несмотря на предложения других журналистов, отдававших цену листа на всю мою волю выгод, я работал для «С<ына> о<течества>» за ничтожную цену 1500 в год; вы знаете, что Смирдин для альманаха предлагал мне 300 р. за лист – но я послал к вам повесть «Ф<регат> Н<адежда>», назначив ей цену 1750 р-й, из коих 750 возвращал вам же, и вы держали уплату год – и потом, вопреки мне, сделываетесь с А<ндреевы>м. Много благодарен!..

Потом, какое право имел г. Смирдин поместить мое имя в описи сотрудников? Когда я давал ему на то слово? Когда я продавал ему на наклёвку имя свое! – Вы издатель этого журнала, и вы лучше всех знаете, что я решительно отказывался от участия в «С<ыне> о<течест>ве» за штучку, сыгранную со мной в прошлом году. И вдруг, не известив меня ни строчкой, печатается мое имя! В одно и то же время вы лишаете меня должного за прежние труды и как бы в насмешку, пользуясь моим изгнанием, ловите на мое прозвище подписчиков – скажите, европейский ли это поступок!!! – Я извещу об этом весь печатный русский мир. Пусть не сердится г. Смирдин: я не игрушка ему.

Горька судьба моя здесь – я сердцем жил в России, – и что же? Каждый день я и так теряю людей, с которыми любил жить памятью! Я вижу, что горсть сребренников для них дороже всех воспоминаний – да будет!

С почтением имею честь быть покорным слугою

Александр Бестужев.

9 ноября 1833 г.

Дербент.[609]

[609] РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 12. Л. 183–184 об.

Объявление в «Северной пчеле» настолько Бестужева возмутило, что он того же 9 ноября отправил К. А. Полевому протест для публикации в «Московском телеграфе»[610] и, вероятно, отослал еще одно письмо самому Смирдину. Это понятно из письма к Катерине Петровне Торсон от 7 декабря 1833 г., которое интересно прежде всего тем, что из него становится известно о новом повороте в отношениях между Бестужевым и Смирдиным:

> Смирдин писал ко мне, что сестрица Елена Александровна уверила его, что я буду его сотрудником, и, надеясь на это, он напечатал мое имя в перечне авторов. Как ни досадно было мне это, но там, где ссылаются на слово сестры, я пас. Предлагал он мне 300 р. за лист, я не иначе соглашаюсь, как погодно за 5 тысяч. С тем, что, начиная с 1 января, он 10 месяцев сряду каждое 1-е число будет выдавать вам по *500* р<ублей>й асс<игнациями>[611]. Съездите к нему и спросите, согласен ли он на мое письмо? И если *да,* то получите первые деньги. Если ж *нет*, поскорей известите. Я писал к нему страховой<?> – след<овательно>о не мог не получить его. Там между прочим сказано, что если он при каждом 1-м числе просрочит 3 дни уплаты, я считаю, договор надо рвать с ним.[612]

Обратим внимание на первую фразу письма. Думается, что Смирдин и вправду не слукавил, сославшись на Елену Александровну, – а у нее действительно были причины такое обещание дать. С одной стороны, она могла чувствовать вину за вмешательство в дела Андреева, Греча и Смирдина, которое заметно усложнило и так тяжелую для Бестужева ситуацию, сложившуюся во второй половине 1833 г., – и наверняка не забыла об упреке брата («Не лучше ли было, разрушив договор Андреева, – обновить оный со Смирдиным на свое имя. Теперь бы деньги были очищены»), брошенном ей в письме от 17 июля 1833 г. Во-вторых, Елена Александровна могла помнить и то, с какой радостью во второй половине 1832 г. Бестужев принял новость о возможности сотрудничать с изданием Смирдина за 5 тысяч рублей в год – и как был раздосадован, когда понял, что остается при прежних деньгах. В конце

---

[610] См.: *Бестужев-Марлинский А. А*. Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 508–510.

[611] Эта сделка с «Библиотекой для чтения» описана современниками – см., например, в «Воспоминания» Я. И. Костенецкого, кавказского знакомца Бестужева (*Костенецкий Я. И.* Из «Воспоминаний» // Писатели-декабристы в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 165). Но это свидетельство пестрит ошибками: Смирдин назван Сенковским, а 5000 рублей в год превратились в тысячу рублей за лист.

[612] РО ИРЛИ. Ф. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 11. Л. 150–151.

концов, с учетом всех обстоятельств (огромный и плохо расходящийся тираж, бесчисленные долги, отказ от сотрудничества с изданием Греча) это обещание Смирдину могло показаться ей лучшим выходом. Как бы то ни было, сделка со Смирдиным состоялась[613] – причем на условиях самого Бестужева, выгодных, пожалуй, ему одному[614].

Летом того же года в жизни Бестужева произошли и другие изменения, о которых он написал брату Павлу 1 июня 1833 г.: «…я дал доверенность Полевому на издание остальных <повестей. – *А. П.*>»[615]. Новым комиссионером Бестужева стал К. А. Полевой – и в 1834 г. вышли новые три тома «Русских повестей и рассказов». К сожалению, нам неизвестны никакие подробности и детали, связанные со вторым этапом издания собрания сочинений; понятно только одно – этот этап оказался не в пример успешнее предыдущего. К. А. Полевой был человеком не только опытным (именно на нем по большому счету лежали хлопоты по изданию «Московского телеграфа»), искренне любящим Бестужева и ценящим его писательское дарование – но и человеком в высшей степени ответственным и порядочным, поэтому издание повестей велось с этого момента очень тщательно и аккуратно. Полевой вносил в корректуры все поправки Бестужева, регулярно отчитывался за все действия и своевременно высылал деньги – хотя, кажется, прежние издатели и пытались внести смуту. Об этом известно из письма Бестужева к Полевому от 21 февраля 1834 г., в котором упоминается письмо Булгарина:

> Еще получил я диковинку – письмо, и от кого вы думаете? От Фаддея! Оправдание Греча и Смирдина, обвинение сестры Елены (которую несчастия точно сделали чересчур подозрительною) – и наконец, разумеется, выходки против Вас и предвещание, что Вы меня обманете, обсчитаете и бог весть что <…> Не постигаю, отчего они так клевещут о Вас? Врагом по литературе дозволено быть – но личность есть вещь святая, и смешивать частную жизнь с публичным изданием – есть низость.[616]

---

[613] В 1834 г. в «Библиотеке для чтения» за подписью «Марлинский» появились статья «Новый русский язык» (т. II) и «Кавказские очерки» (т. VI, XII).

[614] См. письмо к К. А. Полевому от <21 февраля 1834>: «Смирдин платит мне 5 тысяч в год за 12 листов» (Бестужев-Марлинский А. А. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 517)

[615] РО ИРЛИ. В. 604 (Бестужевы). Ед. хр. 21. Л. 28.

[616] *Бестужев-Марлинский А. А.* Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 517.

По каким-то причинам Бестужев, чьи проекты начали наконец приносить прибыль, а возвращение в литературу стало поистине триумфальным, по отношению к своему комиссионеру поступил крайне несправедливо: за всю сделанную работу Полевой не получил ни рубля. Об этом известно из признания самого К. А. Полевого, высказанного им в предисловии к публикуемым письмам Бестужева: «По милости почты и частых своих переселений, он не получал несколько месяцев моих писем, в то самое время, когда я хлопотал о выручке денег за его сочинения, и в одном письме, минутно, в припадке прилива желчи (как он объяснял потом), он даже выразил мне некоторое сомнение… Можно видеть из следующего за тем письма, как он раскаивался в этом оскорблении меня! Может ли назвать иначе подозрение его тот, кто <...> составил для него капитал в 20000 рублей ассигнациями изданием его сочинений и безвозмездным трудом своим притом <...> Вознаграждением меня за все, что делал я для Бестужева, служило единственно собственное сознание, что я исполнил долг верного друга его, как он называл меня много раз»[617].

Выход новых частей «Русских повестей и рассказов» принес своему автору настоящую славу и любовь читателей. Более того, имя «Марлинский» даже стало предметом спекуляции, о чем известно из сообщений «Северной пчелы». В 1834 году в № 215 газеты была опубликована рецензия на шестую, седьмую и восьмую части собрания сочинений А. Марлинского: «Таким образом, с изданием этих трех частей, мы имеем <…> целую библиотеку, в которой собрано так много ума, познаний, чувства и счастливых замыслов, целую картинную галерею, хотя и одного мастера, но разнообразную, как никакая из всех галерей»[618]. А через месяц читатели газеты узнали о том, что под заголовком «Русские повести и рассказы *А. М-го*» вышли повести А.

[617] Русский вестник. 1861. № 3. С. 288.
[618] Русские повести и рассказы // Северная пчела. 1834. № 215, 24 сентября; подпись: В.

Павлова[619] «Гусар и парижанка» и «Разбойник и девица», причем истинный автор повестей называет себя только в конце пространного посвятительного письма. Анонимный рецензент «Северной пчелы» пишет о возможных последствиях «выдумки»: «Какой-нибудь легковерный помещик, увидев в “Московских ведомостях” объявление о книге, которой заглавие выписали мы в начале этой статьи, поспешит выписать ее от В. В. Логинова в полной уверенности, что получит новые томы “Повестей и рассказов” Марлинского. Но как жестоко, как безжалостно разочарует его книга Г-на Павлова!»[620]. И далее, разгромный отзыв завершается сетованием: «Вот такие книги пишутся и печатаются в Москве-белокаменной, и навязываются, под фальшивою фирмою любителям русского чтения!»[621]. Как видно из этих отзывов, и для рецензента, и для литераторов-спекулянтов псевдоним «Марлинский» был хорошо знаком, хотя 6–8 части «Русских повестей и рассказов», как и первые пять, вышли без указания автора.

История издательских проектов Бестужева – от «якутского» альманаха до «Русских повестей и рассказов» показывает, что писатель, вопреки своей оторванности от книжного рынка, не только пытался соотносить свои планы с реальными читательскими запросами, но и был достаточно гибок для того, чтобы отказаться от неудачного проекта или изменить финансовую стратегию. Наверное, мы не пойдем против истины, если скажем, что причиной издательских неудач Бестужева были в большинстве своем обстоятельства, от него совершенно независящим, – например, действия недобросовестных или неумелых комиссионеров, на которых ссыльный писатель практически никак не

---

[619] Павлов – бытовая фамилия Александра Павловича Протопопова, московского писателя, автора низовой литературы (*Рейтблат А. И.* Безымянные литераторы (Из опыта массовой атрибуции книг второй четверти XIX века) // Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001. С. 240–241.

[620] Русские повести и рассказы А. М-го // Северная пчела. 1834. № 245, 29 октября; подпись: Р. Р.

[621] Там же.

мог повлиять.